«Новое слово в жанре фэнтези наконец сказано!»

Наоми Новик



Дракон Его Величества

Дракон Его Величества
Наоми Новик

Аннотация
Наоми Новик. Дракон Его Величества
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
  Глава четвертая
  Глава пятая
  Глава шестая
  Глава седьмая
  Глава восьмая
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
  Глава девятая
  Глава десятая
  Глава одиннадцатая
  Глава двенадцатая
Эпилог
ПРИЛОЖЕНИЕ
  ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ КНИГИ СЭРА ЭДВАРДА ХОУ
    По поводу измерения веса драконов. Преди-

словие автора
Глава V
Глава XVII

Аннотация

…Наполеоновские войны с участием драконов. Ящеры, выполняющие роль «разумных самолетов». Легендарные монстры, носящие офицерское звание и преподающие людям-«авиаторам» непростое искусство полета на драконах.

Разве такое возможно? В потрясающем воображение романе Наоми Новик возможно все!..

Наоми Новик
Дракон Его Величества

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Палуба французского корабля стала скользкой от крови. Волнение было сильным, и каждый удар мог свалить с ног как противника, так и того, кто этот удар наносил. В пылу боя Лоуренсу некогда было удивляться силе вражеского сопротивления, но страдание на лице французского капитана он видел даже сквозь мелькающие клинки и пороховой дым.

Это выражение не исчезло и тогда, когда француз скрепя сердце вручил ему свою шпагу. Лоуренс, убедившись, что неприятельский флаг спущен, принял шпагу с поклоном; сам он по-французски не говорил, и для официальной капитуляции требовалось присутствие третьего лейтенанта, который пока был занят на пушечной палубе. Все французы, оставшиеся в живых, побросали оружие. Их было меньше, чем Лоуренс мог ожидать от команды тридцатишестипушечного фрегата, и все они имели больной, изнуренный вид.

Палубу покрывали тела мертвых и умирающих. Лоуренс, покачав головой, бросил неприязненный взгляд на французского капитана. С какой

стати было ему вступать в бой? Помимо того что «Надежный» в любом случае превосходил «Амитье» по числу людей и орудий, французская команда явно пострадала от какого-то бедствия, голода или повальной болезни. И снасти у них перепутаны после утреннего шторма — бой тут ни при чем. Французы сумели дать один-единственный бортовой залп, прежде чем «Надежный» взял их на абордаж. Видно, что капитан удручен поражением, но он ведь не мальчик, чтобы идти на поводу у настроений. Подумал бы о своих людях, прежде чем бросать их в эту безнадежную схватку.

— Мистер Райли, — окликнул Лоуренс второго помощника, — распорядитесь перенести раненых вниз. — Французскую шпагу он пристегнул к поясу. При других обстоятельствах он вернул бы ее побежденному, но этот человек, по его мнению, не заслуживал такой чести. — И пошлите за мистером Уэллсом.

— Есть, сэр, — ответил Райли.

Лоуренс подошел к борту взглянуть, сильно ли поврежден корпус. Особого ущерба захваченный корабль не претерпел: английский капитан заранее наказал своим канонирам ниже ватерлинии не стрелять и теперь с удовлетворением отметил,

что доставить трофей в порт не составит труда.

Пряди, выбившиеся из короткого хвоста на затылке, упали ему на глаза. Лоуренс выпрямился и нетерпеливо смахнул их, запачкав кровью лоб и выгоревшие на солнце волосы. Из-за этого он — широкоплечий, с суровым лицом — утратил обычную мягкую задумчивость и стал казаться крайне свирепым.

Вызванный им Уэллс поднялся наверх.

— Виноват, сэр, — обратился он к капитану, — но лейтенант Гиббс обнаружил в трюме нечто странное.

— Вот как? Пойду взгляну. Скажите этому джентльмену, — Лоуренс показал на французского капитана, — что он должен дать мне честное слово за себя и своих людей, иначе они все будут взяты под стражу.

Француз помолчал, оглядывая свою команду с самым несчастным видом. Им было бы гораздо лучше остаться на нижней палубе, и отбить судно у англичан не представлялось возможным, однако он все еще колебался.

— Je me rends,[1] — промолвил он наконец, совершенно убитый.

---

[1] Примечания: 1
Сдаюсь *(фр.)*

— Он может вернуться в свою каюту, — с коротким кивком сказал Лоуренс и направился к трапу. — Вы идете, Том? Хорошо.

Первый лейтенант ждал их внизу. Круглое потное лицо Гиббса так и сияло. Трофей в порт поведет он, а поскольку это фрегат, его почти наверняка произведут в капитаны. Лоуренс разделял его ликование в весьма умеренной степени: Гиббса ему навязало Адмиралтейство, и хотя тот неплохо справлялся со своими обязанностями, капитан предпочел бы видеть на месте первого лейтенанта Райли. Будь так, повышение сейчас получил бы друг Лоуренса. Капитан не держал на Гиббса зла, но радовался бы куда больше, окажись счастливцем Райли, а не другой.

— Ну, что тут у вас такое? — Находившиеся в трюме люди, вместо того чтобы заниматься описью груза, столпились у непонятно зачем поставленной кормовой переборки.

— Прошу сюда. Эй, ребята, посторонись! — Переборку, в которой была прорезана дверь, построили совсем недавно — на это указывали доски, значительно свежее остальной древесины в трюме.

Пригнувшись под низкой притолокой, капитан оказался в отделении с железными крепями

на стенах, придававшими кораблю ненужную тяжесть. Пол застлан старой парусиной, в углу печка, ныне бездействующая. Единственным грузом, хранившимся здесь, был большой ящик, высотой по пояс человеку и такой же ширины, приделанный к полу и стенкам толстыми тросами, продетыми в железные кольца.

После недолгой борьбы Лоуренс уступил любопытству.

— Посмотрим-ка, что там внутри, мистер Гиббс. — Он отошел в сторону. Крышку, приколоченную гвоздями, мигом отодрали, верхний слой упаковки сняли и сгрудились вокруг ящика, вытягивая шеи.

Среди общего молчания Лоуренс увидел торчащую из соломы блестящую верхушку яйца.

— Пошлите за мистером Поллитом, — проговорил он, не веря своим глазам. — Мистер Райли, убедитесь, пожалуйста, в прочности этих распорок.

Райли, с трудом оторвавшись от невиданного зрелища, выпалил «да, сэр» и стал проверять крепления.

Лоуренс вряд ли мог сомневаться в том, чье это яйцо, хотя сам видел такое впервые. Оправившись от первого потрясения, он потрогал гладкую

твердую скорлупу и тут же отдернул руку, боясь что-нибудь повредить.

Мистер Поллит неуклюже слез в трюм, держась обеими руками за края трапа и оставляя на них кровавые отпечатки. Корабельным врачом он стал в солидном тридцатилетнем возрасте, отчего-то разочаровавшись в сухопутной карьере, и был совсем не моряк. Команда, однако, любила добродушного доктора, хотя оперировал он не всегда твердой рукой.

— Да, сэр? — И тут Поллит увидел яйцо. — Боже правый!

— Драконье, не так ли? — спросил Лоуренс, стараясь не слишком выказывать свое торжество.

— Безусловно, капитан. Это по одной только величине видно. — Врач вытер руки о фартук и снял сверху еще немного соломы. — Смотрите, оно совсем твердое. Не знаю, что они себе думали, находясь так далеко от земли.

Эти слова не внушали особой бодрости.

— Твердое? — резко повторил Лоуренс. — Что это значит?

— Да то, что детеныш вот-вот вылупится. Для пущей уверенности мне надо заглянуть в книги, но в «Бестиарии» Бадка, насколько я помню, сказано: когда скорлупа затвердеет полностью,

выхода следует ждать примерно через неделю. Великолепный экземпляр! Пойду принесу свою мерную ленту.

Он поспешил прочь, а Лоуренс, став вплотную к Гиббсу и Райли, проговорил тихо, чтобы никто другой не услышал:

— До Мадейры нам даже с попутным ветром идти три недели, так?

— В лучшем случае, сэр, — кивнул Гиббс.

— Ума не приложу, как их занесло сюда с таким грузом, — сказал Райли. — Что вы намерены предпринять, сэр?

Первоначальная радость Лоуренса постепенно переходила в испуг. Он тупо смотрел на яйцо, которое даже при тусклом свете фонаря излучало теплое мраморное сияние.

— Будь я проклят, Том, если знаю. Для начала, пожалуй, верну шпагу французскому капитану: теперь я понимаю, за что он так дрался.

Впрочем, Лоуренс, конечно же, знал, что делать. Сложившаяся ситуация позволяла принять только одно, хотя и малоприятное решение. Он наблюдал за переносом ящика на «Надежный» — единственный мрачный человек среди общего веселья, не считая французских офицеров. Он позволил им свободно передвигаться по шканцам,

и французы следили за процедурой оттуда. Все англичане, не занятые делом, многозначительно ухмылялись и подталкивали друг друга, давая бесчисленные советы потным носильщикам.

Яйцо благополучно переместили на палубу английского корабля, и Лоуренс простился с Гиббсом.

— Пленных я оставляю с вами, чтобы не натворили глупостей, пытаясь отбить яйцо. Старайтесь по возможности не отставать от нас. Если все-таки придется расстаться, встретимся на Мадейре. От всего сердца поздравляю вас, капитан. — Лоуренс потряс руку первому лейтенанту.

— Благодарю вас, сэр. Я стольким обязан… — Но красноречие, которое никогда не было сильной стороной Гиббса, изменило ему окончательно — он только и мог, что улыбаться Лоуренсу и всему остальному миру, столь щедро его одарившему.

Корабли стояли рядом, и Лоуренсу не пришлось брать шлюпку — он просто перескочил с борта на борт, воспользовавшись накатившей волной. Райли и другие офицеры уже проделали этот маневр. Дав приказ ставить паруса, Лоуренс тут же сошел вниз, чтобы в одиночку сразиться с трудной задачей.

За ночь он так ничего больше и не придумал,

и утром, смирившись с неизбежностью, собрал в своей каюте всех лейтенантов и мичманов. Они явились, отмытые дочиста и взволнованные: такого собрания на корабле еще не случалось, и каюта всех едва-едва вмещала. Те, кто знал за собой ту или иную провинность, смотрели с беспокойством, прочие — с любопытством. Один только Райли, подозревавший, как намерен поступить капитан, был встревожен по-настоящему.

Лоуренс откашлялся. Он велел убрать письменный стол со стулом, чтобы очистить место, но оставил на полке под бортовыми окнами чернильницу, перо и бумагу.

— Джентльмены, — начал он, стоя, — вы все уже слышали о найденном на трофейном корабле драконьем яйце. Мистер Поллит подтвердил, что оно драконье.

За этим последовали новые тычки и улыбки, а маленький мичман Баттерси произнес своим звонким дискантом:

— Поздравляю, сэр! — Остальные поддержали его веселыми возгласами.

Лоуренс нахмурился. Он хорошо понимал их и чувствовал бы то же самое, будь обстоятельства хоть немного иными. Такое яйцо стоило в

тысячу раз больше, чем на вес золота; если его благополучно доставят на берег, свою долю получит каждый, а самый большой пай достанется капитану.

Судовой журнал «Амитье» французы выбросили за борт, но матросы вели себя менее сдержанно, чем офицеры. Их жалобы помогли Уэллсу понять, отчего фрегат так задержался в пути. Команда страдала от лихорадки, корабль больше чем полмесяца болтался в штилевой полосе, течь в трюме с пресной водой заставила ввести водяной паек. Наконец налетел шторм, с которым пришлось встретиться и «Надежному». Словом, «Амитье» сильно не повезло, и Лоуренс не сомневался, что его собственные суеверные матросы сочтут причиной всех бед яйцо, перенесенное теперь на борт «Надежного».

Поэтому следует приложить все старания, чтобы скрыть от них печальную историю французского корабля.

— К несчастью, — продолжил он, когда тишина снова восстановилась, — французов в этом рейсе постигла крупная неудача. «Амитье» должна была прийти в порт еще месяц назад, если не раньше, и задержка оказалась фатальной. — Видя вокруг недоуменные взгляды и растущее беспо-

койство, Лоуренс завершил: — Короче говоря, джентльмены, детеныш вылупится из яйца в ближайшее время.

Возобновившийся ропот говорил о разочаровании. Слышались даже тихие стоны. В другое время Лоуренс пожурил бы виновных, но теперь решил — пусть их. Скоро они еще и не так застонут. Это им пока еще невдомек — пока они просто прикидывают в уме стоимость яйца против куда более низкой стоимости дикого новорожденного дракона.

— Возможно, не все из вас сознают, — сказал он, усмирив ропщущих взглядом, — в каком плачевном положении находятся воздушные силы Англии. По части выучки мы, разумеется, превосходим все нации мира, но численность у Франции вдвое больше, и нельзя отрицать, что породы у них намного разнообразнее. Хорошо оснащенный дракон равен примерно сотне орудий, будь то даже обычный желтый жнец или трехтонный винчестер, а наш, как полагает мистер Поллит по величине и цвету яйца, относится к одной из редких крупных пород.

— Ой! — пискнул в ужасе мичман Карвер, поняв, к чему ведет капитан. Все взгляды устремились на него, и он, побагровев, прикусил

язык.

Лоуренс пропустил эту реплику мимо ушей. Райли и сам догадается оставить мичмана на неделю без грога. Карвер принес даже некоторую пользу, подготовив других.

— Мы должны хотя бы попытаться приручить этого зверя, — продолжал капитан. — Я верю, джентльмены, что вы все как один готовы исполнить свой долг перед Англией. Нас, конечно, не готовили для службы в воздушных силах, но флотская служба тоже не сахар, и тяжкий ратный труд для вас не пустой звук.

— Сэр, — подал голос лейтенант Фэншо — юноша знатного рода, сын графа, — вы хотите сказать, что мы все…

Он сделал ударение на слове «все», и эта эгоистическая нота вызвала гневную краску на лице Лоуренса.

— Да, мистер Фэншо, все, если только среди нас не окажется труса. В таком случае упомянутый джентльмен будет держать ответ перед трибуналом, когда мы придем на Мадейру. — Он сердито обвел глазами каюту. Протестовать или хотя бы ответить ему прямым взглядом больше никто не решился.

Лоуренс понимал их чувства и сам эти чувства

разделял, что бесило его еще больше. Ни один человек, которого к этому не готовили, не испытает восторга от внезапной перспективы стать авиатором. Лоуренс, вынужденный просить об этом своих офицеров, внутренне так и кипел. Это вам не мореплавание, где можно вернуть свой корабль флоту и сойти на берег (часто, кстати, вопреки собственному желанию).

Дракона даже в мирное время в сухой док не поставишь и на волю не выпустишь; чтобы помешать взрослому зверю весом девяти-десяти тонн делать что ему вздумается, авиатор и его помощники должны все время быть начеку. Силой тут ничего не добьешься: некоторые драконы, даже новорожденные, вовсе не подчиняются руководству, а после первой кормежки ни один не позволит собой помыкать. Дикого дракона можно удержать на специально отведенном участке, обеспечивая его удобным помещением, пищей и самками, но управлять им нельзя, и с человеком он разговаривать не желает.

Поэтому, если только что вылупившийся детеныш позволит надеть на себя сбрую, долг свяжет вас с ним вечными узами. Семья и дружеское общение авиатору заказаны. Он изгой, стоящий за гранью закона: нельзя наказать авиатора,

не потеряв при этом его дракона. В дни мира авиаторы ведут буйную, разгульную жизнь в небольших анклавах, в самых Дальних и негостеприимных уголках Британии, где драконы могут пользоваться хотя бы некоторой свободой. Воздушных рыцарей почитают за их мужество и преданность долгу, но всякому джентльмену, воспитанному в порядочном обществе, претит мысль о вхождении в их ряды.

Между тем все авиаторы — сыновья джентльменов. Они поступают на обучение с семи лет и всякие попытки приручения драконов за пределами Воздушного Корпуса считают тяжким для себя оскорблением. Если уж идти на такой риск, то всем. Карвера, если бы Фэншо не сунулся со своим вопросом, Лоуренс охотно бы исключил: у мальчика боязнь высоты, а значит, и авиатор из него никудышный. Но теперь делать нечего — капитан не может оказывать предпочтения кому бы то ни было.

Лоуренс, все еще охваченный гневом, перевел дух и заговорил снова:

— Никто здесь этому не обучен, и единственный честный способ выбрать опекуна — это жребий. Семейные, само собой разумеется, не участвуют. Вас, мистер Поллит, — сказал капитан

врачу, имевшему жену и четырех детей в Дербишире, — я попрошу вынуть жребий для кого-то из нас. Остальные джентльмены пусть бросят записки со своими именами вот в этот мешочек. — Лоуренс взял перо и бумагу, оставленные на полке, и подал пример своим офицерам.

Следующим подошел Райли, за ним потянулись все прочие. Фэншо, краснея под холодным взглядом капитана, нацарапал свое имя дрожащей рукой. Карвер побледнел, но держался храбро. Баттерси оторвал от листа самый большой клочок и шепнул потихоньку Карверу:

— Недурственно было бы полетать на драконе!

Юность безрассудна, покачал головой Лоуренс, но лучше бы жребий действительно выпал кому-то из молодых. Им легче приспособиться к новой жизни. Любым из этих мальчиков, конечно, трудно будет пожертвовать, а их семьи придут в неистовство. Но ведь то же самое относится к каждому из присутствующих, считая и капитана.

Он очень старался не смотреть на последствия с эгоистической точки зрения, но теперь, на грани рокового момента, не мог отделаться от собственных личных страхов. Ничтожный клочок бумаги может стоить ему карьеры, изменить всю его жизнь, опозорить его в отцовских глазах. Нужно

подумать и об Эдит Гелмен… но если исключить всех офицеров, имеющих даму сердца, не останется никого. Будь у него даже самая уважительная причина уклониться, он промолчал бы о ней. Невозможно требовать от подчиненных того, в чем не участвуешь сам.

Он вручил мешок Поллиту и принял небрежную позу, заложив руки за спину. Врач дважды тряхнул мешок, сунул туда руку не глядя и вынул сложенную записку. Лоуренс, к стыду своему, испытал глубокое облегчение: он свою бумажку свернул по-другому.

— Джонатан Карвер, — миг спустя прочитал Поллит. Фэншо шумно вздохнул, Баттерси огорчился, Лоуренс еще раз мысленно проклял Фэншо. Юный мичман много обещал на море, но к воздушной службе скорее всего окажется непригоден.

— Ну что ж, дело сделано, — сказал капитан. — Мистер Карвер, вы освобождаетесь от служебных обязанностей до появления дракона на свет. Проконсультируйтесь с мистером Поллитом относительно будущей процедуры.

— Да, сэр, — едва слышно ответил юноша.

— Вы свободны, джентльмены. Мистер Фэншо, на два слова. Вас, мистер Райли, прошу заступить

на вахту.

Райли, коснувшись полей шляпы, вышел, остальные за ним. Фэншо стоял бледный и напряженный, кадык у него дергался вверх и вниз. Лоуренс заставил его попотеть, пока стюард не вернул в каюту вынесенную мебель, а после занял свое должностное место перед кормовыми окнами, грозно глядя на лейтенанта.

— Теперь объясните, что вы, собственно, хотели сказать, мистер Шэншо.

— Ничего такого, сэр, — но об авиаторах говорят, что они… — Взгляд капитана, все более воинственный, заставил лейтенанта замолчать.

— Мне наплевать, что о них говорят, мистер Фэншо. Наши авиаторы — воздушный щит Англии, так же как флот — морской. Критиковать их имеет право лишь тот, кому хотя бы наполовину доступно самое скромное из их достижений. Будете стоять вахты за мистера Карвера и исполнять его обязанности наряду со своими, и уведомьте квартирмейстера, что я лишаю вас грога впредь до дальнейшего распоряжения. Можете идти.

Когда Шэншо вышел, капитан еще долго мерил шагами каюту. Он не жалел о проявленной суровости: мальчишка не должен был выскакивать и тем более намекать, что знатное происхожде-

ние дает ему право на какие-то льготы. Но лицо принесенного в жертву Карвера продолжало стоять перед ним, и совесть корила его за чувство облегчения, не прошедшее до сих пор. Он обрек мальчика на участь, которой не желал для себя.

Он утешал себя тем, что дракон скорее всего отнесется к неопытному Карверу с презрением и откажется надеть сбрую. В этом случае капитана упрекнуть будет не в чем, и он сдаст свой трофей государству с легкой душой. Дракон даже в качестве производителя принесет большую пользу Англии — одну только реквизицию его у французов можно считать победой. Лоуренса вполне устроил бы такой вариант, хотя долг обязывал его сделать все, чтобы добиться иного.

* * *

Следующая неделя прошла неспокойно. Нельзя было не замечать тревоги, снедающей Карвера — особенно к концу срока, когда сбруя в руках оружейника стала приобретать узнаваемые черты. Уныние его друзей и канониров его команды тоже бросалось в глаза: Карвер пользовался на корабле популярностью, и его нелюбовь к высоте ни для кого не была секретом.

Одного мистера Поллита не покидало хорошее

настроение. Его мало заботило состояние умов на борту, зато крайне интересовала драконья упряжь. Он то и дело осматривал яйцо, даже спал и ел у ящика, поставленного на батарее. Ночевавшие в том же помещении офицеры были недовольны его соседством, поскольку там и так было тесно, а лекарь сильно храпел. Он же, не имея об этом понятия, продолжал бдить и однажды утром весело — вопреки общей подавленности — объявил, что на скорлупе показались первые трещины.

Лоуренс тут же распорядился достать яйцо из ящика и поднять на палубу. На пару скрепленных вместе рундуков положили подушку из набитой соломой парусины, а сверху водрузили яйцо. Мистер Рэбсон, оружейник, принес сбрую, сшитую из кожаных ремней с многочисленными пряжками: он слабо разбирался в драконьих пропорциях, и точности от него требовать не приходилось. Оружейник стал в стороне, а Карвер — прямо перед яйцом. Лоуренс приказал матросам не толпиться вокруг, и они наблюдали за происходящим с вант или с крыши кормовой рубки.

Тепло и свет ясного дня, вероятно, оказали свое действие на детеныша, и по скорлупе сразу же побежали новые трещины. Наверху ерзали и

перешептывались. Лоуренс решил не замечать этого и не стал пресекать сдавленных ахов, когда из разлома высунулось когтистое крылышко.

Вслед за этим скорлупа развалилась надвое, точно ее обитатель вышел из терпения. Маленький дракон энергично отряхивался на подушке среди осколков. Еще не обсохший от слизи, он блестел на солнце, черный от носа до хвоста. У команды вырвался дружный вздох, когда он раскрыл словно веер свои крылья с шестью перепонками; по их нижнему краю тянулась кайма из серых и темно-синих овалов.

Это и на Лоуренса произвело впечатление. Он никогда еще не видел, как дракон рождается из яйца, хотя присутствовал при нескольких воздушных атаках с участием взрослых особей. В породах он тоже не разбирался, но детеныш явно относился к одной из редких. Черного дракона капитан не встречал ни на своей, ни на чужой стороне, а этот, кроме того, был необычайно велик, так что действовать следовало еще быстрее.

— Мистер Карвер, прошу вас, — сказал капитан. Карвер, очень бледный, шагнул вперед и протянул к дракону заметно дрожащую руку.

— Хороший дракоша. — Это прозвучало у него с вопросительной интонацией. — Славный.

Дракончик, не обращая на него никакого внимания, обирал с себя прилипшие куски скорлупы. Величиной он не превышал большую собаку, но когти, по пяти на каждой лапе, были длиной в целый дюйм. Карвер, нервно поглядывая на них, безмолвно замер на месте. Дракон продолжал его игнорировать. Мичман с мольбой во взгляде оглянулся на Лоуренса и мистера Поллита.

— Может, еще раз к нему обратиться? — неуверенно произнес доктор.

— Повторите, мистер Карвер, — сказал капитан.

Мичман повернулся назад, но тут дракон соскочил с подушки на палубу. Карвер устремился за ним, не успев опустить вытянутую руку, с почти комическим удивлением на лице. Другие офицеры, в волнении подошедшие совсем близко, мигом отступили назад.

— По местам стоять, — скомандовал Лоуренс. — Перекройте трюм, мистер Райли. — Тот, кивнув, встал перед люком, чтобы не дать дракону ускользнуть вниз.

Дракончик, однако, решил исследовать палубу и двинулся по ней, трогая раздвоенным язычком все, что ему попадалось, и разглядывая предметы умными, любознательными глазами. Все попыт-

ки Карвера заговорить с ним он по-прежнему оставлял без внимания и прочими офицерами тоже не интересовался. Он, правда, вставал иногда перед кем-нибудь на задние лапы и заглядывал в лицо, но то же самое он проделывал со шкивами, а висячие песочные часы даже пощупал.

У Лоуренса упало сердце. Никто не мог его упрекнуть за то, что дракон не послушался неопытного укротителя, но оставлять редкого, взятого в скорлупе зверя неприрученным было обидно. Они руководствовались обрывками знаний, выдержками из книг Поллита, неточными воспоминаниями самого доктора о детеныше, которого тот имел случай наблюдать. Лоуренс боялся, что они упустили нечто первостепенно важное. Не странно ли, что дракон наделен умением говорить с самого момента рождения? В книгах ни словом не упоминалось о приемах, которыми его можно вызвать на разговор, но если ничего не получится, виноват будет Лоуренс, капитан.

Офицеры и матросы, чувствуя, что момент уходит, начали тихо переговариваться. Вскоре придется отказаться от приручения и подумать, как запереть зверя, чтобы тот не улетел сразу после кормежки. Дракон, продолжая свой обход,

присел и вопросительно посмотрел на Лоуренса. Капитан ответил ему откровенно горестным и растерянным взглядом.

Дракон поморгал синими, с узкими прорезями зрачков глазами и спросил:

— Ты почему такой хмурый?

На палубе воцарилась глубокая тишина. Карвер, получивший отсрочку, замер с открытым ртом, испуганно глядя на капитана — но миг спустя собрал все свое мужество, чтобы еще раз воззвать к дракону.

Лоуренс, посмотрев на обоих, глубоко вздохнул и сказал:

— Прости, я не хотел показаться таким. Меня зовут Уилл Лоуренс, а тебя?

Никакая дисциплина не могла бы сдержать прокатившегося по палубе изумленного ропота. Дракончик, однако, этого не заметил: он задумался над капитанским вопросом и с недовольным видом ответил:

— Меня никак не зовут.

Лоуренс, внимательно проштудировавший книги Поллита, тут же задал следующий по протоколу вопрос:

— Могу я дать тебе имя?

Дракон — он, видимо, был самец, поскольку го-

ворил мужским голосом — подумал еще немного, зачем-то почесал себе спину и сказал:

— Будь так любезен.

Лоуренс оказался в тупике. Он ничего не обдумывал заранее — лишь собирался сделать все от него зависящее, чтобы приручение состоялось. Какие имена обычно дают драконам? По прошествии жуткого панического мгновения он вспомнил благородный дредноут, при спуске которого однажды присутствовал, и выпалил:

— Отчаянный. — Тот корабль тоже двигался красиво и плавно.

Лоуренс мысленно выругал себя за то, что так плохо подготовился. Теперь сетовать поздно: слово сказано. По крайней мере это почетное имя. Кому, как не офицеру морского флота, пристало назвать так… Тут Лоуренс остановился в своих размышлениях и с растущим ужасом уставился на дракона. Он больше не морской офицер. Он перестанет им быть, как только дракон примет сбрую из его рук.

— Отчаянный? — повторил дракон, явно не догадываясь о чувствах человека, давшего ему имя. — Да. Мое имя — Отчаянный. — Он кивнул (из-за длинной шеи это получилось у него очень забавно) и заявил: — Я хочу есть.

Новорожденный дракон улетает сразу после кормления; лишь добровольно надетая упряжь делает его в какой-то степени управляемым и пригодным для боя. Рэбсон, ошарашенный, прирос к месту — пришлось его подзывать. Вспотевшими руками оружейник подал капитану скользящую в пальцах упряжь. Лоуренс, держа ее крепко и не забыв назвать дракона по имени, произнес:

— Ты позволишь, Отчаянный, надень это на тебя? Тогда мы сможем привязать тебя здесь, на палубе, и дадим тебе поесть.

Отчаянный осмотрел сбрую, потрогал ее языком и сказал:

— Хорошо.

Лоуренс заставил себя не думать ни о чем, кроме предстоящей задачи. Он опустился на колени и стал опутывать ремнями гладкое теплое тело, стараясь не задеть крыльев.

Самая широкая шлея охватывала дракона посередине, сразу за передними лапами, и застегивалась под брюхом. Два пришитых к ней толстых ремня шли вдоль боков, скрещивались на могучей груди, а затем протягивались обратно позади задних лап, под хвостом. Другие лямки, поменьше, обвивали лапы, шею и хвост, удер-

живая сбрую на месте. Самые узкие и тонкие пересекали спину.

Столь сложная конструкция требовала внимания, и Лоуренс только радовался, что может уйти в это занятие полностью. Работая, он примечал поразительную мягкость чешуек — как бы железные пряжки их не натерли.

— Мистер Рэбсон, будьте добры, принесите еще парусины — обмотать пряжки, — сказал он через плечо.

Вскоре он завершил процедуру. Ремни с белыми вкраплениями безобразили черную шкуру и сидели не очень-то ловко, но дракон не жаловался. Он остался спокойным, даже когда сбрую пристегнули цепью к пиллерсу, и жадно вытянул шею, когда наверх вынесли лохань с дымящимся красным мясом только что забитой козы.

Ел он неаккуратно: отрывал и заглатывал целиком большие куски, брызгал на палубу кровью и мясными ошметками. Внутренности, похоже, ему особенно нравились. Лоуренса, стоящего в стороне и с легкой тошнотой наблюдающего за этим, отвлек неуверенный вопрос Райли:

— Я могу отпустить офицеров, сэр?

Лоуренс посмотрел на своего лейтенанта, на испуганных, вытаращивших глаза мичманов. Ни

один из них не шевельнулся и не вымолвил ни слова с тех пор, как дракон вылупился — что, как внезапно осознал Лоуренс, произошло меньше получаса назад: песок еще не до конца вытек из верхней колбы часов. В это трудно было поверить; еще труднее укладывалось в голове, что дракон уже одет в сбрую, но с фактами, несмотря на трудности, приходилось считаться. Лоуренсу, видимо, следует остаться на своем посту до прихода в порт: прецедентов для таких ситуаций пока не существовало. Но если он поступит таким образом, на Мадейре вместо него сразу назначат нового капитана, а Райли так и останется в лейтенантах. Лоуренс впоследствии ничем уже не сумеет ему помочь.

— Ситуация сложилась, безусловно, неловкая, мистер Райли. — Лоуренс принял решение не губить карьеру друга посредством трусливого умолчания. — Но думаю, я должен сразу передать корабль в ваши руки — ради его же блага. Отныне я много времени буду посвящать Отчаянному и успевать повсюду попросту не смогу.

— Сэр! — с несчастным видом воскликнул Райли, однако возражать не стал: та же мысль, как видно, пришла в голову и ему. Его сожаление, впрочем, казалось вполне искренним: он долго

плавал под началом у Лоуренса, став за это время лейтенантом из простого мичмана, и отношения командира и подчиненного не мешали их дружбе.

— Не будем роптать на судьбу, Том, — сказал Лоуренс тише и менее официально, покосившись на продолжавшего обжираться Отчаянного. Разум дракона остается загадкой даже для тех, кто всю жизнь посвятил этой отрасли знания; Лоуренс понятия не имел, многое ли дракон способен слышать и понимать. Лучше соблюдать осторожность, не рискуя его оскорбить. И Лоуренс чуть громче добавил: — Уверен, вы превосходно справитесь, капитан.

Глубоко вздохнув, он снял с себя золотые эполеты. Держались они крепко, но Лоуренс еще во времена своего производства, будучи стеснен в средствах, наловчился переносить их со старого мундира на новый, Он поступал, возможно, не совсем правильно, передавая Райли знак различия без утверждения Адмиралтейства, но чувствовал необходимость отметить передачу власти на корабле каким-то наглядным способом. Левый эполет он спрятал в карман, правый закрепил на плече Райли: оба, даже в качестве капитана, бывший лейтенант получит право носить

лишь после трехлетней выслуги. Веснушчатое лицо Райли без утайки показывало все его чувства: он не мог скрыть своего счастья, хотя его повышению способствовали весьма мрачные обстоятельства. Покраснев до ушей, он явно хотел сказать что-то, но не находил слов.

— Мистер Уэллс, — намекнул Лоуренс.

Все должно идти как положено, коли уж началось.

Третий лейтенант, вздрогнув, не слишком бодро скомандовал:

— Ура капитану Райли! — «Ура» поначалу тоже прозвучало не очень уверенно, но после третьего раза окрепло. Всех, конечно, ошарашил такой оборот событий, но Райли был достойный офицер и пользовался всеобщей любовью.

Когда приветственный хор умолк, Райли, оправившись от смущения, предложил:

— А теперь ура в честь Отчаянного, ребята! — На этот раз все вопили вовсю, хотя не сказать, чтобы весело. Лоуренс завершил церемонию, пожав Райли руку.

Отчаянный к этому времени доел и влез на рундук у борта, расправляя крылья и вновь складывая на солнце. Услышав, как выкликают его имя, он завертел головой. Лоуренс подошел

к дракончику. Это был хороший повод, чтобы позволить Райли вступить в новую должность и навести порядок на корабле.

— Зачем они подняли такой шум? — Отчаянный, не дожидаясь ответа, загремел цепью. — Может, снимешь ее? Мне хотелось бы полетать.

Лоуренс колебался. В книге мистера Поллита не уточнялось, что делать после того, как наденешь на дракона сбрую и поговоришь с ним. Лоуренс предполагал, что дракон без дальнейших дискуссий просто останется там, где его привяжут.

— Чуть позже, если не возражаешь. До земли нам далековато, и ты, если улетишь, можешь не найти дорогу назад.

— А, вот как. — Отчаянный свесил голову за борт. «Надежный», вспенивая воду, делал около восьми узлов при свежем западном ветре. — Где это мы?

— В море. — Лоуренс присел на рундук рядом с ним. — В Атлантике, и до суши нам недели две ходу. Мастерсон, — окликнул он ничем не занятого, откровенно глазеющего матроса, — принесите мне, пожалуйста, ведро с водой и какой-нибудь ветоши.

Тот исполнил просьбу, и Лоуренс стал смывать с блестящего черного туловища остатки драко-

ньей трапезы. Отчаянный, получивший от этого заметное удовольствие, потерся головой о его рукав. Лоуренс с невольной улыбкой принялся гладить теплый бочок, и Отчаянный скоро уснул, положив голову ему на колени.

— Сэр, — тихо подошел к ним Райли, — каюту я оставлю за вами, ведь с ним, — он кивнул на дракона, — по-другому не выйдет. Прислать вам кого-нибудь в помощь — отнести его вниз?

— Нет, Том, спасибо. Пока что мне удобно и здесь, а его, думаю, без особой нужды лучше не трогать. — Сказав это, Лоуренс запоздало сообразил, что присутствие на палубе бывшего капитана стесняет Райли, но беспокоить спящего дракона ему все-таки не хотелось. — Если кто-нибудь принесет мне книгу — возможно, из библиотеки мистера Поллита, — я буду вам очень обязан.

Да, это хорошая мысль. Он займется полезным делом и не даст повода думать, будто следит за своим преемником.

Отчаянный проснулся, лишь когда солнце стало опускаться за горизонт. Лоуренс и сам задремал над книгой, написанной таким языком, что драконы представлялись читателю не интересней коров. Потыкав его в щеку своим тупым

носом, Отчаянный заявил:

— Я снова проголодался.

До рождения дракона Лоуренс уже произвел инвентаризацию корабельных припасов. Теперь, глядя, как Отчаянный расправляется с остатками козы и двумя наспех зарезанными курами — которых уминал прямо с костями, — он сознавал необходимость повторной ревизии. Всего за две кормежки дракон съел столько же, сколько весил сам. Он уже как будто немного подрос и глядел по сторонам, явно желая добавки.

Лоуренс тихо посовещался с Райли и коком. В случае нужды, сказали они, надо будет дать сигнал «Амитье» и воспользоваться хранящейся там провизией. Людей у французов после целого ряда катастроф сильно поубавилось, поэтому еды на корабле больше, чем понадобится до Мадейры. Однако последнее время французы сидели на одной солонине, да и на «Надежном» дела ненамного лучше. Это значит, что свежего мяса Отчаянному хватит разве что на неделю, и кто знает, станет ли он есть соленое. Соль ему, возможно, вообще вредна.

— А как насчет рыбы? — осведомился кок. — У меня есть славный тунец, сэр, только утречком выловили. На обед вам хотел приготовить. То

есть, это самое… — Он осекся, переводя взгляд со старого капитана на нового.

— Надо непременно попробовать, если вы считаете это правильным, сэр, — сказал Райли как ни в чем не бывало.

— Благодарю, капитан, — ответил Лоуренс. — Пусть он решает сам. Если ему не понравится, он, думаю, так нам и скажет.

Отчаянный посмотрел на рыбу с сомнением, откусил немного и слопал все двенадцать фунтов вместе с головой и хвостом.

— Костей много, но мне понравилось, — сказал он, облизнулся и вдруг громко рыгнул, напугав своих кормильцев и сам испугавшись.

— Ну что ж, уже легче. — Лоуренс снова взялся за тряпку. — Если вы, капитан, отрядите нескольких человек на рыбную ловлю, мы сможем еще на пару дней сохранить бычка.

После он отвел Отчаянного в каюту. У трапа возникли затруднения, и к сбруе пришлось прицепить тали. Отчаянный обследовал письменный стол и высунулся в окно — поглядеть на пенный след за кормой. Подушку, на которой он вылупился, положили в широкую подвесную койку рядом с койкой самого Лоуренса. Дракон прыгнул туда прямо с пола.

Глаза у него тут же сомкнулись в две узкие щелочки. Лоуренс, освобожденный таким образом от своей вахты и от любопытствующей команды, опустился на стул, глядя на спящего дракона, как на орудие рока.

Между ним и отцовским состоянием стояли два брата и трое племянников. Собственный капитал он вложил в государственные бумаги и особенно о нем не заботился; с этим по крайней мере сложностей не возникнет. В бою он много раз падал за борт и мог стоять в шторм на марсе, не испытывая никакой тошноты — значит, и на драконе летать сможет без особых трудностей.

Что же до всего остального… Он джентльмен, сын джентльмена. В море он ушел двенадцати лет, но ему посчастливилось служить на линейных кораблях первого и второго разряда, у состоятельных капитанов, которые держали хороший стол и постоянно принимали у себя своих офицеров. Лоуренс любил общество, любил изысканную беседу, танцы, вист по маленькой. Думая о том, что ему никогда уже не придется бывать в опере, он испытывал сильное желание вышвырнуть койку с детенышем за борт.

Он пытался заглушить в голове отцовский голос, называющий его дураком; пытался не ду-

мать о том, что скажет Эдит, когда узнает. Даже написать ей он не имел возможности. Хотя он чувствовал себя связанным определенными обязательствами, до официальной помолвки дело так и не дошло — сперва этому мешало отсутствие у него средств, потом его долгое плаванье.

Призовые деньги помогли разрешить первую проблему, и он скорее всего сделал бы Эдит предложение, если бы хоть раз за последние четыре года ступил на английскую землю. Он уже подумывал испросить короткий отпуск в конце этого похода. Рискованно, правда, высаживаться на берег, не имея твердой надежды на обратный корабль, но еще рискованнее полагаться на полушутливое обещание, которое когда-то дали друг другу тринадцатилетний мальчик и девятилетняя девочка. Как знать, будет ли она ждать его, отказывая другим поклонникам?

Теперь обстоятельства изменились к худшему. Он не имел ни малейшего понятия, где поселится в качестве авиатора и какой дом сможет предложить своей будущей жене. Если не сама Эдит, то ее семья вполне может воспротивиться такой перспективе, противоречащей всему, что от него ожидали. Жена морского офицера поневоле мирится с частым отсутствием мужа — но

когда он возвращается, ей не приходится жить с ним в каком-то глухом углу с драконом во дворе, довольствуясь грубым мужским обществом.

Втайне Лоуренс всегда мечтал о собственном доме, в долгие одинокие ночи воображая его себе до мельчайших подробностей. Дом этот, конечно, будет меньше того, где Лоуренс вырос, но это не помешает ему быть уютным. Его хозяйка, на которую можно положиться во всем, будет вести дела мужа и растить детей. Там с любовью примут хозяина, когда он сойдет на берег, а пока он в море, будут с любовью его вспоминать.

Крушение заветной мечты возмущало все его чувства, но теперь он не был даже уверен, следует ли предлагать свою руку девушке, которая, возможно, сочтет себя не вправе ему отказать. Найти вместо Эдит другую? Нет, ни одна здравомыслящая женщина не захочет связать свою судьбу с авиатором — разве что такая, которую устраивает снисходительный, вечно отсутствующий муж, предоставляющий ей тратить деньги на свое усмотрение. Которая согласна жить врозь, даже когда он в Англии. Которая ни в коей мере не устроила бы его самого.

Дракон в гамаке, дергающий хвостом в такт своему драконьему сну, — плохая замена домаш-

него очага. Лоуренс встал и посмотрел за корму, на освещенный бортовыми огнями пенистый след. Это приятно успокаивало взбудораженные мысли.

Стюард Джайлс принес обед и загремел посудой, держась подальше от драконовой койки. Руки у него тряслись. Лоуренс отпустил его, как только стол был накрыт, и тихонько вздохнул. Он хотел взять Джайлса с собой, предполагая, что даже авиатор может иметь слугу. Видеть рядом знакомое лицо всегда утешительно, но если человек так боится драконов, ничего не поделаешь.

Быстро, в полном одиночестве, он разделался с нехитрой пищей — солониной и бокалом вина. Рыба пошла на обед Отчаянному, да у Лоуренса и не было особого аппетита. После он взялся было за письма, но бросил, одолеваемый черными мыслями. Сказал пришедшему убрать со стола Джайлсу, что ужинать он не будет, и лег в свой гамак. Отчаянный от вечерней прохлады свернулся клубочком, и Лоуренс, преодолев неприязнь, укрыл его поплотнее. Уснул он под мерное дыхание, похожее на работу кузнечных мехов.

Глава вторая

Проснувшись утром, Лоуренс обнаружил, что Отчаянный, пытаясь вылезти, запутался в своем гамаке. Пришлось отцеплять койку и распутывать дракона, шипевшего, точно рассерженный кот, а потом долго его успокаивать. Он, естественно, опять хотел есть.

Утро, к счастью, было не слишком раннее, и матросы успели наловить рыбы. Куры, которым подарили еще день жизни, обеспечили Лоуренсу яйца на завтрак, а Отчаянному достался сорокафунтовый тунец. Дракон умудрился слопать его целиком, отяжелел, не смог залезть в койку и плюхнулся прямо на пол, где и заснул.

Примерно так и прошла первая неделя. Отчаянный либо ел, либо спал. Ел он ужасно много и рос ужасно быстро. К концу недели ему пришлось покинуть каюту: Лоуренс боялся, что потом наверх его просто не вытащит. Дракон стал уже тяжелее ездовой лошади и длиннее, чем баркас. Решено было перегрузить всю провизию в носовой трюм, а Отчаянного, как противовес, поместить в кормовой части палубы.

Переезд состоялся как нельзя вовремя. От-

чаянный с большим трудом, прижав крылья, протиснулся из каюты. Мистер Поллит, обмерив его, нашел, что за ночь он прибавил в объеме на целый фут. Но на корме дракон не очень мешал — знай себе спал, иногда подергивая хвостом, и не тревожился, даже когда матрос перелезали через него.

Ночью Лоуренс, почитая своим долгом, спал там же, на палубе. Погода держалась хорошая, и особенных жертв это не требовало. Что его беспокоило, так это питание: бычок при самом хорошем улове мог протянуть разве что еще пару дней. С такими темпами Отчаянный, даже согласившись есть солонину, угрожал прикончить все корабельные припасы еще до земли. Лоуренс подозревал что сажать дракона на тощий паек рискованно, да и для команды опасно. Отчаянный, одетый в сбрую, теоретически считался ручным, но дикий дракон, вырвавшись из питомника и не найдя ничего лучшего, вполне мог съесть человека. Такие случаи бывали, и матросы, судя по их виду, об этом помнили.

В середине второй недели Лоуренс проснулся еще до рассвета, ощутив в воздухе какую-то перемену. Огней «Амитье» не было видно: за ночь другой корабль при усиливающемся ветре

сильно отстал. Утро занималось ненастное, по парусам стучали первые капли.

Кораблем теперь командовал Райли. Лоуренсу оставалось лишь успокаивать Отчаянного и стараться, чтобы тот не стал слишком большой помехой. Это было трудно: дракон очень заинтересовался падающей с неба водой и все растопыривал крылья, подставлял их под дождь.

Гром и молния не испугали его. Он спросил только, кто это делает, и был разочарован, не добившись от Лоуренса вразумительного ответа.

— Давай слетаем посмотрим, — предложил он и шагнул к борту.

Лоуренсу стало не по себе. С того первого дня Отчаянный больше не пытался взлететь: его сильнее занимала еда, и хотя сбрую на нем расставляли трижды, к ней прикреплялась все та же легкая цепь. Лоуренс видел, как разгибаются ее звенья, а ведь Отчаянный совсем не сильно ее натянул.

— Не сейчас. Будем смотреть отсюда. Видишь, люди работают — мы не должны им мешать. — Лоуренс продел под одну из лямок левую руку. Его вес, запоздало понял он, больше не удержит дракона — но если он взлетят вместе, он, возможно, уговорит Отчаянного вернуться. Мысль

о не менее возможном падении он поспешно от себя отогнал.

Но Отчаянный, хотя и с сожалением, снова послушался. «Не попросить ли кого-нибудь принести цепь покрепче?» — подумал Лоуренс. Впрочем, нет. Все заняты, не стоит их отрывать. Да и найдется ли на борту такая, что выдержит? Он внезапно заметил, что плечо Отчаянного торчит на фут выше его головы, а передняя лапа, прежде тонкая, как девичье запястье, стала толще его бедра.

Райли выкрикивал в рупор команды, которые Лоуренс изо всех сил старался не слушать. Вмешиваться он больше не мог — что толку, если он найдет действия капитана ошибочными. Команда уже перенесла один нешуточный шторм и знала, что делать. Ветер, к счастью, был не противный и позволял уходить от бури, а брам-стеньги, как и следовало, убрали прежде всего. Судно, хотя и не совсем точно, держалось восточного курса, но позади, быстро настигая, двигалась плотная завеса дождя.

Еще немного — и она обрушилась на палубу с громом пушечной канонады. Лоуренс, несмотря на клеенчатый плащ и зюйдвестку, мигом промок до нитки. Отчаянный зафырчал, отряхнулся

по-собачьи и развернул крылья над головой. Этот живой зонтик укрыл и Лоуренса, прицепленного к драконьему боку. Странно было чувствовать себя таким защищенным в самом сердце ревущего шторма. Он выглянул в щелку между крыльями, и холодные брызги тут же оросили его лицо.

— Человек, который принес мне акулу, в воду упал, — объявил вдруг Отчаянный.

Лоуренс посмотрел в ту же сторону. Румбах в шести по левому борту виднелась красная с белым фуфайка. Ему показалось, что утопающий машет рукой. Гордон, один из назначенных в рыболовы матросов.

— Человек за бортом! — прокричал Лоуренс в сложенные рупором ладони и показал на барахтающуюся в волнах фигуру. Озабоченный Райли лишь мельком взглянул туда. Бросили концы, но утопающего уже отнесло далеко назад, а спустить шлюпку не позволял шторм.

— Веревки не достают, — сказал Отчаянный. — Я слетаю за ним.

Лоуренс, не успев глазом моргнуть, оказался в воздухе. Порванная цепь моталась на шее Отчаянного. Лоуренс ухватил ее и заткнул за лямки, чтобы она не хлестала дракона по боку. Ноги болтались над океаном, грозящим его поглотить.

Инстинкт, поднявший дракона ввысь, плохо служил в полете. Отчаянного сносило к востоку от корабля. Он закувыркался в воздухе, борясь с ветром, и Лоуренс решил, что им обоим пришел конец.

— По ветру! — заревел он во всю мощь своих легких, закалившихся за восемнадцать лет морской службы. — Лети по ветру, черт тебя дери!

Мускулы под его щекой напряглись: Отчаянный повернул на восток. Дождь больше не бил в лицо, но немыслимая скорость полета затрудняла дыхание и вышибала слезы из глаз. Лоуренс поневоле зажмурился. По сравнению с этим стоять на марсе при десяти узлах хода было все равно, что гулять по полю в безветренный летний денек. Из горла рвался неудержимый мальчишеский смех, мешающий рассуждать здраво.

— По прямой до него не добраться, — прокричал Лоуренс, — только галсами! Лети на север, потом на юг — понимаешь?

Если дракон и ответил что-то, ветер заглушил его голос — но мысль он, видимо, уловил, поскольку снизился и устремился на север. Крылья зачерпнули ветер, и Лоуренса слегка замутило, как в шлюпке при сильной волне. Ветер и дождь продолжали трепать их, но уже не с такой силой.

Отчаянный, лавируя с ловкостью хорошего катера, постепенно возвращался на запад.

Ладони Лоуренса, натертые сбруей, горели. Отчаянный поравнялся с кораблем. Гордон, немного умевший плавать, еще держался — волна, несмотря на шторм, была не такой уж высокой. Лоуренс с сомнением разглядывал когти Отчаянного, опасаясь, как бы тот не убил Гордона при спасении. Роль спасателя лучше взять на себя.

— Я достану его из воды, Отчаянный. Как только буду готов, дам тебе знак, а ты спускайся как можно ниже. — Лоуренс, цепляясь за сбрую, сдвинулся пониже и повис под брюхом. Совершая этот маневр, он натерпелся страху, зато теперь туловище Отчаянного хорошо его защищало от непогоды. Зацепившись ногами за широкую поперечную шлею — что было не так-то просто, — он хлопнул дракона по боку. Отчаянный спикировал вниз словно ястреб. Лоуренс, доверившись его меткости, повис вниз головой. Пальцы прочертили по воде и нащупали тонущего. Лоуренс ухватился за его робу, а Гордон вцепился в своего спасителя. Отчаянный поднимался, натужно хлопая крыльями, но теперь им хотя бы не надо было бороться с ветром. Руки, плечи, бедра Лоуренса напрягались, удерживая Гордона на весу. Ноги

ниже колен онемели, перетянутые ремнем, вся кровь, сколько ее было в теле, бросилась в голову. Оба человека раскачивались, как маятник, в неузнаваемо перекошенном мире.

На палубу они шмякнулись безо всякого изящества, раскачав корабль. Отчаянный встал на дыбы, пытаясь сложить трепещущие на ветру крылья. Гордон в панике отполз прочь, предоставив Лоуренсу самому выпутываться из сбруи дракона, который мог того и гляди на него рухнуть. Затекшие пальцы не справлялись с пряжкой, но тут подоспел Уэллс с ножом и разрезал ремень.

Ноги Лоуренса тяжело стукнулись о палубу. Кровь снова прихлынула к ним. Отчаянный, избавившись от лишнего груза, хлопнулся на четвереньки так, что дрожь прошла по всему кораблю. Лоуренс лежал на спине и дышал полной грудью, несмотря на хлещущий дождь; мускулы отказывались повиноваться. Жестом отослав мнущегося рядом Уэллса, он попытался встать. Ноги с трудом, но держали. Он заставил их двигаться, и боль от возобновившегося кровообращения начала проходить.

Шторм бушевал по-прежнему, но «Надежный» с зарифленными марселями плавно скользил

по волнам, и овладевшее всеми предчувствие катастрофы ослабевало. Обозрев работу Райли со смешанным чувством гордости и сожаления, Лоуренс попросил Отчаянного переместиться обратно на середину кормы, чтобы не создавать крен. Они сделали это в самую пору: Отчаянный, вернувшись на старое место, тут же зевнул и спрятал голову под крыло — даже еды вопреки обыкновению не потребовал. Лоуренс сел на палубу и прислонился к нему. Суставы ломило от перенесенного напряжения, однако он заставил себя выговорить, едва ворочая языком:

— Ты молодчина, Отчаянный. Настоящий храбрец.

Отчаянный высунул голову и распахнул смеженные было глаза.

— Правда?

Лоуренс почувствовал себя слегка виноватым оттого, что еще ни разу не похвалил своего питомца. Это создание перекроило всю его жизнь, пусть так — но благородно ли злиться на животное за то, что оно следует законам природы?

Сейчас он, однако, слишком устал для дальнейших излияний и повторил лишь, поглаживая черный драконий бок:

— Молодец, молодец. — Отчаянному вполне

хватило и этого. Он осторожно свернулся вокруг человека, прикрыв его от дождя краем крыла. Живой занавес отгораживал Лоуренса от бури, большое сердце мерно стучало у него под щекой, теплый бок грел, как печка. Убаюканный теплом и уютом, он погрузился в глубокий сон.

— Вы уверены, сэр, что это вполне безопасно? — беспокоился Райли. — Может быть, все-таки соорудим невод?

Лоуренс слегка натянул ремешки, оплетающие его бедра и голени. Они держали хорошо, как и сбруя. Благодаря им он крепко сидел на спине у Отчаянного, как раз позади крыльев.

— Нет, Том, какой уж там невод. Мы не рыбачий баркас, и лишних людей у вас тоже нет. Что, если нам подвернется француз? — Он потрепал Отчаянного по шее, и тот повернул голову, с интересом наблюдая за происходящим.

— Ну что, ты готов? Полетели? — Дракон положил переднюю лапу на поручни. Мускулы уже играли под гладкой кожей, голос выдавал нетерпение.

— В сторону, Том. — Лоуренс отстегнул цепь, взялся за шейную лямку. — Да, Отчаянный, можешь… — Они взвились в воздух одним прыжком, с обеих сторон раскинулись мощные дуги

крыльев, длинное тело вытянулось, как летящая в небо стрела. «Надежный» внизу превратился в игрушечный кораблик, одинокий среди безбрежного океана, милях в двадцати восточнее показалась «Амитье». Ветер дул с сокрушительной силой, но крепления не давали упасть, и Лоуренс снова не сумел сдержать блаженной идиотской улыбки.

— Держим на запад, Отчаянный. — Он не хотел подлетать слишком близко к суше, где рисковал нарваться на французское патрульное судно. Отчаянного теперь снабдили ошейником с поводьями для удобства наездника. Сверившись с прикрепленным к ладони компасом, Лоуренс натянул правый повод. Дракон прервал подъем и послушно повернул в нужную сторону. День был ясный, безоблачный, волна умеренная. Отчаянный при ровном полете работал крыльями не столь усиленно, но тем не менее резво отмахивал милю за милей. «Надежный» и «Амитье» уже скрылись из виду.

— Вижу одну! — сказал Отчаянный и с возросшей скоростью ринулся вниз. Лоуренс, вцепившись в поводья, подавил восторженный мальчишеский крик. Выходит, у дракона невероятно острое зрение, раз он углядел добычу с такой

высоты? Оглушительный плеск не дал Лоуренсу обдумать эту новую мысль как следует. В когтях Отчаянного бился, разбрызгивая воду, дельфин.

Дракон снова удивил Лоуренса: он завис в воздухе, мерно двигая крыльями, и стал есть. Всадник, которого все время мотало вверх-вниз, чувствовал себя при этом не очень Удобно, зато падающие в океан внутренности приманивали других рыб. Доев дельфина, Отчаянный тут же выловил двух крупных тунцов, по одному на каждую лапу, а следом настал черед громадной меч-рыбы.

Лоуренс, поглубже засунув руку под шейный ремень, смотрел вокруг и ощущал себя хозяином всего океана, на котором не было больше ни одного корабля. Он невольно гордился успехом своего плана, а полет наполнял его душу восторгом. Пока к ликованию не примешивались мысли об отданной за это цене, он был совершенно счастлив.

Отчаянный доел меч-рыбу и выкинул в море зубастые челюсти, предварительно с любопытством их осмотрев.

— Все, я сыт, — объявил он. — Может, полетаем еще?

Это было искушение, но они уже находились

в воздухе больше часа, и Лоуренс не знал пока пределов выносливости Отчаянного.

— Вернемся к «Надежному» и полетаем вокруг него, если хочешь.

Теперь они мчались низко, над самой водой. Отчаянный играючи задевал волны, мир Лоуренса расплывался в облаке брызг, и только дракон внизу сохранял свою плотность. Лоуренс глотал соленый воздух, отдаваясь наслаждению без остатка. Он натягивал поводья лишь изредка, чтобы взглянуть на компас, и вскоре они благополучно отыскали «Надежный».

Отчаянный в итоге решил поспать. На этот раз они сели на палубу несколько грациознее, совсем немного погрузив корабль в воду. Лоуренс расстегнул крепления и слез. Он с удивлением обнаружил, что слегка натер себе ляжки — хотя чему тут, собственно, удивляться. Райли спешил к нему с откровенным облегчением на лице.

— Напрасно беспокоились, — сказал ему Лоуренс. — Он все сделал как надо. Теперь можно не волноваться, он сам себя отлично прокормит. — И погладил Отчаянного. Тот, уже задремавший, приоткрыл один глаз, испустил ласковый рокот и заснул окончательно.

— Очень рад — и за него, и за нас, — ответил Рай-

ли. — Пока вас не было, мы все-таки порыбачили и теперь сами сможем отведать великолепное тюрбо на обед. Офицеров с батареи я тоже хочу пригласить, если вы не против.

— Сделайте одолжение. — Лоуренс потопал, разминая ноги.

После переезда Отчаянного на палубу он уступил Райли каюту. Тот в конце концов согласился, но, чтобы загладить свою невольную вину, почти каждый вечер приглашал Лоуренса обедать. Шторм прервал это обыкновение, которое они сегодня намеревались возобновить.

Обед удался на славу. Бутылка, обошедшая стол несколько раз, размочила чопорные манеры мичманов. Лоуренс владел даром застольной беседы, и при нем офицерам всегда обедалось весело — тем более что теперь они с Райли могли вести себя как друзья, не придерживаясь чинов и званий.

Столь неофициальная обстановка побудила Карвера, прикончившего свой пудинг несколько раньше других, обратиться к Лоуренсу с вопросом.

— Осмелюсь спросить, сэр: правда ли, что драконы выдыхают огонь?

Лоуренс после сливового пудинга, запитого

несколькими бокалами хорошего рислинга, ответил ему весьма благодушно.

— Это зависит от породы, мистер Карвер, но я думаю, что такая способность встречается чрезвычайно редко. Я только раз наблюдал, как турецкий дракон выдохнул огонь в битве на Ниле, и был, скажу вам, чертовски рад, что турки приняли нашу сторону.

Все собравшиеся невольно вздрогнули. Пожар на палубе — одна из самых страшных опасностей, что может грозить кораблю.

— Я тогда был на «Голиафе», — продолжал Лоуренс, — и нас отделяло не более полумили от «Ориента», когда тот вспыхнул подобно факелу. Мы уже расстреляли его палубные орудия и посбивали стрелков с мачт, поэтому дракону ничто не мешало атаковать. — Он помолчал, вспоминая пылающие паруса, клубы черного дыма и оранжево-черное чудовище, изрыгающее огонь раз за разом. Крылья его раздували пламя. Ужасающий рев был заглушён только взрывом, и целый день после этого все прочие звуки казались Лоуренсу непривычно тихими. Мальчиком он побывал в Риме и видел в Ватикане изображенный Микеланджело ад, где грешников поджаривали драконы: гибель «Ориента» имела много общего

с этой картиной.

Остальные тоже сидели молча, рисуя в воображении то, что он рассказал.

— А вот способность плеваться ядом или кислотой, — промолвил наконец мистер Поллит, — встречается у них куда чаще. Тоже весьма мощный вид оружия, надо сказать.

— О Боже, да, — подтвердил Уэллс. — Я видел, как такой плевок целиком разъел грот. Но пороховой погреб от этого все-таки не взорвется, и корабль не сгорит у вас под ногами.

— Отчаянный тоже сможет делать такое? — спросил Баттерси с округлившимися от страшных рассказов глазами, и Лоуренс вздрогнул. Он сидел справа от Райли, как будто его пригласили обедать на батарею, и почти забыл, что он только гость в собственной каюте и на собственном корабле.

Мичману, к счастью, ответил Поллит, дав Лоуренсу время спрятать свое замешательство.

— Его порода не упоминается в моих книгах, поэтому с ответом придется подождать до земли. Но даже если порода у него соответствующая, то подобные вещи он сможет продемонстрировать лишь когда полностью вырастет, то есть через несколько месяцев.

— И слава Богу. — Реплика Райли вызвала общий смех. Лоуренс тоже заставил себя улыбнуться и поднял вместе со всеми бокал за здоровье Отчаянного.

Чуть позже он пожелал всем доброй ночи и не совсем твердой походкой отправился на корму, где в одиночестве возлежал Отчаянный. Команда, когда он подрос, старалась обходить его стороной. Заслышав шаги Лоуренса, дракон открыл свой блестящий глаз и предупредительно поднял крыло. Лоуренс, не показывая, что удивлен, подвинул свой тюфяк и нырнул в теплую пещерку, а Отчаянный снова укрыл его крылом от всего мира.

— Как ты думаешь, смогу я выдыхать огонь или плеваться ядом? — спросил дракон. — Я что-то сомневаюсь. Я пробовал, но выдыхается только воздух.

— Ты слышал наш разговор? — встрепенулся Лоуренс. За обедом кормовые окна были открыты, но ему как-то не пришло в голову, что Отчаянный может услышать, о чем говорят в каюте.

— Да. Очень интересно, особенно про сражение. Тебе часто приходилось сражаться?

— Ну… многим досталось куда больше, чем мне. — Это было не совсем так. Лоуренс побывал во многих битвах, получил свое звание в срав-

нительно юном возрасте и считался на флоте боевым капитаном. — Но тебя, когда ты еще был в яйце, мы нашли как раз на захваченном корабле. — Он показал на кормовые огни «Амитье» в двух румбах по левому борту.

— Так ты завоевал меня в сражении? Я и не знал, — порадовался Отчаянный. — А скоро мы опять вступим в бой? Мне хотелось бы посмотреть. Уверен, что смог бы помочь вам, хотя и не умею пока выдыхать огонь.

Лоуренс улыбнулся такому рвению. Драконы славятся своим боевым духом — это, помимо прочего, и делает их такими ценными на войне.

— До прихода в порт вряд ли, но потом мы с тобой навоюемся вволю. Драконов у Англии не так много, и нас будут часто посылать в бой, когда ты вырастешь.

Отчаянный, приподняв голову, смотрел на море, а у Лоуренса, освободившегося от забот о корме, зарождались новые мысли на его счет. Юный дракон и теперь уже крупнее, чем взрослые особи некоторых пород — и, на неопытный взгляд своего наездника, очень быстро летает. Он станет поистине бесценным приобретением для Воздушного Корпуса и для Англии, с огнем или без огня. В бою он никогда не сробеет, с гордостью

думал Лоуренс. Если предстоит опасное дело, лучшего товарища нельзя и желать.

— Расскажи мне еще про битву на Ниле, — попросил Отчаянный. — Там было только два корабля и дракон?

— О нет. С нашей стороны было тринадцать кораблей и восемь драконов из Третьего воздушного дивизиона, да еще четыре турецких. Французы выставили семнадцать кораблей и четырнадцать драконов — больше, чем у нас, — но стратегия адмирала Нельсона поставила их в тупик.

Отчаянный слушал, свернувшись в тугой клубок, светя в темноте глазами. Их разговор затянулся далеко за полночь.

Глава третья

Они пришли в Фуншал за день до истечения трех недель, предсказанных Лоуренсом, — шторм несколько ускорил их переход. Отчаянный, сидя на корме, глаз не сводил с возникшего в море острова. На берегу он вызвал нечто вроде сенсации: не часто увидишь дракона, въезжающего в гавань на борту небольшого фрегата. На пристани собралась кучка зевак, но к судну никто не совался.

В порту стоял флагман адмирала Крофта. «Надежный» формально числился под его командованием, и Лоуренс с Райли заранее договорились, что докладывать будут вдвоем. Сигнал «капитану явиться на борт» взвился на «Достойном», как только они бросили якорь, поэтому Лоуренс задержался лишь на миг, чтобы поговорить с Отчаянным.

— Смотри же: пока я не вернусь, оставайся на месте. — Отчаянный еще ни разу не проявлял открытого непослушания, но все новое крайне его волновало, и Лоуренс сомневался, что тот усидит на привязи перед соблазнами неизведанного мира. — Обещаю тебе, что мы потом облетим весь

остров, а мистер Уэллс тем временем даст тебе вкусной свежей телятины и барашка — ты такого еще не пробовал.

— Хорошо, только ты поскорей возвращайся, — вздохнул Отчаянный. — Я хочу полететь вон туда, в горы. А съесть я могу вон то, — добавил он, глядя на упряжку ломовых лошадей. Те нервно переступали на месте, как будто слышали и прекрасно понимали его намерения.

— Нет-нет, Отчаянный. Нельзя есть все, что ты видишь на улице, — встревожился Лоуренс. — Уэллс принесет тебе что-нибудь прямо сейчас. — Бросив на третьего лейтенанта взгляд, выражающий всю серьезность ситуации, он спустился по сходням к Райли.

Адмирал, уже прослышавший кое-что о переполохе в порту, дожидался их с нетерпением. Высокий рост, шрам через все лицо и железная рука на месте ампутированной левой кисти делали его заметным везде и повсюду. Руку он потерял вскоре после того, как стал адмиралом, и за это время сильно прибавил в весе. Он не встал навстречу вошедшим, лишь нахмурил брови и сделал им знак садиться.

— Объяснитесь, Лоуренс. Вы привезли с собой дикого дракона, насколько я слышал?

— Отчаянный — не дикий дракон, сэр. Около трех недель назад мы захватили французский корабль «Амитье» и в трюме нашли яйцо. Наш врач, немного понимающий в драконах, сказал, что детеныш скоро вылупится. Когда это произошло, мы надели на него сбрую… то есть, собственно, я надел.

Крофт приподнялся и с прищуром воззрился на Лоуренса и Райли, только сейчас заметив перемену в их знаках различия.

— Как это — вы? Значит… Боже правый, почему вы не поручили это кому-то из мичманов? Долг заставил вас зайти чересчур далеко, Лоуренс. Хорошо придумали, ничего не скажешь — перескочить с корабля в воздушные силы.

— Все мои офицеры, сэр, тянули жребий вместе со мной. — Лоуренс подавил вспышку негодования. Он вовсе не хотел, чтобы его восхваляли за жертву, которую он принес — но получать за то же самое выговор? — Надеюсь, что моя преданность флоту ни у кого не вызывает сомнений; я посчитал, что разделить с ними риск будет только честно с моей стороны. Жребий достался не мне, но вышло так, что я чем-то приглянулся дракону, и следовало опасаться, что он откажется принять сбрую от кого-то другого.

— О, черт! — Адмирал хлопнулся обратно на стул, барабаня пальцами правой руки по железной ладони левой. На протяжении нескольких минут эта легкая дробь была единственным звуком в каюте. Лоуренса осаждали жуткие картины того, что может натворить без него Отчаянный, и беспокоили намерения Крофта относительно Райли и «Надежного».

Адмирал наконец вздрогнул, точно пробудившись от сна, и махнул здоровой рукой.

— Ладно. За прирученного вряд ли выплатят меньше, чем за дикого, так? И французский фрегат — тоже ведь военный корабль, не торговец? Выглядит он неплохо, его вполне могут выкупить для службы в наших рядах. — К адмиралу вернулось хорошее настроение, и Лоуренс со смешанным чувством облегчения и досады понял, что тот попросту подсчитывал в уме свою адмиральскую долю.

— Судно действительно отменное, сэр — тридцать шесть пушек. — Лоуренс охотно добавил бы к учтивой фразе еще пару слов, зная, что ему никогда уже не придется рапортовать этому человеку, если бы не забота о будущем Райли.

— Гм-м. Признаю, что вы поступили как должно, Лоуренс, хотя и жаль вас терять. Думаю, вы

теперь захотите стать авиатором. — Тон адмирала показывал, что ни о чем таком он не думал. — Но частей Воздушного Корпуса здесь сейчас нет — даже почтовый курьер прибывает лишь раз в неделю. Вам нужно будет передислоцировать дракона в Гибралтар, полагаю.

— Да, сэр, но с этим придется повременить, пока он еще немного не подрастет. Он держится в воздухе около часа без особых усилий, но отправлять его в долгий полет я бы пока не рискнул, — твердо заявил Лоуренс. — А пока он здесь, его нужно кормить. До сих пор мы промышляли рыбной ловлей, но нельзя же ему охотиться так близко от суши.

— Право же, Лоуренс, к флоту это отношения не имеет. — Тут Крофт понял, что может показаться мелочным, и добавил: — Однако я поговорю с губернатором, и мы как-нибудь это решим. Теперь нам следует подумать о судьбе «Надежного» — и об «Амитье» тоже, само собой.

— Я хотел бы заметить, что мистер Райли командовал «Надежным» со дня приручения дракона, превосходно с этим справлялся и привел корабль в порт, выдержав двухдневный шторм. Кроме того, он проявил недюжинную храбрость при захвате трофея.

— Да, разумеется, разумеется. А на «Амитье» у вас кто?

— Мой первый лейтенант Гиббс.

— Да-да. Впрочем, вы должны понимать, Лоуренс, что продвинуть таким образом сразу двух своих лейтенантов вам вряд ли удастся. На всех фрегатов не напасешься.

Лоуренс с великим трудом сохранил спокойствие, видя, что адмирал ловчится урвать корабль для одного из своих любимчиков.

— Я не совсем понимаю, сэр, — ледяным тоном отрезал он. — Вы, надеюсь, не думаете, что я лично надел на детеныша сбрую лишь для того, чтобы очистить вакансию. Уверяю вас, что мной руководило только желание закрепить за Англией исключительно ценного дракона. Хотелось бы верить, что лорды Адмиралтейства рассмотрят случившееся именно в таком свете.

Он не стал бы так выпячивать свой самоотверженный шаг, не будь ставкой в игре капитанство Райли, но маленькая речь со ссылкой на Адмиралтейство произвела нужный эффект. Крофт пошел на попятный и отпустил их, не лишив Райли его новой должности.

— Я в большом долгу перед вами, сэр, — сказал Райли на обратном пути. — Надеюсь только,

что столь решительным заступничеством вы не наживете хлопот себе самому. Говорят, он очень влиятельный человек.

Но Лоуренс уже углядел Отчаянного на палубе, и облегчение вытеснило из него все прочие чувства, хотя палуба в этот момент больше напоминала бойню, а морда самого дракона из черной сделалась красной. Зеваки разбежались все до единого.

— Во всем этом деле есть одна хорошая сторона, Том: мне как авиатору нет больше дела до его связей. Пожалуйста, не волнуйтесь из-за меня. Может, прибавим шагу? Кажется, Отчаянный уже покончил с едой.

Полет успокоил его окончательно. Можно ли сердиться, когда весь остров Мадейра расстилается под тобой, и ветер шевелит твои волосы, и Отчаянный, вне себя от волнения, то и дело указывает на что-нибудь новое: животных, дома, повозки, деревья, скалы. В последнее время дракон приноровился летать со слегка повернутой назад головой, чтобы разговаривать с Лоуренсом. По обоюдному согласию он сел отдохнуть на безлюдной дороге, идущей по краю глубокой долины; на южных зеленых склонах лежали густые гряды облаков, и Отчаянный целиком погрузился

в их созерцание.

Лоуренс спешился. Он еще не совсем привык к такого рода езде, и после часа в воздухе ему требовалось разминка. Прохаживаясь и любуясь видом, он решил, что на следующее утро возьмет с собой еду и питье — сандвич, к примеру, и немного вина.

— Я бы съел одного из этих барашков, — вторя его мыслям, сказал Отчаянный. — Они такие вкусные. Можно? Эти даже крупнее того, что мне дали в гавани.

На дальнем склоне мирно щипало траву стадо овечек, белых на зеленой траве.

— Нет, Отчаянный. Это взрослые овцы. Они не такие вкусные и наверняка кому-то принадлежат, поэтому брать их нельзя. Но я, может быть, договорюсь с пастухом, чтобы завтра он оставил одну тебе — если завтра ты захочешь снова сюда вернуться.

— Странно: в море можно брать все что хочешь, а на земле надо обо всем договариваться. Неправильно это. Сами ведь они своих овец не едят, а я голоден.

— О Боже, Отчаянный, не говори так, не то меня арестуют за пропаганду вольнодумства, — засмеялся Лоуренс. — Что за революционные мысли!

Подумай вот о чем: барашка тебе на ужин, возможно, предоставит хозяин этого самого стада, и вряд ли он захочет тебя кормить, если мы теперь украдем у него овцу.

— Я бы лучше съел барашка прямо сейчас, — проворчал дракон, но на овец покушаться не стал и вернулся к изучению облаков. — Полетим к ним? Я хочу посмотреть, почему они движутся.

Полет в облака внушал Лоуренсу сомнения, но ему очень не хотелось говорить дракону «нет» без особой необходимости, которая теперь возникала все чаще.

— Хорошо, попробуем, если хочешь, но это довольно рискованно. Мы можем врезаться в гору и упасть с большой высоты.

— Ну, я приземлюсь чуть пониже облаков, а потом мы поднимемся к ним пешком. — Отчаянный пригнулся и опустил шею, чтобы Лоуренс мог сесть на него. — Так даже интересней.

Было несколько странно идти в гору с драконом, опережая его при этом. Десять шагов Лоуренса равнялись одному драконьему, но Отчаянный поднимался не спеша, разглядывая облачный покров и оценивая его равномерность. Ушедший вперед Лоуренс растянулся на склоне, поджидая дракончика. Он чувствовал себя комфортно даже

в этом густом тумане благодаря теплой одежде и клеенчатому плащу, который теперь надевал каждый раз, отправляясь в полет.

Отчаянный продолжал свое медленное восхождение, отвлекаясь от облаков ради цветов и камней. Один камешек он выкопал из земли и понес показывать Лоуренсу. В когтях находка по мелкоте своей не держалась, поэтому дракон просто толкал ее вверх.

Лоуренс взвесил камень, с кулак величиной, на ладони. Образец и впрямь любопытный — пирит с кварцевыми вкраплениями.

— Как ты умудрился его найти? — спросил он, счищая с камня налипшую землю.

— Он был наполовину виден и весь блестел. Это золото, да? Мне нравится смотреть на него.

— Нет, просто пирит, но он и вправду очень красивый. Ты у меня, видно, из хранителей кладов. — Лоуренс знал, что многие драконы имеют врожденное влечение к драгоценным камням и благородным металлам. — Боюсь, что здесь от меня мало толку. Я не могу подарить тебе кучу золота, на которой ты мог бы спать.

— Ты лучше, чем куча золота, хотя спать на ней было бы хорошо. Да мне и на палубе тоже неплохо спится.

Отчаянный сказал это между прочим, ничуть не желая польстить, и тут же снова занялся облаками, но его забавное замечание доставило Лоуренсу великую радость. Как если бы «Надежный» в его былой жизни сказал, что ему приятно видеть Лоуренса своим капитаном. Любовь и гордость самой высокой пробы обновили его решимость стать достойным столь лестного о себе мнения.

— Боюсь, что не смогу вам помочь, сэр. — Старик почесал себя за ухом, оторвавшись от толстого фолианта. — У меня тут с десяток книг с описанием драконьих пород, но такого я ни в одной не нашел. Может, его окрас изменится, когда он станет постарше?

Лоуренс помрачнел. За неделю, прошедшую с высадки на Мадейре, он консультировался уже с третьим натуралистом, но породу Отчаянного никто из них определить не сумел.

— Хочу, однако, вас обнадежить, — продолжал книготорговец. — Здесь, на острове, лечится водами сэр Эдвард Хоу из Королевского Общества. На прошлой неделе он ко мне заходил. Живет он, кажется, в Порту-Монише, на северо-западной стороне. Уж ему-то, уверен, под силу узнать, кто таков ваш дракон. Он написал несколько трудов

о редких восточных и американских породах.

— Очень вам благодарен, — просиял Лоуренс: он хорошо знал это имя и пару раз встречался с сэром Эдвардом в Лондоне, что избавляло от забот о формальном знакомстве.

На улицу он вышел в хорошем настроении, с подробной картой острова и с пособием по минералогии для Отчаянного. День был на редкость хорош, и дракон после обильной трапезы нежился за городом, на отведенном для него поле.

Губернатор проявил больше предупредительности, чем адмирал Крофт — пребывание постоянно голодного дракона в порту, как видно, устрашило его, и Отчаянный регулярно питался бараниной и говядиной за счет городской казны. Смена диеты ничуть не огорчила дракона. Он продолжал расти, перестал помещаться на корме «Надежного» и обещал в скором времени стать больше самого корабля. Лоуренс снял себе домик у самого поля — дешево, ибо хозяин вдруг возымел желание переехать как можно дальше, — и им славно жилось там вдвоем.

В праздные минуты он жалел о том, что окончательно порвал с корабельной жизнью, но такие минуты выпадали не часто: моцион Отчаянного занимал почти весь его день, а обедать он ходил

в город. Там он, помимо Райли и его офицеров, завел знакомство со многими моряками, и коротать вечер в одиночестве ему доводилось редко. Возвращался Лоуренс рано из-за приличного расстояния, но и дома недурно проводил время. Фернау, нанятый им слуга из местных, был неулыбчив и молчалив, зато не боялся дракона и вполне приемлемо готовил завтрак и ужин.

Отчаянный, оставаясь один, в жаркие часы спал и просыпался лишь на закате, а Лоуренс после ужина выносил фонарь и читал ему что-нибудь. Он никогда не был книгочеем, но любовь Отчаянного к чтению передалась и ему. Сейчас он с удовольствием думал о том, как обрадует дракона новая книга о добыче драгоценных камней, хотя его самого этот предмет нисколько не интересовал. Раньше он даже представить себе не мог, что когда-нибудь будет так жить, но пока что столь крутая перемена судьбы не причиняла ему никаких лишений, а общество Отчаянного становилось все занимательней.

Зайдя в кофейню, он написал сэру Эдварду письмецо, где кратко изложил свои обстоятельства и попросил разрешения нанести визит. Письмо он отправил в Порту-Мониш с мальчиком, которому дал полкроны. Перелет, конечно, занял бы куда

меньше времени, но спускаться без предупреждения прямо с неба и являться в дом с драконом на поводу было едва ли прилично. Лоуренс особенно не спешил — до прибытия указаний из Гибралтара оставалось не меньше недели.

Зато почтовый курьер ожидался завтра, и это напомнило Лоуренсу об одном неисполненном долге: он так и не написал до сих пор отцу. Не желая, чтобы родители узнали дурную новость из вторых рук или из заметки в «Газетт», он с тяжелым сердцем попросил заварить ему свежий кофейник и принялся за письмо.

Подобрать нужные слова оказалось трудно. Лорд Эллендейл не принадлежал к числу самых нежных отцов и отличался большой щепетильностью. Наиболее подходящим поприщем для небогатого младшего сына он считал церковь — армия и флот годились лишь на худой конец. Воздушный Корпус в его глазах был ничем не лучше коммерции, и Лоуренс знал, что ни сочувствия, ни понимания со стороны отца он не встретит. Они по разному смотрели на то, что такое долг: отец, конечно же, скажет, что долг перед именем обязывал сына держаться от дракона подальше и выбросить из головы всякую мысль о недостойной джентльмена службе. Ло-

уренса больше волновало, как отнесется к этому мать: она искренне любила его, и он знал, что его несчастье сделает несчастной и ее. Кроме того, она была в дружбе с леди Гелмен, и все написанное им обещало дойти до ушей Эдит. Но он не мог написать им обеим ничего утешительного, не рискуя еще больше разгневать отца. По этой причине он ограничился сухим формальным отчетом без всяких прикрас и жалоб. Так было лучше всего. Лоуренс запечатал письмо и отнес на почту, хотя оно удовлетворяло его лишь постольку поскольку.

Покончив с неприятной обязанностью, он направился в гостиницу, где снимал номер. В этот вечер он пригласил к обеду Райли, Гиббса и еще несколько человек, которые не раз приглашали его самого. В это время, в два часа дня, лавки были еще открыты. Лоуренс шел, разглядывая витрины, думал, как подействует известие о его поступке на семью и близких друзей, — и вдруг остановился перед ломбардом.

В окне лежала золотая цепь, до нелепости толстая, слишком тяжелая для женщины и слишком нарядная для мужчины. С квадратных звеньев попеременно свисали плоские диски и жемчужные слезки. Из-за одного веса золота и жемчужин

цепь, должно быть, стоила дорого, несмотря на свое безобразие. Дороже, вероятно, чем он мог себе позволить: теперь, когда премий больше не предвиделось, Лоуренс расходовал свои средства бережно. Однако он все же зашел и справился. Цепь и вправду оказалось чересчур дорогой.

— Может быть, сэр, вам подойдет эта? — спросил хозяин и показал другую — почти такую же, только без дисков и чуть потоньше. Стоила она едва ли не вполовину дешевле, и даже это было дорого. Лоуренс, купив цепь, почувствовал себя несколько глупо.

Вечером он вручил ее Отчаянному и слегка удивился счастью, который его подарок доставил дракону. Отчаянный, схватив цепь, больше с нею не расставался. Рассматривал ее при свече, пока Лоуренс ему читал, вертел ее так и сяк, любовался игрой света на золоте и жемчугах. Заснул он, стиснув цепь когтями, и назавтра Лоуренсу пришлось прикрепить ее к сбруе — без нее Отчаянный отказывался лететь.

Странное поведение дракона сделало особенно приятным ответ сэра Эдварда. Фернау принес письмо прямо на поле, куда они опустились после утреннего полета. Лоуренс прочел Отчаянному вслух, что джентльмен рад будет принять их в

любое время и что найти его можно на берегу близ купальных прудов.

— Я совсем не устал, — заявил Отчаянный, которому не меньше Лоуренса хотелось узнать, какой он породы. — Полетим хоть сейчас, если хочешь.

Его выносливость в самом деле росла с каждым днем. Лоуренс решил, что в случае чего они отдохнут по дороге, и снова сел на дракона, не став переодеваться. Отчаянный несся, как вихрь. Всадник припал к его шее, щурясь от ветра.

Не прошло и часа, как они спустились витками на каменистый морской берег, разогнав купальщиков и торговцев. Лоуренса немного ошеломила такая встреча, но не стоило винить себя в том, что глупые люди испугались одетого в сбрую дракона. Он потрепал Отчаянного по шее, отстегнулся и слез.

— Ты побудь здесь, а я пойду поищу сэра Эдварда.

— Хорошо, — ответил дракон рассеянно — его уже заинтересовали устроенные на берегу пруды с очень чистой водой, окруженные каменной россыпью.

Долго искать не пришлось. Не пройдя и четверти мили, Лоуренс увидел одинокую фигуру ученого — тот шел к ним сам, заметив всеобщее

бегство. Они обменялись рукопожатием и парой любезных фраз — обоим не терпелось перейти к делу, и Лоуренс тут же повел сэра Эдварда к своему питомцу.

— Необычайное и очень милое имя. — Сердце у Лоуренса невольно екнуло от этих слов сэра Эдварда. — Обычно их называют пышно, на римский манер — но ведь большинство авиаторов получает своих драконов в гораздо более юном возрасте, и им свойственна некоторая высокопарность. Что может быть нелепее двухтонного винчестера, носящего имя Императориус! Но послушайте, Лоуренс, — как вам удалось научить его плавать?

Лоуренс взглянул и замер: Отчаянный без него залез в пруд и плавал там как ни в чем не бывало.

— Боже мой, он никогда раньше этого не делал! Он же мог утонуть! Отчаянный, вылезай сейчас же.

Сэр Эдвард с большим интересом следил, как Отчаянный подплывает к ним и выбирается на берег.

— Удивительно. Думаю, на плаву его держат те же внутренние пузыри, что позволяют драконам летать. Он вырос в открытом море и потому,

должно быть, не питает природного страха к водной стихии.

Внутренние пузыри явились для Лоуренса открытием, но дракон уже подошел к ним, и он воздержался от дальнейших вопросов.

— Познакомься, Отчаянный: это сэр Эдвард Хоу.

— Здравствуй. — Отчаянный смотрел на ученого с не меньшим интересом, чем испытывал к нему новый знакомый. — Очень приятно. Можешь сказать, какой я породы?

Сэра Эдварда столь деловой подход ничуть не смутил.

— Надеюсь, что это в моих возможностях, — с поклоном ответил он. — Я попрошу тебя отойти чуть подальше, вон к тому дереву, и расправить крылья, чтобы мы могли лучше судить о твоем экстерьере.

Отчаянный охотно выполнил требуемое.

— Странно, очень странно, — сказал через некоторое время сэр Эдвард, — он держит хвост совершенно нехарактерным образом. Вы говорите, яйцо было найдено в Бразилии, Лоуренс?

— Боюсь, что не могу сказать вам ничего определенного на сей счет. — Сам Лоуренс ничего необычного в хвосте Отчаянного не видел. Прав-

да, и сравнивать ему было не с чем. При ходьбе дракон поднимал хвост вверх и слегка им помахивал. — Мы взяли яйцо с французского корабля, который, судя по маркам на бочках с пресной водой, недавно побывал в Рио — но этим все мои сведения исчерпываются. Судовые журналы они выбросили за борт, а капитан, естественно, отказался сообщить мне, где они взяли яйцо. Думаю, что это место, учитывая длительность морского пути, находится все же не намного дальше Бразилии.

— Как сказать, как сказать. Есть подвиды, которые развиваются в скорлупе более десяти лет, средний же срок — двадцать месяцев. Бог ты мой!

Отчаянный в этот миг распростер крылья, с которых все еще стекала вода.

— Да? — с надеждой произнес Лоуренс.

— Крылья, Лоуренс! Крылья! — И сэр Эдвард бегом устремился к дракону.

Когда недоумевающий Лоуренс сам подбежал к ним, ученый с алчностью во взоре любовно поглаживал одну из спиц, составлявших костяк крыла. Отчаянный склонил к нему голову, но стоял смирно и как будто не возражал.

— Теперь вы узнали, кто он? — спросил Лоуренс

осторожно: уж очень разволновался натуралист.

— Узнал? О нет. Я хочу сказать, что никогда не видел воочию представителей этой породы. В Европе едва ли найдутся три человека, которые видели. Один-единственный взгляд на него уже дает мне достаточный повод для обращения в Королевское Общество. Но крылья, а также количество когтей не оставляют сомнений. Это китайский империал — не знаю только, какого рода. Дивный экземпляр, Лоуренс!

Тот опешил. Ему не приходило в голову, что веерообразные крылья и пять когтей на каждой лапе как-то выделяют Отчаянного среди прочих драконов.

— Империал? — повторил Лоуренс, нерешительно улыбаясь. Он даже усомнился на миг, не разыгрывает ли его сэр Эдвард. Китайцы выращивали драконов за тысячи лет до того, как римляне начали одомашнивать дикие породы Европы. Они ревностно хранили свои секреты и даже особей второстепенных пород старались не выпускать из страны. Французы, везущие яйцо империала через Атлантику на тридцатишестипушечном фрегате? Что за бред!

— Это хорошая порода? — осведомился Отчаянный. — Я смогу выдыхать огонь?

— Лучшая из всех существующих, дорогой мой! Реже и ценнее вас только селестиалы. Будь ты из них, китайцы наверняка начали бы войну из-за того, что мы надели на тебя сбрую, — поэтому мы должны только радоваться, что это не так. Но огонь извергать ты вряд ли сможешь, хотя я не исключаю этого полностью. Для китайцев при разведении важнее всего ум и грация — при таком превосходстве в воздухе, как у них, о боевых качествах можно не беспокоиться. Среди восточных пород такие способности гораздо чаще встречаются у японских драконов.

— Вот как, — разочарованно проронил Отчаянный.

— Не глупи, это же великолепная новость! — Лоуренс наконец поверил, что с ним не шутят, но все-таки не удержался и уточнил: — Вы совершенно в этом уверены, сэр?

— О да. — Сэр Эдвард вернулся к осмотру крыльев. — Взгляните только на изящество перепонок, на консистенцию окраса, на гармонию узора и цвета глаз. Я мог бы сразу догадаться, что это порода китайская; в дикой природе он никак не мог зародиться, а европейцам и инкам далеко до подобного мастерства. Этим объясняется и то, что он плавает: китайские драконы, если я верно

помню, часто бывают водолюбивыми.

— Императал, — пробормотал Лоуренс, поглаживая Отчаянного. — Просто не верится. Они должны были отрядить для его эскорта половину своего флота. Или прислать ему опекуна, пока он еще не вылупился.

— Возможно, они не знали, каким сокровищем обладают. Яйца китайских драконов, как известно, с виду распознать очень трудно. Единственная отличительная черта — фарфоровое строение скорлупы. Осколки вы, конечно, не сохранили? — без особой надежды спросил сэр Эдвард.

— Думаю, они могут отыскаться у кого-нибудь из матросов. Охотно поищу для вас образчик, ведь я перед вами в долгу.

— Пустяки, это я вам обязан. Подумать только, что мне довелось видеть императала и говорить с ним! — Сэр Эдвард снова отвесил поклон Отчаянному. — В этом я, пожалуй, единственный среди англичан, хотя граф Лаперуз упоминает в своих дневниках, что говорил с таким драконом в Корее, во дворце правителя.

— Я хочу почитать, — сказал Отчаянный. — Лоуренс, ты можешь мне достать эту книгу?

— Постараюсь. Кстати, я буду очень признателен вам, сэр, если вы порекомендуете мне

какие-нибудь пособия о поведении драконов этой породы.

— Боюсь, таких источников очень мало. Думаю, что своими знаниями в этой области вы скоро превзойдете всех европейских экспертов. Однако я, конечно, составлю вам список и с радостью одолжу кое-что из своих книг, включая дневники Лаперуза. Если Отчаянный не против подождать здесь немного, мы могли бы зайти за ними ко мне в гостиницу — в деревню его с собой лучше не брать.

— Совсем не против. Пока вы будете ходить, я поплаваю, — сказал Отчаянный.

* * *

Лоуренс попил чаю с сэром Эдвардом, взял у него несколько книг и купил у деревенского пастуха барана, чтобы покормить Отчаянного перед обратной дорогой. Тащить свою покупку на берег ему, однако, пришлось самому, баран же бешено вырывался и блеял, еще и в глаза не видя дракона. В конце концов Лоуренс взял его на руки и понес, а баран в отместку обгадил его напоследок.

Пока Отчаянный насыщался, Лоуренс кое-как отмыл одежду в пруду, положил сушиться на солнце, а потом они вместе выкупались. Сам

Лоуренс плавал так себе и на глубине придерживался за Отчаянного, но вскоре, заразившись его восторгом, стал брызгаться и подныривать под дракона.

Вода была восхитительно теплая, а отдыхать они выбирались на гальку. Несколько часов прошли незаметно, и солнце уже садилось. Лоуренс эгоистично радовался тому, что другие купальщики держались от них поодаль: при них бы он постыдился резвиться, как маленький мальчик.

Солнце светило им в спину, когда они, очень довольные, полетели обратно в Фуншал. Драгоценные книги, завернутые в клеенку, приторочили к сбруе.

— Вечером я почитаю тебе дневники этого путешественника, — начал Лоуренс и осекся, услышав впереди громкий трубный зов.

Пораженный дракон замер в воздухе. В следующий миг он — с небывалой для себя робостью — издал сходный звук и снова рванулся вперед, к бледно-серому дракону с белыми узорами на животе и белыми полосками на крыльях, который на фоне облаков был почти невидим.

Он летел много выше Отчаянного, но тут же снизился и поравнялся с ним. Серый уже и теперь был меньше продолжающего расти Отчаянного,

но одного взмаха крыльев ему хватало на большее расстояние. Его наездник, одетый в серую кожу под цвет дракона, отстегнул свой плотный капюшон, откинул его и представился, с откровенным любопытством глядя на Лоуренса:

— Капитан Джеймс на Волатилусе, почтовая служба.

Лоуренс не знал, как на это ответить — ведь формально его еще не отчислили с флота и не приняли в воздушные силы.

— Капитан Лоуренс, флот Его Величества, на Отчаянном, — наконец сказал он. — Назначения временно не имею. Вы летите в Фуншал?

— Флот, говорите? — Когда Лоуренс назвался, открытое лицо Джеймса заметно помрачнело. — Да, мы в Фуншал, и вам я тоже советовал бы проследовать туда после такого-то заявления. Сколько вашему дракону и где вы, собственно, его взяли?

— Я вылупился три недели и пять дней назад. Лоуренс взял меня как трофей, — ответил ему Отчаянный, опередив Лоуренса, и спросил другого дракона: — А ты как познакомился с Джеймсом?

— Вылупился! — сказал Волатилус, поморгав большими молочно-голубыми глазами.

— Да? — Отчаянный с недоумением оглянулся

на Лоуренса. Тот мотнул головой, призывая его к молчанию, и произнес суховато, задетый начальственным тоном Джеймса:

— Если у вас есть вопросы, предпочитаю ответить вам на земле. Мы с Отчаянным разместились за городом; решайте, куда будем садиться — на наше поле или на ваше.

Джеймс, которого Отчаянный удивил своей речью, ответил слегка теплее:

— Летим на ваше. На моем меня тут же начнут осаждать отправители посылок, и нам не удастся поговорить.

— Прекрасно. Наше к юго-западу от города. Показывай дорогу, Отчаянный.

Серый дракон держался вровень, хотя Отчаянный, не подавая виду, старался его обогнать — эта порода, видимо, славилась своей резвостью. Английские заводчики умели добиваться неплохих результатов даже с ограниченным поголовьем, но тут скорость явно была достигнута за счет умственных способностей.

Они приземлились вместе, всполошив предназначенных для Отчаянного коров.

— Будь с ним помягче, Отчаянный, — тихо попросил Лоуренс. — Некоторые драконы, как и некоторые люди, соображают хуже других.

Помнишь Билла Суоллоу на «Надежном»?

— Да, хорошо. Я понял, — ответил Отчаянный, тоже тихо. — Может, одну корову ему отдать, как ты думаешь?

— Он у вас, вероятно, голоден? — спросил Лоуренс Джеймса, когда они оба спешились. — Отчаянный сегодня уже пообедал и может уступить вам корову.

— Вы очень любезны, — сразу оттаял Джеймс. — Он не откажется — так ведь, ненасытная ты утроба? — И потрепал Волатилуса по шее.

— Корова? — широко распахнув глаза, повторил Волатилус.

— Пошли со мной, — предложил Отчаянный. — Поесть можно вон там. — Он перекинул пару животных из загона на чистую травку, и Волатилус с готовностью потрусил за ним.

— Он очень щедр, и вы тоже, — сказал Джеймс, которого Лоуренс повел в дом. — Я еще ни разу не видел, чтобы большие драконы делились с другими. Что это за порода?

— Сам я не знаток, а он нам достался без родословной, но сегодня сэр Эдвард Хоу опознал в нем империала. — Лоуренс немного смущался. Может показаться, будто он хвастается — но ведь это факт, и скрывать его незачем.

Джеймс, услышав это у входа, споткнулся и чуть не упал на Фернау.

— Вы не… да нет, я вижу, вы не шутите. — Джеймс снял свое кожаное пальто. — Но как вы его нашли и как надели на него сбрую?

Лоуренс на его месте ни за что не стал бы так допрашивать человека, пригласившего его к себе в гости, — но, учитывая обстоятельства, простил Джеймсу его манеры.

— С удовольствием вам расскажу и охотно выслушаю ваш совет, как мне быть дальше. Чаю?

— Если можно, кофе. — Джеймс подвинул кресло к огню и развалился, задрав ногу на подлокотник. — Черт, хорошо-то как! Особенно после семи часов в воздухе.

— Семь часов? Вы, должно быть, совсем разбиты, — поразился Лоуренс. — Не знал, что они могут быть в полете так долго.

— Да Бог с вами, мне и по четырнадцать доводилось летать. Но с вашим такое вряд ли получится. Волли за час делает всего один взмах, если погода хорошая. — Джеймс зевнул во весь рот. — Хотя в воздушных потоках над океаном, конечно, несладко приходится.

Когда Фернау принес чай и кофе, Лоуренс вкратце рассказал Джеймсу, как был найден и

приручен Отчаянный. Тот, слушая, выпил пять чашек кофе и опустошил две тарелки с сандвичами.

— Так что я, как видите, в некоторой растерянности. Адмирал Крофт запросил из Гибралтара указания относительно меня. Вы, думаю, его депешу и повезете, но буду благодарен, если вы скажете предварительно, чего мне следует ожидать.

— Боюсь, вы спрашиваете не того человека, — весело сказал Джеймс, осушая шестую чашку. — Я о таком слышу впервые и даже насчет тренировки ничего не могу посоветовать. Меня самого запродали на почтовую службу двенадцатилетним, а на Волли я сел в четырнадцать. Вы со своим красавцем еще намучаетесь. Однако постараюсь долго вас не томить. Сейчас быстренько заберу почту и к завтрашнему утру доставлю депешу вашего адмирала по назначению. Не удивлюсь, если к вам завтра же прибудет инструктор.

— Кто, простите?

Джеймс с увеличением числа выпитых чашек говорил все развязнее.

— Инструктор. — Джеймс вылез из кресла и потянулся. — Летчика из вас будет делать. Все забываю, что вы пока еще не совсем наш.

— Для меня это лестно. — Лоуренса, впрочем, больше бы устроило, если бы Джеймс об этом не забывал. — Но не собираетесь же вы лететь ночью?

— Еще как собираюсь — не хочу здесь засиживаться в такую погоду. Ваш кофе вернул меня к жизни, а Волли, слопав корову, способен прогуляться отсюда до Китая и обратно. Выспимся дома, в Гибралтаре. Все, бегу. — Джеймс, насвистывая, надел в передней пальто, и оторопевший Лоуренс едва успел его проводить.

Волли в два прыжка подскочил к курьеру, восторженно бормоча что-то о коровах и «Оччани» — полностью имени своего нового приятеля он выговорить не мог. Джеймс приласкал дракона и сел на него верхом.

— Еще раз большое спасибо. Если подготовку будете проходить в Гибралтаре, там и увидимся. — Взмахнули серые крылья, и дракон с наездником быстро стали уменьшаться в сумеречном небе.

— Корова ему очень понравилась, — сказал, подойдя, Отчаянный.

Лоуренс посмеялся этой невинной похвальбе и почесал ему шею.

— Жаль, что твое первое знакомство с другим

драконом оказалось не очень-то вдохновляющим. Зато они отвезут в Гибралтар письмо адмирала Крофта, и через пару дней у тебя, надеюсь, будет более интересное общество.

Джеймс, очевидно, ничего не преувеличивал. Как только Лоуренс на следующий день пришел в город, на гавань легла огромная тень, и большой красно-золотой дракон проплыл в небе, направляясь к посадочному полю на окраине. Лоуренс тут же повернул к «Достойному» и сделал это как нельзя более вовремя: запыхавшийся мичман, встретивший его на полпути, сообщил, что адмирал Крофт его ищет.

В адмиральской каюте Крофта ждали два авиатора. Капитан Портленд — высокий, худой, с резкими ястребиными чертами — сам походил на дракона. Лейтенант Дейс — лет двадцати от силы, со связанными в длинный хвост светло-рыжими волосами и такими же бровями — смотрел крайне недружелюбно. Оба демонстрировали то самое высокомерие, которое приписывала авиаторам молва и в отличие от Джеймса не проявляли к Лоуренсу ни малейшей симпатии.

— Повезло же вам, Лоуренс! — воскликнул Крофт после чопорной церемонии взаимного представления. — В конце концов мы все-таки

возвращаем вас на «Надежный».

— Прошу прощения? — с некоторым запозданием произнес Лоуренс, все еще старавшийся разгадать характер и намерения двух авиаторов.

Портленд, которому ссылка на везение, видимо, показалась бестактной и даже оскорбительной, метнул на Крофта презрительный взгляд и сказал Лоуренсу:

— Вы действительно оказали большую услугу Воздушному Корпусу, но необходимости в дальнейших жертвах, я надеюсь, не будет. Лейтенант Дейс прибыл, чтобы вас заменить.

Лоуренс растерянно уставился на Дейса, который ответил ему воинственным взглядом, и заговорил медленно, собираясь с мыслями:

— Я полагал, сэр, что опекун, присутствовавший при появлении дракона на свет, замене не подлежит. Возможно, я ошибаюсь?

— При обычных обстоятельствах это верно и, безусловно, желательно, — ответил Портленд. — Но более чем в половине случаев гибели авиатора нам удавалось уговорить дракона принять нового опекуна. С Отчаянным это должно получиться без затруднений, — имя дракона Портленд выговорил с легким неодобрением, — поскольку он совсем еще юн.

— Понимаю, — только и смог выговорить Лоуренс. Три недели назад это известие доставило бы ему бурную радость, теперь он не ощутил ничего.

— Мы вам, естественно, благодарны, — расщедрился Портленд, — но дракону будет гораздо лучше с опытным авиатором, а флот, уверен, не захочет отдать нам столь заслуженного своего офицера.

— Вы очень любезны, сэр, — поклонился Лоуренс. Комплимент авиатора прозвучал несколько натянуто, но все остальное, несомненно, имело смысл. Отчаянному, разумеется, будет лучше с опытным наставником, как и кораблю было бы лучше в руках настоящего моряка. Дракон достался ему по воле случая, и теперь, в свете недавних открытии, стало особенно ясно, что столь незаурядному существу и партнер нужен незаурядный. — Вполне понятно, что вы хотите видеть на этом месте хорошо подготовленного человека, и я только счастлив, что принес вам какую-то пользу. Следует ли мне проводить мистера Дейса к Отчаянному?

— Нет! — отрезал Дейс.

Портленд взглядом заставил его умолкнуть и ответил более вежливо:

— Благодарю, капитан, не нужно. Мы, напротив, предпочитаем действовать так, будто прежний опекун умер. Это позволит решить ситуацию проверенным ранее способом. Лучше всего будет, если вы никогда больше не увидите дракона.

Это был удар. Лоуренсу захотелось возразить, но он сдержался и ограничился новым поклоном. Если для Отчаянного так легче, его долг — устраниться.

Но как горько, что он никогда больше не увидит Отчаянного, не простится с ним, не скажет напоследок что-нибудь ласковое! Лоуренс чувствовал себя дезертиром. Горе, придавившее его, как при уходе с «Достойного», не рассеялось и к вечеру. В общей зале гостиницы, где ему предстоял обед с Райли и Уэллсом, он с большим трудом выдавил из себя улыбку.

— Похоже, джентльмены, что вы так от меня и не избавитесь.

Когда он объяснил, в чем дело, они с жаром принялись его поздравлять и пить за его освобождение.

— Лучшая новость за две недели, — заверил Райли, поднимая бокал. — Ваше здоровье, сэр! — Он говорил искренне, хотя на повышение мог теперь не рассчитывать.

Лоуренс был тронут, и столь преданная дружба сделала его печаль чуть менее тяжкой. Ответный тост он произнес почти что в прежней своей манере.

— Но подошли они к этому делу несколько странно, — хмуро заметил Уэллс, выслушав рассказ Лоуренса о беседе у адмирала. — То, что морской офицер для них недостаточно хорош, оскорбительно для флота.

— Ничего подобного, — возразил Лоуренс, хотя и его втайне посещала та же мысль. — Я уверен, что они заботятся не только о своем Корпусе, но и о благе Отчаянного; их так же мало мог порадовать профан на спине столь ценного существа, как нас — армейский офицер на мостике перворазрядного линейного корабля.

Он верил в то, что говорил, но это не слишком его утешало. Вечер шел своим чередом, и боль разлуки мучила Лоуренса все сильнее, несмотря на вкусную еду и приятное общество. Он уже привык читать на ночь Отчаянному, беседовать с ним, засыпать с ним рядом. Озабоченные взгляды Уэллса и Райли, их усилия не допускать в разговоре пауз говорили о том, что он скрывает свои чувства не слишком удачно — но не мог же он для их успокоения притвориться, что счастлив.

Подали пудинг. Он попытался съесть хоть немного, но тут прибежал мальчик с запиской от капитана Портленда. Лоуренса срочно требовали в его загородный дом. Он встал из-за стола, объяснив все сотрапезникам в двух словах, и выскочил на улицу без плаща. На Мадейре ночи теплые, особенно если идти быстрым шагом. Подходя к дому, он охотно снял бы и галстук.

Внутри горел свет; Лоуренс предоставил домик в распоряжение Портленда. Фернау отворил дверь. Дейс сидел у стола, опустив голову на руки, окруженный другими молодыми людьми в летних мундирах. Портленд стоял у огня, глядя на них жестко и неприязненно.

— Что-нибудь случилось? — спросил Лоуренс. — Отчаянный нездоров?

— Здоров, — кратко ответил Портленд, — но от замены отказывается.

Дейс вскочил и подступил к Лоуренсу:

— Это просто невыносимо! Империал во власти какого-то флотского болвана.

Друзья поспешили утихомирить его, но и сказанного было вполне достаточно. Лоуренс схватился за шпагу.

— Вы ответите за свои слова, сэр!

— Прекратите. В Корпусе не бывает дуэлей, —

вмешался Портленд. — Эндрюс, Бога ради, уложите его в постель и дайте ему лауданума.

Юноша, державший Дейса за левую руку, кивнул и вместе с тремя другими вывел упирающегося лейтенанта из комнаты. Фернау, как деревянный, стоял в углу, держа на подносе графин с портвейном.

— Нельзя требовать, чтобы джентльмен терпел подобные замечания, — заявил Лоуренс Портленду.

— Авиатор не распоряжается своей жизнью и не должен швыряться ею без всякого смысла, — ровно ответил тот. — У нас в Корпусе нет дуэлей.

Повторенные дважды слова имели силу закона. Лоуренс, признавая их справедливость, слегка разжал пальцы, но гневный румянец с его лица не сошел.

— В таком случае, сэр, он должен принести извинения как мне, так и флоту. То, что он сказал, возмутительно.

— Вам никогда не доводилось слышать замечаний такого же рода в адрес авиаторов или Воздушного Корпуса?

Лоуренс умолк, уловив горечь в голосе Портленда. Раньше ему не приходило в голову, как такие фразы должны возмущать авиаторов, но

сейчас он от души посочувствовал людям, которым служебный устав воспрещает ответить на оскорбление должным образом.

— Капитан, — сказал он гораздо спокойнее, — если при мне когда-либо и высказывались подобные вещи, сам я ничего такого не произносил и со всей возможной строгостью останавливал других. Я не допускаю презрительных высказываний ни об одном военном подразделении Его Величества и впредь не намерен их допускать.

На сей раз замолчал Портленд.

— Я обвинил вас несправедливо и прошу меня извинить, — наконец сказал он, хотя и неохотно. — Надеюсь, что и Дейс извинится, когда немного придет в себя. Он ни за что бы этого не сказал, если бы не пережитое им горькое разочарование.

— Из ваших слов я понял, что здесь есть определенный риск. Он, конечно, надеялся справиться с детенышем, но не следовало питать слишком больших надежд.

— Он пошел на этот риск и лишился надежды на повышение. Шанс на следующую попытку он может заслужить только в бою, что весьма маловероятно.

Выходит, Дейс оказался в том же положении,

что и Райли, даже в худшем, ибо в Англии драконы — большая редкость. Лоуренс все еще не мог простить ему оскорбления, но стал лучше понимать его чувства и испытал невольную жалость к этому человеку, в сущности, еще мальчику.

— Я охотно приму его извинения. — На большее Лоуренс пока не был способен.

— Рад слышать, — с видимым облегчением произнес Портленд. — А теперь вам, пожалуй, лучше пойти и поговорить с Отчаянным. Он, наверное, уже соскучился, а предложение взять замену ему не понравилось. Наш разговор мы, надеюсь, возобновим завтра. Вашу спальню мы не тронули, так что переселяться вам нет нужды.

Лоуренс с готовностью вышел и зашагал к полю. При свете ущербной луны он еще издали различил Отчаянного. Дракон свернулся в тугой комок и лежал смирно, перебирая в когтях золотую цепь.

— Отчаянный, — позвал Лоуренс от ворот, и тот сразу же вскинул свою гордую голову.

— Лоуренс, ты? — Больно было слышать неуверенность в его голосе.

— Я, милый, я. — Лоуренс шел быстро, почти бежал.

Когда он оказался рядом, Отчаянный с баси-

стым воркующим звуком обнял его передними лапами, окутал крыльями, ткнулся мордой. Лоуренс погладил мокрый холодный нос.

— Он сказал, что ты не любишь драконов и хочешь вернуться на свой корабль. Сказал, что ты летал со мной только из чувства долга.

У Лоуренса дух захватило от ярости. Будь Дейс сейчас здесь, он измолотил бы его кулаками.

— Он сказал неправду, Отчаянный, — с трудом преодолевая спазм, выдавил Лоуренс.

— Я так и подумал, но слышать такие слова неприятно. Еще он хотел отобрать мою цепь. Я очень из-за этого рассердился, а он все не уходил, пока я его не выставил. А тебя все нет и нет. Я подумал, что это он тебя не пускает, но не знал, где тебя искать.

Лоуренс прижался щекой к теплому мягкому боку.

— Прости меня, я виноват. Они уговорили меня уйти и дать ему попробовать — ради твоей будто бы пользы. Мне сразу следовало понять, что это за субъект.

— На корабле я уже, наверно, не помещусь? — помолчав немного, спросил Отчаянный.

— Нет, разве что на специальном, для перевозки драконов, — удивленно ответил Лоуренс.

— Если ты так хочешь снова получить свой корабль, я позволю, чтобы на меня сел кто-то другой. Только не этот, потому что он говорит неправду. Я не хочу тебя принуждать.

Лоуренс постоял неподвижно, овеваемый теплым драконьим дыханием, и сказал тихо, от всего сердца:

— Нет, голубчик. Ты мне дороже любого корабля во всем королевском флоте.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава четвертая

— Нет, выпяти грудь сильнее, вот так. — Летификат, стоя на задних лапах, набрала воздуху и вывалила вперед громадное, красное с золотом брюхо.

Отчаянный повторил за ней. Без яркого узора медных регалов у него это вышло не столь эффектно, притом он был пока еще впятеро меньше своей учительницы, но рев на этот раз получился куда более мощным.

— Ух ты, — сказал он довольно, снова опускаясь на четвереньки. Охваченные паникой коровы метались в своем загоне.

— Так гораздо лучше. — Летификат одобрительно потыкала его носом в спину. — Упражняйся каждый раз, когда ешь: это хорошо развивает легкие.

— Вы должны понимать, как остро мы в нем нуждаемся, учитывал состояние наших дел, — сказал Портленд Лоуренсу. Они стояли на краю поля, подальше от драконьего пиршества. — Почти все драконы Бонапарта размещены на Рейне. Сам он был занят итальянской кампанией — именно она, вкупе с нашей морской блокадой,

удерживала его от вторжения. Но если он добьется своего на континенте и освободит несколько воздушных дивизионов, тулонской блокаде можно сказать «прощай»; наших собственных драконов попросту не хватит, чтобы обеспечить прикрытие флоту Нельсона. Ему придется уйти, и тогда Вильнёв двинется прямо к Английскому каналу.

Лоуренс угрюмо кивнул. С тех пор как «Надежный» пришел в порт, он с нарастающей тревогой читал в газетах о действиях Бонапарта.

— Я знаю, что Нельсон пытался завязать с французами морское сражение, — продолжал Портленд, — но Вильнёв человек разумный, хотя и не моряк. Из безопасной гавани его можно выманить только воздушной бомбардировкой — а силы, которыми мы располагаем в настоящий момент, не позволяют на это надеяться. Есть пара длиннокрылов в Домашнем дивизионе, но если их оттуда забрать, Бонапарт тут же атакует стоящую на Канале флотилию.

— А если метать бомбы с дальнего расстояния?

— Это не обеспечит нужной меткости, а тулонские орудия стреляют отравленной шрапнелью. Ни один авиатор, стоящий больше шиллинга, не поведет своего дракона на их укрепления. Но сей-

час у нас обучается один молодой длиннокрыл, и если Отчаянный соизволит ускорить свой рост, они вдвоем смогут заменить Эксидиума или Мортиферуса на Проливе с тем, чтобы послать второго бомбардира в Тулон.

— Уверен, он сделает все, чтобы вам помочь, — сказал Лоуренс. Надежда воздушных сил уминала тем временем вторую корову. — И я тоже. Я знаю, что опытный авиатор на моем месте вас бы устроил намного больше, и это вполне понятно — но полагаю, что и морская выучка здесь окажется не совсем бесполезной.

— О черт! — Ответ довольно странный, но Портленд сказал так не со зла, а в приступе беспокойства. — Да, вы не авиатор, и с этим ничего не поделаешь. Добро бы вся трудность заключалось в недостатке мастерства или знаний, но…

Портленд, судя по его тону, отнюдь не ставил под сомнение мужество Лоуренса. Этим утром он как раз вел себя дружелюбней прежнего. Лоуренс начинал думать, что в авиаторах просто слишком силен клановый дух — что они станут менее холодны, когда окончательно примут его, чужого, в свои ряды. Он и теперь не обиделся, сказав просто:

— Не представляю, в чем еще вы видите труд-

ность.

— Именно что не представляете. Но к чему предполагать самое худшее? Возможно, вас пошлют не в Лох-Лэгган, а в совершенно другое место. Однако я забегаю вперед. Главное, чтобы вы с Отчаянным как можно скорее попали в Англию на обучение. Как только вы окажетесь там, Воздушный штаб уж как-нибудь разберется, что с вами делать.

— Но как же мы доберемся до Англии, если в пути негде даже остановиться? Это больше тысячи миль, а он пока перелетал только с одного конца острова на другой.

— Около двух тысяч, и мы, разумеется, не стали бы подвергать Отчаянного подобному риску. Из Новой Шотландии идет транспорт; третьего дня мы получили оттуда пару новых драконов и поэтому довольно хорошо знаем его местоположение. До него, по моим расчетам, меньше ста миль. Мы вас проводим. Если Отчаянный устанет, Летификат поддержит его и даст ему отдохнуть.

Лоуренс отнесся к плану Портленда одобрительно, но сам разговор наделил его гнетущим чувством собственного невежества. Без авиатора, развеявшего его страхи, он не сумел бы спланировать перелет даже в самых общих чертах. Сто

миль — тоже приличное расстояние, занимающее по времени больше трех часов, но тут хотя бы есть уверенность, что они справятся. Накануне они трижды облетели весь остров, навестив сэра Эдварда, и Отчаянный как будто ничуть не устал.

— Когда же вы располагаете вылететь? — спросил Лоуренс.

— Чем раньше, тем лучше, поскольку транспорт от нас удаляется. Можете собраться за полчаса?

— Пожалуй, — опешил Лоуренс, — но почти весь мой багаж понадобится переслать на борт «Надежного».

— Зачем? Ваши вещи понесет Летти, а Отчаянный полетит налегке.

— Но у меня ведь ничего не уложено. Я привык дожидаться прилива — теперь, похоже, придется отвыкать и поворачиваться гораздо быстрее.

Портленд, войдя в дом через двадцать минут, удивленно окинул взглядом морской сундучок, заполненный едва ли наполовину.

— Что-то не так? — спросил Лоуренс, укладывая сверху пару одеял. По его мнению, размеры и вес сундука не должны были причинить Летификат особого неудобства.

— Неудивительно, что вам требуется столько

времени. Вы всегда так старательно укладываетесь? Предлагаю запихать остальные вещи в мешки, и мы приторочим их к сбруе.

Лоуренс проглотил ответ, навернувшийся ему на язык. Теперь ему стало ясно, почему все без исключения авиаторы ходят такими помятыми — раньше он приписывал это каким-то изощренным летным приемам.

— Нет, благодарю вас. Все остальное Фернау отошлет на корабль. Я вполне обойдусь тем, что здесь. — Лоуренс затянул поверх одеял ремни и запер сундук. — Готово, теперь я к вашим услугам.

Нести сундук Портленд поручил двум своим мичманам. Лоуренс впервые видел воздушный экипаж в полном составе. Он и Отчаянный с большим интересом наблюдали, как грузят Летификат. Она стояла терпеливо, а крыльманы сновали вверх-вниз по ее бокам, висли под брюхом, взбирались на спину. Сверху и снизу к ней прикрепили два сооружения наподобие маленьких скособоченных палаток с большим количеством гибких металлических полос. Холщовые передние полотнища, видимо, должны были оказывать наименьшее сопротивление ветру, боковые и задние представляли собой

обыкновенную сеть.

Всем крыльманам на вид не было и двенадцати лет; мичманы, как и на флоте, выглядели немного постарше. Четверо из них притащили к самой морде Летификат тяжелую, оплетенную кожей цепь. Драконица сама подняла ее, набросила себе на холку перед палаткой, и прапорщики быстро закрепили ее с помощью пряжек.

К этому стропу внизу подвесили что-то вроде сплетенного из цепей гамака, куда закинули сундук Лоуренса вместе с другими мешками и свертками. Моряк только глазами захлопал при виде столь бесцеремонного обращения с багажом. Хорошо еще, что он уложился так тщательно: теперь сундук может трястись и переворачиваться сколько угодно, все равно ничего не помнется.

Наложив сверху шерстяную, крытую кожей подушку в руку толщиной, мальчики пристегнули края гамака к сбруе как можно шире, чтобы ровнее распределить вес. Все это показалось Лоуренсу весьма примитивным, и он решил, что со временем придумает для Отчаянного что-нибудь поизящнее.

Преимущество этой процедуры перед морскими работами состояло, однако, в быстроте: всего через пятнадцать минут зрители увидели перед

собой дракона в полной служебной оснастке. Летификат поднялась на задние лапы, развернула крылья, сделала с полдюжины взмахов. Крепкий ветер, так и пронизывавший Лоуренса, не оказал никакого заметного действия на багаж.

— Все уложено как надо, — объявила Летификат и хлопнулась на четыре лапы так, что земля содрогнулась.

— Наблюдатели по местам, — скомандовал Портленд. Четверо крыльманов, пристегнувшись к сбруе, расположились у плеч и бедер драконицы. — Верховые и низовые. — Четыре мичмана забрались в верхнюю палатку, четыре — в нижнюю. Лоуренс подивился вместительности этих шатров: маленькими они казались лишь по сравнению с самой Летификат.

Следом погрузились двенадцать стрелков, которые тут же принялись заряжать свои ружья. Заметив среди них Дейса, о котором в суете совсем позабыл, Лоуренс нахмурился. Дейс так перед ним и не извинился, а теперь они, по всей вероятности, долго не увидятся. Пожалуй, это и к лучшему: после рассказа Отчаянного Лоуренс не был уверен, что примет извинения лейтенанта. На дуэль его тоже вызвать нельзя, так что положение, мягко говоря, складывается неловкое.

Портленд обошел Летификат кругом, прошел у нее под брюхом.

— Наземная команда на борт. — Оставшиеся пристегнулись к подбрюшной сбруе, и лишь после этого Летификат подняла наверх самого Портленда. Он проинспектировал ее спину, передвигаясь по сбруе не менее ловко, чем любой из его крыльманов, и занял командирское место у основания шеи. — Думаю, мы готовы. Капитан Лоуренс?

Лоуренс, захваченный подготовкой к взлету, так до сих пор и стоял на земле. Но Отчаянный, подражая Летификат, сам водрузил его на себя.

— Спасибо, — пристегиваясь, с тайной усмешкой сказал ему Лоуренс. Портленд, правда нехотя, признал импровизированную сбрую Отчаянного годной для перелета. — Готовы, сэр.

— Тогда взлетайте. Меньший по размеру поднимается первым. В воздухе мы выдвинемся вперед.

Лоуренс кивнул. Отчаянный одним прыжком оторвался от земли, и она стала быстро удаляться.

Воздушный штаб помещался за городом, юго-восточнее Четема — достаточно близко от Лондона, чтобы ежедневно совещаться с Адмиралтейством

и Главным штабом, а от Дувра лететь всего час. Внизу словно шахматная доска разворачивались холмистые зеленые поля, так хорошо знакомые Лоуренсу, лондонские шпили смутно лиловели на горизонте.

Депеши с извещением о прибытии намного опередили Лоуренса, но в штаб его вызвали только на следующее утро и продержали в приемной адмирала Повиса почти два часа. Войдя наконец в кабинет, он с невольным любопытством взглянул на обоих адмиралов — Повиса и сидевшего справа Боудена. Он слышал в приемной, как они спорили, хотя и не разбирал слов. Боуден до сих пор сидел насупленный и весь красный.

— Входите, капитан Лоуренс, — махнул толстопалой рукой Повис. — Отчаянный просто великолепен. Утром я наблюдал, как он ест, — на мой взгляд, в нем уже не меньше девяти тонн. Похвально, похвально. Принимая во внимание, что первые две недели и во время транспортировки вы кормили его исключительно рыбой, результат превосходен. Надо будет внести поправки в рекомендованный рацион.

— Все это не имеет отношения к делу, — нетерпеливо вмешался Боуден.

Повис нахмурился и продолжил с несколько

излишней горячностью:

— Во всяком случае, он вполне созрел для обучения, да и вас следует подтянуть. Мы, разумеется, сохраним за вами капитанское звание, но поработать вам придется с большим усердием. Десять лет тренировки за день не наверстаешь.

— Мы с Отчаянным оба к вашим услугам, сэр. — Лоуренс поклонился, но сдержанно: он видел, что адмиралы, как и Портленд, питают какие-то непонятные сомнения относительно его ученичества. За две недели, проведенные на транспортном судне, Лоуренс нашел этому предрассудку объяснение, хотя и малоприятное. Семилетний мальчик, взятый из дому, когда его характер еще полностью не сформировался, способен выдержать то, что ни одному взрослому не под силу и что авиаторы, сами через это прошедшие, полагают необходимым. Ничем другим их уклончивые высказывания на сей счет объяснить он не мог.

— Итак, мы вас отправляем в Лох-Лэгган, — сказал Повис, и Лоуренс окончательно пал духом: как раз это название порождало у Портленда столь сильное беспокойство. — Это, безусловно, для вас будет лучше всего. Вас обоих нужно подготовить без промедления, и я не удивлюсь, если

Отчаянный к концу лета уже наберет нужный боевой вес.

— Прошу прощения, сэр, но я впервые слышу об этом месте. Кажется, это в Шотландии? — Лоуренс надеялся вытянуть из Повиса хоть какие-то сведения.

— Да, в графстве Инвернесс. Один из крупнейших наших запасников — лучший, бесспорно, для ускоренного обучения. Лейтенант Грин покажет вам, как туда лететь и где можно переночевать по дороге. Уверен, что путешествие вам никаких хлопот не доставит.

Лоуренс понял, что его отпускают и что никаких вопросов задавать больше не следует, но одну вещь он должен был выяснить.

— Я непременно поговорю с лейтенантом, сэр, — но если у вас нет возражений, заночевать я хотел бы в нашем поместье, в Ноттингемпшире; там достаточно места для Отчаянного, и есть олени, чтобы его покормить. — Родители в это время года должны быть в Лондоне, но Гелмены часто остаются в деревне на весь сезон, и ему, возможно, удастся хотя бы ненадолго повидать Эдит.

— Конечно-конечно, — ответил Повис. — Сожалею, что не могу вам дать более длинного отпуска. Вы его вполне заслужили, но времени

терять не приходится. Одна-единственная неделя может иметь решающее значение.

— Благодарю вас, сэр. Я прекрасно все понимаю, — сказал Лоуренс и откланялся.

Получив от лейтенанта Грина подробнейшую карту с маршрутом, Лоуренс сразу же стал собираться в путь. В Дувре он закупил целую коллекцию шляпных картонок, полагая, что с ними Отчаянному будет легче лететь, и теперь переложил в них свои пожитки. Он боялся, что картонки сделают дракона смешным — но увидев, что под животом они почти незаметны, даже несколько возгордился.

Отчаянный, по примеру Летификат на Мадейре, встал на дыбы и удостоверился, что багаж хорошо подвешен.

— Очень удобно, я совсем их не чувствую, — заверил он. — Может, достанем палатку, чтобы и тебе было удобней лететь?

— Я понятия не имею, как ее ставить, — улыбнулся Лоуренс. — Ничего, мне ведь выдали кожаное пальто — теперь не замерзну.

— Ваша сбруя для палатки все равно не годится — тут нужны специальные защелки. Итак, вы готовы, Лоуренс? — Боуден, неожиданно подошедший к ним, нагнулся и осмотрел картон-

ки. — Я вижу, вы ради своего удобства намерены поставить с ног на голову все наши установившиеся традиции.

— Надеюсь, что нет, сэр. — Лоуренс не позволил себе возмутиться. Незачем настраивать против себя одного из командующих Корпусом, чей голос может пригодиться при назначении Отчаянного на службу. — Но мой морской сундук ему неловко нести, а это самое лучшее, что я сумел достать за отпущенное мне время.

— Ладно, сойдет, — бросил Боуден. — Хочу надеяться, что от других флотских привычек вы откажетесь с той же легкостью, что и от сундука. Помните, Лоуренс, вы теперь авиатор.

— Я стал им по собственной воле, сэр, но не уверен, что так легко позабуду привычки и взгляды, которые складывались всю мою жизнь. Даже при всей моей готовности это едва ли будет возможно.

Боуден, к счастью, не рассердился.

— Вы правы, но вот что я хочу вам сказать: вы весьма меня обяжете, если не станете обсуждать с посторонними какие бы то ни было стороны вашего обучения. Его Величество предоставил нам действовать так, как мы считаем наилучшим для исполнения своего долга, и чужие мнения нас не

интересуют. Достаточно ли ясно я выразился?

— Как нельзя более, — мрачно проронил Лоуренс. Приказ адмирала подкрепил наихудшие его опасения, но поскольку в открытую никто не высказывался, то и возразить было нечего. Взбешенный, он предпринял еще одну попытку добиться правды. — Если бы вы любезно сообщили мне, сэр, почему именно Шотландский запасник лучше всего подходит для моего обучения, я был бы вам благодарен и знал бы, чего ожидать.

— Раз вам приказано отправляться туда, значит, это место и есть для вас самое подходящее, — отрезал Боуден, но затем немного смягчился: — Лэгганский тренер славится тем, что обрабатывает неопытных опекунов быстрее всех остальных.

— Неопытных? — удивился Лоуренс. — Я думал, что в авиаторы берут семилетних мальчиков. Не хотите же вы сказать, что некоторые из них в этом возрасте уже умеют руководить драконами?

— Нет, разумеется. Но вы не первый опекун, приходящий со стороны без мало-мальски удовлетворительной подготовки. Новорожденные детеныши часто бывают капризны, и нам приходится брать то, что есть. Этих драконов не

поймешь, — засмеялся вдруг Боуден, — иной возьмет и привяжется к моряку. — Он хлопнул Отчаянного по боку и ушел так же быстро, как появился, не попрощавшись. Настроение у него при этом заметно улучшилось, чего нельзя было сказать о Лоуренсе.

Перелет в Ноттингемпшир занял несколько часов, и Лоуренс на досуге не мог не думать о том, что ожидало его в Шотландии. Намеки Боудена, Повиса и Портленда мало что прояснили. Чего они все так боялись? И что он будет делать, если ситуация окажется невыносимой? Он просто не представлял себе всего этого.

На флотской службе с ним произошел только один по-настоящему неприятный случай. Его, свежеиспеченного семнадцатилетнего лейтенанта, назначили на «Дозорный» к пожилому капитану Барстоу, реликту старого флота. Там от офицеров не требовалось быть к тому же и джентльменами. Сам Барстоу был незаконным купеческим сыном, и достаток его отца, как и нрав его матери, оставляли желать много лучшего. Он еще мальчиком ходил на отцовских кораблях и поступил на военную службу простым матросом. Проявленное в боях мужество и способности к математике помогли ему стать

сначала мичманом, затем лейтенантом, а после, по счастливой случайности, и капитаном — но его манеры остались прежними.

Хуже того, Барстоу хорошо сознавал недостатки своего воспитания и вымещал зло на тех, кто, по его мнению, давал ему это почувствовать. Таких людей он всегда определял безошибочно. Многие офицеры заглядывали ему в глаза и вели себя подобострастно, но в непринужденной учтивости Лоуренса он усмотрел намеренное оскорбление и стал над ним измываться. Неизвестно, остался бы лейтенант в живых, если бы капитан сам через три месяца не умер от воспаления легких. Лоуренс стоял по две и по три вахты подряд, сидел на сухарях и воде, а в его батарейную команду собрали самых отпетых и неумелых парней.

Вспоминая об этом, он до сих пор испытывал инстинктивный ужас. Он не выдержал бы, снова оказавшись под началом у подобного человека, а зловещие слова Боудена о случайных, навязанных Корпусу авиаторах вселяли мысли о наставниках именно такого пошиба. Ему, конечно, уже далеко не семнадцать, и положение у него не столь зависимое, но теперь он вынужден думать об Отчаянном и об их общем долге.

Лоуренс невольно натянул повод, и Отчаянный

повернул голову.

— Что с тобой, Лоуренс? Ты все время молчишь.

— Извини, я просто задумался. — Лоуренс похлопал его по шее. — Ты как, не устал еще? Может быть, передохнем?

— Я не устал, но ты что-то утаиваешь. Я чувствую, что тебе плохо. Ты не хочешь учиться в той школе, куда мы летим? Или скучаешь по своему кораблю?

— Вижу, от тебя уже ничего не скроешь, — вздохнул Лоуренс. — Нет, я нисколько не скучаю по кораблю, а вот школа, признаться, немного меня беспокоит. Повис и Боуден вели себя странно, и я не знаю, как нас встретят в Шотландии и как нам это понравится.

— Но можно ведь просто улететь, если нам что-то покажется неприятным?

— Вряд ли. Мы с тобой не свободны в своих поступках. Я офицер на королевской службе, ты королевский дракон. Мы не вправе делать все, что нам вздумается.

— Я короля никогда не видел и ему не принадлежу. Я не какая-нибудь овца. Если я и принадлежу кому-то, так только тебе, как и ты мне. Я не останусь в Шотландии, если тебе будет плохо там.

— Милый ты мой! — Отчаянный уже не впервые выказывал опасную склонность к вольнодумству, которая обещала только усилиться по мере его взросления, когда он будет не так много спать. Лоуренс, никогда особенно не увлекавшийся политикой и всяческой философией, затруднялся объяснить дракону то, что ему самому казалось естественным и очевидным. — Мы не собственность короля, но должны верно ему служить. Кроме того, нам трудновато будет тебя прокормить без казенных дотаций.

— Коровы, конечно, вкусные, но я могу есть и рыбу. Достанем большой корабль, вроде транспортного, и уйдем на нем в море.

— Прикажешь мне пиратствовать в Вест-Индии и добывать для тебя испанское золото? — засмеялся Лоуренс.

— А здорово было бы, разве нет? — загорелся Отчаянный.

— Мы слишком поздно родились для таких дел. Настоящих пиратов больше не существует. Последних испанцы выкурили с Тортуги еще в прошлом веке. Осталось лишь несколько вольных кораблей и немного драконов, да и тех того и гляди истребят. Притом тебе не понравилось бы сражаться ради одной наживы. Совсем другое

дело выполнять свой долг перед королем и своей страной, зная, что ты защищаешь Англию.

— Разве она нуждается в защите? — Отчаянный посмотрел вниз. — По-моему, здесь все спокойно.

— Да, потому что об этом заботятся флот и авиация. Если мы не будем ничего делать, французы сразу переправятся через Английский канал. Они там, на востоке, не так уж и далеко. Бонапарт держит для этой цели стотысячное войско, которое только и ждет удобного случая. Вот почему мы должны выполнять свой долг. Если бы матросы «Надежного» делали что им вздумается, корабль не вышел бы в море.

Отчаянный призадумался. Рокот, который он издавал при этом, пронизывал Лоуренса насквозь. Он перестал на время работать крыльями и заскользил вниз, но потом опять набрал высоту — совсем как человек, задумчиво расхаживающий по комнате.

— Знаешь что, Лоуренс? — сказал он, снова повернув голову к седоку. — Если мы непременно должны лететь в Лох-Лэгган, не стоит сейчас ничего решать. Мы ведь не знаем, что у них там плохого, поэтому все равно ничего не придумаем. Ты не беспокойся пока. Вот прилетим, тогда будет видно.

— Превосходный совет, голубчик. Я постараюсь, но не уверен, что смогу: мне трудно не думать об этом.

— А ты мне расскажи опять про Армаду. Расскажи, как сэр Фрэнсис Дрейк и Конфлаграция разбили испанский флот.

— Как, еще раз? Я начинаю сомневаться, такая ли уж у тебя хорошая память.

— Я прекрасно все помню, — с достоинством ответил дракон, — просто хочу послушать, как ты рассказываешь.

Поскольку слушатель то и дело просил рассказчика повторить самое интересное и задавал ему такие вопросы, на которые даже историк бы не ответил, у Лоуренса попросту не осталось времени для волнений. Когда они наконец снизились над Воллатон-холлом, уже смеркалось, и во всех окнах горели огни.

Отчаянный сделал над домом несколько кругов из чистого любопытства, и Лоуренс понял, что хозяева, вопреки ожиданиям, не уехали в Лондон — но искать другое пристанище для дракона было поздно.

— Отчаянный, там за амбарами должен быть пустой лошадиный манеж — видишь его?

— Да, там изгородь. Туда и садиться?

— Будь так добр. Боюсь, что тебе придется там и заночевать — лошади взбесятся, если ты подойдешь близко к конюшне.

Отчаянный приземлился, а Лоуренс слез и погладил его теплый нос.

— Я раздобуду тебе еды, как только поговорю с родителями — если они действительно дома, — но это займет какое-то время.

— Вечером мне еда не понадобится. Я плотно поел на дорогу и хочу спать, а утром съем пару оленей. — Отчаянный улегся, обернув хвост вокруг ног. — Ты ложись в доме.

Здесь холоднее, чем на Мадейре, как бы ты у меня не простыл.

— Подумать только: шесть недель от роду, а заботлив, как нянька! — Лоуренсу самому не верилось, что Отчаянный так еще мал. Дракон уже из яйца вышел сведущим во многих вещах и с тех пор так жадно впитывал все новое, что пробелы в его познаниях заполнялись с поразительной быстротой. Вместо существа, за которое ты поневоле несешь ответственность, он становился для Лоуренса задушевным другом, одним из тех близких, от которых зависит вся твоя жизнь. Глядя на засыпающего дракона, он меньше боялся предстоящих учебных тягот, а достопамятный

Барстоу преобразился в нестрашное детское пугало. Нет такой угрозы, которую они не преодолели бы вместе.

Вот только с родными придется встретиться самому. Идя от конюшни к дому, он убедился в правильности первого впечатления: гостиная ярко светилась, во многих спальнях горели свечи. В доме, видимо, были гости, несмотря на сезон.

Лоуренс послал лакея доложить отцу о своем прибытии и поднялся по задней лестнице к себе в комнату, чтобы переодеться. Он с удовольствием принял бы ванну, но учтивость требовала сойти вниз немедленно — иначе семья могла бы счесть, что он прячется. Он лишь ополоснул лицо и руки в тазу. Одевшись и став перед зеркалом, он самому себе показался странным в бутылочно-зеленом мундире Воздушного Корпуса с золотыми полосками вместо эполет на плечах. Новое обмундирование он приобрел в Дувре; шили его для кого-то другого и подгоняли на Лоуренса второпях, но сидело оно неплохо.

В гостиной, помимо родителей, собралось больше дюжины человек. Когда он вошел, все умолкли, но тут же снова заговорили вполголоса и потянулись следом за ним. Мать вышла ему навстречу с радостным, но несколько застывшим

лицом, и он, наклонясь поцеловать ее в щеку, почувствовал ее беспокойство.

— Сожалею, что свалился на вас так неожиданно, — сказал он. — Думал, что дома никого нет. Я только на одну ночь — утром отправляюсь в Шотландию.

— Очень жаль, дорогой, но мы всегда тебе рады, даже если ты ненадолго. Ты знаком с мисс Монтегю?

Родительских друзей, приехавших издалека, он знал не очень хорошо — но соседи, как он и подозревал, тоже присутствовали, в том числе и Эдит со своими родителями. Лоуренс не знал, радоваться или огорчаться. С одной стороны, без этой случайности они еще долго могли не увидеться, с другой — он нервничал от взглядов, которые украдкой бросали на него все собравшиеся, и был совершенно не готов встретиться с ней вот так, на людях.

Лицо Эдит, когда он склонился к ее руке, не выдавало никаких чувств. Она как всегда превосходно владела собой — даже если весть о его приезде взволновала ее, с тех пор она успела взять себя в руки.

— Очень рада вас видеть, Уилл, — сказала она в своей спокойной манере. Лоуренс не расслышал

особого тепла в ее голосе, но все-таки счел, что она на него не сердится и не слишком огорчена.

К несчастью, ему пока не представилось случая поговорить с ней наедине. Она беседовала с Бертрамом Уолви и, поздоровавшись с Лоуренсом, согласно правилам хорошего тона тут же вернулась к своему собеседнику. Уолви, вежливо кивнув, даже не подумал уступить свое место приезжему. Они оба принадлежали к одному кругу, но Бертраму в отличие от Лоуренса не нужно было заботиться о профессии и карьере. Будучи наследником своего отца и не питая интереса к политике, он занимался охотой у себя в поместье или крупной игрой в городе. Лоуренс находил его скучным собеседником, и они так и не стали друзьями.

Сейчас, во всяком случае, он должен был засвидетельствовать свое почтение всем прочим гостям. Лоуренс с трудом сохранял хладнокровие, встречая любопытствующие взгляды, и жалость, сквозившая в некоторых из них, ранила его чуть ли не больше, чем осуждение большинства. Наихудший момент он пережил у стола, за которым его отец играл в вист. Лорд Эллендейл окинул тяжелым взглядом его новый мундир и не сказал сыну ни слова.

Среди картежников воцарилось молчание, крайне неловкое. Лоуренса спасла мать, попросив его сесть четвертым за другой стол. Он с благодарностью подчинился и ушел в игру целиком. Его партнерами были лорд Гелмен и еще двое пожилых джентльменов, друзья и политические сторонники отца. Заядлые игроки, они не приставали к Лоуренсу с разговорами, ограничиваясь самыми необходимыми учтивыми репликами.

Лоуренс, не в силах удержаться, то и дело смотрел на Эдит, но не слышал, что она говорит. Уолви завладел ею единолично, и Лоуренсу неприятно было видеть, как интимно он наклоняется к ней. Мягкое замечание лорда Гелмена вернуло его к игре. Он извинился, смущенный, и стал смотреть в карты.

— Направляетесь в Лох-Лэгган, я полагаю? — спросил адмирал Маккиннон, давая ему время освоиться. — Мальчиком я жил там поблизости, а мой друг жил близ деревни Лэгган. Мы любили наблюдать за полетами.

— Да, сэр, мы будем учиться там, — сказал Лоуренс и сделал свой ход.

Виконт Хейл слева от него продолжил игру, лорд Гелмен положил себе взятку.

— Странные они люди. Половина деревни хо-

дит работать наверх, в запасник, но авиаторы в деревню спускаются только изредка — в паб, к девицам. С этим у них по крайней мере проще, чем в море, ха-ха! — Маккиннон, позволив себе столь вольную шутку, спохватился и смущенно оглянулся через плечо — не слышали ли его дамы. Больше он на эту тему не заговаривал.

Уолви пошел ужинать в паре с Эдит. Лоуренсу, на которого хозяева не рассчитывали, пришлось сесть на дальнем конце. Оттуда он мог следить за их разговором и страдал, не имея возможности в нем участвовать. Мисс Монтегю, сидевшая слева от него, была хорошенькой девушкой, но дулась и вела себя с ним почти грубо, посвящая все свое внимание другому соседу. Лоуренс знал этого джентльмена только по имени — он имел репутацию азартного игрока.

Такое обращение явилось для него новым и неприятным переживанием. Он понимал, что завидным женихом отныне считаться не будет — но то, что он расценивался ниже напыщенного повесы с красными пятнами на щеках, особенно его поразило. Виконт Хейл, сидевший от него справа, занимался только едой, и Лоуренс ужинал почти в полном молчании.

Тем неприятнее ему было слышать, как Уолви

без особого знания предмета разглагольствует о войне и о готовности Англии к вражескому вторжению. Ополчение, заявлял он с комическим энтузиазмом, преподаст Бонапарту хороший урок, если тот осмелится высадиться. Лоуренс опустил взгляд в тарелку чтобы не выдать себя. Не глупо ли полагать, что ополчение справится с Наполеоном, властителем всего континента, имеющим в своем распоряжении сто тысяч солдат? Главный штаб, конечно, поощряет подобные мнения в целях сохранения морального духа, но видеть, как одобрительно Эдит слушает эти бредовые речи, попросту отвратительно.

Неужели она намеренно от него отворачивается? Во всяком случае, она ни разу не попыталась встретиться с ним глазами. Лоуренс смотрел в тарелку, ел машинально и поневоле молчал, что было совсем на него не похоже. Ужин тянулся бесконечно, но отец, к счастью, поднялся очень скоро после ухода дам. Лоуренс извинился перед матерью, сославшись на предстоящее путешествие, и тут же сбежал.

Когда он уже поднялся к себе, примчался запыхавшийся слуга с сообщением, что отец ожидает его в библиотеке. Лоуренс хотел было отговориться под каким-нибудь веским предлогом, однако

решил, что не стоит откладывать неизбежное. Тут же спустившись обратно, он задержался перед дверью библиотеки, но проходившая мимо горничная помешала ему разыгрывать труса, и он вошел.

— Что это тебе вздумалось являться сюда? — без околичностей начал лорд Эллендейл, как только за сыном закрылась дверь. — Право, не понимаю. Что ты, собственно, хотел этим сказать?

Лоуренс остолбенел, но ответил спокойно:

— Я всего лишь хотел отдохнуть по пути к месту своего нового назначения. Я не знал, что вы дома, сэр, и что у вас гости. Сожалею, что ворвался к вам таким образом.

— Вот как? Ты думал, мы останемся в Лондоне после того, как по твоей милости сделались притчей во языцех? Хорошая вещь твое новое назначение. — Презрительный взгляд отца вновь скользнул по мундиру авиатора, и Лоуренс почувствовал себя чумазым мальчишкой, приведенным пред отцовские очи прямо из сада, где он играл. — Я не дам себе труда тебя упрекать. Ты прекрасно знаешь, что я обо всем этом думаю, и мое мнение тебе безразлично. Что ж, прекрасно. Вы весьма обяжете меня, сэр, не бывая более в этом доме и в нашей лондонской резиденции

— если, конечно, ваши новые обязанности скотника позволят вам отлучиться.

Лоуренса обдало холодом. Он ощутил вдруг огромную усталость и лишился всякой охоты спорить. Слыша свой голос как будто издалека, он произнес без всяких эмоций:

— Хорошо, сэр, я уеду немедленно. — Придется Отчаянному поспать на общественном выгоне, где он распугает все деревенское стадо. Утром, если получится, надо будет купить дракону овцу из собственного кармана — а нет, так отправляться в путь натощак.

— Не мели вздор, — сказал лорд Эллендейл. — Я не лишаю тебя наследства, хотя ты этого сполна заслужил, и не желаю разыгрывать здесь мелодраму всем на потеху. Ты переночуешь здесь и отправишься утром, как объявил недавно во всеуслышание. Больше нам, думаю, говорить не о чем. Можешь идти.

Лоуренс взбежал наверх со всей доступной ему быстротой и закрылся в своей комнате. Итак, самое тяжелое позади. Раньше он хотел попросить, чтобы ему сделали ванну, но сейчас чувствовал себя неспособным говорить даже с горничной или с лакеем. Лучше он побудет один, в тишине и покое. Утешительно думать, что они улетят рано

утром и ему не придется выдерживать еще одну многолюдную трапезу или говорить с отцом, который даже в деревне редко встает раньше одиннадцати.

Постояв немного перед кроватью, Лоуренс внезапно достал из шкафа старый сюртук с панталонами, переоделся и вышел. На конюшне он прихватил одеяло. Отчаянный, не просыпаясь, приоткрыл один глаз и поднял крыло. Лоуренс улегся на его переднюю лапу, ощущая тепло и уют всем своим существом.

— Все ли у тебя хорошо? — Отчаянный бережно прикрыл его другой лапой, прижал покрепче к груди и приподнял крылья, готовясь их развернуть. — Ты чем-то расстроен. Не улететь ли нам прямо сейчас?

Лоуренс преодолел искушение. Им обоим будет лучше, если они как следует выспятся и позавтракают. В любом случае он не намерен убегать потихоньку, как будто стыдится чего-то.

— Нет-нет. — Лоуренс приласкал Отчаянного, и тот снова опустил крылья. — Этого не нужно, поверь мне. Просто у меня был разговор с отцом. — Он замолчал, не желая ворошить в памяти холодное равнодушие лорда Эллендейла, и плечи его поникли.

— Он рассердился на то, что мы прилетели?

Участливый, все понимающий голос приободрил Лоуренса, и он высказался откровенней, чем собирался:

— Это старая история. Он хотел, чтобы я стал священником, как мой брат. Флотскую службу он никогда не считал почтенным занятием.

— Значит, авиация для него еще хуже. — Проницательность Отчаянного становилась прямо-таки чрезмерной. — Ты поэтому не хотел уходить из флота?

— Да, воздушные силы он, наверное, презирает еще сильнее, но я его мнения не разделяю. Хорошее в авиации с избытком возмещает плохое. — Лоуренс погладил дракона по носу, и тот любовно потерся о его руку. — Мой выбор с самого начала его не устраивал. Я сбежал из дому еще мальчишкой, и только тогда он позволил мне уйти в море. Я не могу подчиняться его воле, потому что смотрю на свой долг иначе, чем он.

Отчаянный фыркнул, выпустив в прохладный ночной воздух облачко пара.

— Он тебе не разрешает спать в доме, да?

— Нет, он разрешил. — Собственная слабость, побудившая его искать утешения у дракона, немного смущала Лоуренса. — Мне просто не

хотелось спать одному, вот я и пришел.

Отчаянный не усмотрел в этом ничего странного.

— Главное, чтобы ты не замерз. — Он устроился поудобнее и выдвинул крылья вперед, заслонившись от ветра.

— Мне тепло и очень удобно. Не волнуйся, пожалуйста. — Лоуренс вытянулся на твердой широкой лапе, укрылся одеялом. — Доброй ночи, голубчик.

Болезненная, изматывающая усталость последнего часа сменилась здоровой сонливостью.

Урчание в драконьем желудке разбудило их обоих еще до рассвета.

— Ох, как есть хочется. — Отчаянный, мигом стряхнув с себя сон, пожирал глазами оленей, сбившихся у стены парка.

— Ты ешь, а я тоже пойду позавтракаю. — Лоуренс слез со своего ложа, погладил напоследок дракона и зашагал к дому. Было бы крайне нежелательно попасться кому-нибудь на глаза в таком виде, но гости в столь ранний час, конечно, еще не вставали, и ему удалось пробраться в спальню без дальнейшего ущерба для своей репутации.

Пока слуга укладывал заново его скудный багаж, Лоуренс наскоро умылся и переоделся в

летную форму. Как только позволило время, он сошел вниз. Горничные еще выставляли на буфет блюда для первого завтрака, кофейник только что подали. Лоуренс надеялся, что никого из гостей не встретит, но Эдит, к его удивлению, уже сидела за столом. Она никогда не поднималась так рано.

Она сидела, наружно спокойная, безупречно одетая, с гладко стянутыми в узел золотистыми волосами. Только руки, сжатые на коленях, выдавали ее. Она не взяла ничего из еды, даже чашка с чаем так и стояла нетронутая.

— Доброе утро, — сказала она с деланным оживлением, поглядывая на слуг. — Налить вам кофе?

— Благодарю вас. — Произнеся этот единственно возможный ответ, он сел рядом с ней. Она налила чашку, положила туда пол-ложки сахара и пол-ложки сливок, точно как он любил. Они ни к чему не прикоснулись и не сказали больше ни слова, пока слуги, закончив приготовления, не вышли из комнаты.

— Я надеялась, что найду случай поговорить с вами перед вашим отъездом, — заговорила она тогда, наконец взглянув на него. — Мне так жаль, Уилл. Другого выбора у вас, вероятно, не было?

Он не сразу понял, что она говорит о его добровольном опекунстве; если не считать беспо-

койства по поводу обучения, он уже перестал смотреть на свое новое положение как на что-то дурное.

— Нет. Я хорошо понимал, в чем состоит мой долг, — ответил он кратко. Критику со стороны отца он вынужден был стерпеть, но ни от кого другого ее бы не принял.

Эдит только кивнула.

— Я сразу поняла, что так все и было, как только услышала. — Ее руки разжались и лежали теперь спокойно.

— Мои чувства в отличие от моих обстоятельств не изменились, — сказал он, поняв, что больше она ничего не скажет. Видя ее холодность, он полагал, что уже получил ответ, но продолжал говорить, чтобы она впоследствии не могла упрекнуть его в неверности своему обещанию. Разорвать их негласную помолвку он предоставил ей. — Если вы не можете того же сказать о себе, одно лишь ваше слово заставит меня умолкнуть. — Говоря это, он испытал приступ негодования, и его голос зазвучал непривычно резко. Странная манера делать предложение девушке.

— Я не желаю этого слышать! — воскликнула она. В нем опять зародилась надежда, но

оказалось, что это только начало. — Разве я когда-нибудь была расчетливой, разве хоть словом попрекнула вас за избранный вами путь при всех его опасностях и лишениях? Став священником, вы зажили бы в свое удовольствие. У нас с вами уже был бы свой дом, были бы дети, и я не боялась бы за вас, когда вы уходите в море.

Она говорила очень быстро, с новым для него жаром, и румянец пылал у нее на щеках. Он не мог не признать справедливости этих слов. Устыдившись своего гнева, он протянул ей руку, но она продолжала свою пылкую речь:

— Я не жаловалась, ведь верно? Я ждала, я была терпелива, но в будущем мне виделось нечто лучшее, чем уединенная жизнь вдали от родных и друзей, в которой вы сможете уделить мне очень мало внимания. Мои чувства остались такими же, как всегда, но я не настолько сумасбродна и сентиментальна, чтобы верить, будто можно преодолеть все препятствия и стать счастливыми, опираясь на одни только чувства.

Она наконец остановилась, и удрученный Лоуренс промолвил:

— Простите меня. — Каждое ее слово было справедливым укором ему, вообразившему, что именно с ним обошлись дурно. — Я сожалею,

что начал этот разговор, Эдит. Мне следовало бы просто извиниться за то, что я поставил вас в столь неловкое положение. — Он встал из-за стола и поклонился: больше он, разумеется, в ее обществе оставаться не мог. — Позвольте мне удалиться и от всей души пожелать вам счастья.

Эдит тоже поднялась.

— Нет, вы останетесь здесь и позавтракаете. Вам предстоит долгий путь, а я нисколько не голодна. — Она подала ему руку, и слабая улыбка затрепетала у нее на губах. Он думал, что за этим последует вежливое прощание — но если она и хотела проститься, то в последний миг переменила решение. — Прошу вас, не думайте обо мне плохо, — сказала она очень тихо и с великой поспешностью вышла.

Напрасно она беспокоилась: ни одна дурная мысль о ней не могла прийти ему в голову. Напротив, он чувствовал себя виноватым за то, что был так холоден с Эдит и не сумел выполнить свои перед ней обязательства. Когда они дали друг другу обещание, она была дочерью джентльмена с солидным приданым, а он — морским офицером, не имевшим ничего, кроме надежд на будущее. Теперь он собственными руками разрушил даже эти надежды и не мог отрицать, что расходится в

понимании своего долга с целым миром.

Эдит проявила похвальное благоразумие, не желая довольствоваться тем, что мог ей предложить авиатор. Нежная привязанность, которую Лоуренс чувствовал к Отчаянному, мало что оставляла на долю жены даже в редкие часы отпуска. Он поступил как эгоист, делая ей предложение, прося ее пожертвовать собственным счастьем ради его удобства.

Аппетит у него почти пропал, но он заставил себя поесть, чтобы не останавливаться в пути. В одиночестве он пробыл недолго: вскоре после ухода Эдит пришла мисс Монтегю в элегантнейшей амазонке, которая больше годилась для Лондона, чем для верховых прогулок в деревне, но хорошо показывала все достоинства ее фигуры. Она вошла с улыбкой, однако тут же нахмурилась, увидев, что Лоуренс здесь один, и села на дальнем конце стола. Немного времени спустя к ней присоединился Уолви, тоже одетый для верховой езды. Лоуренс едва кивнул им обоим и больше не обращал на них никакого внимания.

Когда он уже заканчивал завтракать, пришла его мать. Видно было, что одевалась она второпях, и морщинки вокруг глаз выдавали усталость. Она с тревогой смотрела на сына. Лоуренс улыбнулся,

стараясь ее приободрить, но не очень преуспел в этом: разговор с отцом и неприкрытое любопытство гостей наложили на него печать, которую ему не удавалось стереть.

— Мне уже пора; хотите, я вас познакомлю с Отчаянным? — спросил он, рассчитывая побыть с ней хоть немного наедине.

— С Отчаянным? — растерялась леди Эллендейл. — Уж не хочешь ли ты сказать, Уильям, что твой дракон здесь? Куда же ты его дел, во имя всего святого?

— Конечно, он здесь, как бы иначе я путешествовал? Я оставил его у конюшни, в старом манеже для жеребят. Теперь он, должно быть, уже поел — я предоставил ему распоряжаться оленями.

— О-о! — воскликнула мисс Монтегю, слышавшая их разговор — любопытство возобладало в ней над презрением к авиатору. — Я еще ни разу не видела дракона вблизи. Можно, мы тоже пойдем? Замечательно!

Отказать ей, при всем его желании, не было никакой возможности. Лоуренс позвонил, чтобы его багаж снесли вниз, и они вчетвером направились в сторону манежа. Отчаянный, присев на задние лапы, наблюдал, как постепенно тает

ночной туман. На фоне холодного серого неба он даже издали казался очень большим.

Лоуренс взял на конюшне ведро, тряпки и повел всю компанию дальше. Уолви и мисс Монтегю, к его удовольствию, шли теперь с гораздо меньшим энтузиазмом. Мать не хотела показывать, что напугана, и только чуть крепче опиралась на руку сына.

Отчаянный подставил Лоуренсу голову для умывания, с интересом глядя на незнакомых людей. Потом раскрыл пасть, чтобы Лоуренс смыл кровь из углов. На земле валялось несколько оленьих рогов.

— Я хотел выкупаться в пруду, но он слишком мелкий, и грязь набилась мне в нос, — виновато сказал дракон.

— Как, он умеет говорить! — удивилась мисс Монтегю, держась за руку Уолви. Оба они отступили назад при виде белых драконьих зубов: резцы у Отчаянного отросли больше кулака, и на них имелись зазубрины.

Отчаянный сначала опешил, но потом зрачки у него расширились, и он очень мирно ответил:

— Да, умею. Лоуренс, не хочет ли она сесть мне на спину и покататься?

Лоуренс поддался недостойному чувству зло-

радства.

— Пожалуйста, подойдите, мисс Монтегю. Я вижу, вы не из тех малодушных людей, которые боятся драконов.

— Нет-нет, — запротестовала она, отступая еще дальше. — Я и так уже злоупотребила временем мистера Уолви, ведь мы должны были ехать верхом. — Уолви пробормотал столь же натянутые извинения, и оба поспешно удалились.

Отчаянный с легким удивлением посмотрел им вслед.

— Они просто испугались. А сначала я подумал, что она вроде Волли. Не понимаю, чего тут бояться. На коров они не похожи, и я ведь уже поел.

Лоуренс, пряча мстительное торжество, подвел мать поближе.

— Его в самом деле не нужно бояться, — сказал он ей на ухо. — Отчаянный, это моя матушка, леди Эллендейл.

— Мать — это особый случай, ведь правда? — Отчаянный склонил голову, чтобы лучше ее рассмотреть. — Для меня большая честь с тобой познакомиться.

Лоуренс поднес ее руку к драконьей морде, и леди Эллендейл стала гладить черный носище — сначала робко, потом все уверенней.

— Мне тоже очень приятно. Подумать только, какая мягкая шкурка!

Дракон заурчал, ублаженный лаской и комплиментом, а к Лоуренсу вернулась изрядная доля хорошего настроения. Какое ему дело до всего мира! Для него достаточно одобрения тех, кто ему дороже всего, и сознания выполненного долга.

— Отчаянный — китайский империал, — сообщил он матери с нескрываемой гордостью. — Редчайшая порода; он один такой в целой Европе.

— В самом деле? Чудесно, мой дорогой; я слышала, что китайские драконы не такие, как все, — сказала леди Эллендейл, но ее глаза продолжали смотреть на сына с тревогой и каким-то немым вопросом.

— Поверьте, я считаю себя очень удачливым человеком, — сказал он, думая, что верно понял ее. — Когда у нас будет больше времени, мы вас покатаем. Это совершенно особенное ощущение, ни с чем не сравнимое.

— Ну что ты такое говоришь! — вознегодовала она, но Лоуренс видел, что она осталась довольна его ответом. — Ты прекрасно знаешь, что я даже на лошади не могу усидеть. Не представляю, что стало бы со мной на драконе.

— Ты будешь надежно пристегнута, как и я. От-

чаянный не конь и не сбросит тебя намеренно.

— Да, — подтвердил серьезно Отчаянный, — а если ты все-таки упадешь, я, наверно, сумею тебя поймать. — Это, возможно, звучало не очень утешительно, но намерения у него были добрые, и леди Эллендейл улыбнулась ему.

— Ты такой милый! Никогда бы не подумала, что драконы так хорошо воспитаны. Ты будешь хорошо заботиться об Уильяме, правда? Он всегда доставлял мне вдвое больше волнений, чем другие дети, и вечно попадает в какие-то неприятности.

Лоуренса несколько задел такой отзыв, и ответ дракона не слишком поправил дело:

— Я не позволю, чтобы с ним случилось что-то плохое, обещаю тебе.

— Ну, довольно, нам пора — иначе вы вдвоем, того и гляди, закутаете меня в вату и будете кормить кашкой. — Он чмокнул леди Эллендейл в щеку. — Пишите мне, матушка, в запасник Лох-Лэгган, в Шотландии. Мы там будем учиться. Отчаянный, поднимись, пожалуйста, — мне надо привесить обратно эту картонку.

— Может быть, ты достанешь «Морской трезубец» Дункана? — спросил Отчаянный, послушно становясь на дыбы. — Мы не дочитали про битву

Глориуса Первого — почему бы не продолжить в пути?

— Он читает тебе вслух? — изумилась леди Эллендейл.

— Да. Сам я, понимаешь ли, не могу удержать книгу, это для меня слишком мелкий предмет, и страницы мне трудно переворачивать.

— Ты не так ее понял: моя матушка удивлена тем, что я наконец сподобился открыть книгу, В детстве она всегда принуждала меня читать. — Лоуренс отыскал книгу в другой картонке. — Знали бы вы, каким синим чулком я теперь стал, матушка. Читаю и насытиться не могу. Все, Отчаянный, я готов.

Леди Эллендейл, смеясь, отошла к самой изгороди и долго смотрела им вслед, заслоняя рукой глаза. Она уменьшалась с каждым взмахом широких крыльев и вскоре скрылась за холмом вместе с парком, домом и башенками.

Глава пятая

Жемчужно-серые тучи, стоявшие в тот день над Лох-Лэгганом, отражались в черной озерной воде. Весна еще не настала, и песок под ледяной коркой на берегу хранил следы осенних приливов. Из леса пахло сосной и свежесрубленным деревом. Отчаянный придерживался усыпанной гравием дороги, которая вела от северного берега к запаснику.

Большие деревянные постройки, стоявшие по четырем сторонам ровной поляны у вершины горы, были открыты спереди и напоминали конюшни. Снаружи работали с металлом и кожей какие-то люди — скорее всего наземные механики, ответственные за снаряжение авиаторов. Никто даже глаз не поднял, когда тень дракона упала на них.

Главное здание походило на средневековую крепость. Толстые каменные стены с четырьмя незатейливыми башнями по углам ограждали громадный двор, а низкий массивный дом примыкал вплотную к горе и, казалось, вырастал из нее. Двор был заполнен почти целиком. Молодой медный регал, вдвое больше Отчаянного, спал,

растопырив крылья, на плитах, а двое коричнево-лиловых винчестеров, еще меньше Волатилуса, прикорнули у него на спине. Три жнеца средней величины лежали кучей в другом углу, мерно поводя желтыми, в белую полоску боками.

Лоуренс, спешившись, понял, почему они выбрали для сна именно это место: плиты были теплые, словно что-то грело их снизу. Отчаянный блаженно заурчал и сам растянулся на камне рядом с желтыми жнецами, как только Лоуренс его разгрузил.

Двое слуг вышли их встретить и забрали багаж. Лоуренса провели темными, затхлыми коридорами на зады дома, где оказался еще один двор, обрывавшийся прямо в глубокую заснеженную долину. Над ним строем словно стая птиц кружили еще пять драконов. Строй возглавлял длиннокрыл, легко узнаваемый по черно-белым волнистым узорам, окаймлявшим сумеречно-синие, с оранжевыми концами, невероятно большие крылья. В середине помещалась пара желтых, жнецов, левый фланг занимал бледно-зеленый бронзовик, правый — серебристый дракон с синими и черными пятнами, чью породу Лоуренс затруднялся определить.

Крыльями они махали не в лад, но их позиций

это не нарушало. Мичман, сидевший на длиннокрыле, махнул флажком, и они перестроились плавно, словно танцоры. Длиннокрыл теперь оказался в хвосте. По новому сигналу, которого Лоуренс не разглядел, все дали задний ход, описали правильную петлю и вернулись к первоначальному строю. Лоуренс сразу понял, что этот маневр позволяет длиннокрылу наилучшим способом заходить на цель под прикрытием остальных — в этой группе он был, безусловно, главной боевой единицей.

— Нитидус, ты по-прежнему снижаешься больше, чем надо. Попробуй в петле перейти на шестимаховый ритм, — басовито произнес кто-то сверху. Лоуренс, повернувшись, увидел золотого дракона с бледно-зеленым узором, как у жнеца, и густо-оранжевыми краями крыльев: он сидел на выступе скалы без всадника и без сбруи, не считая широкого золотого ошейника, усеянного нефритами.

Воздушный отряд повторил свой маневр с петлей.

— Так уже лучше, — сказал золотой дракон и посмотрел вниз. — Капитан Лоуренс? Адмирал Повис предупреждал о вашем прибытии; вы уложились в хорошее время. Я Селеритас, тре-

нер. — Дракон расправил крылья, взлетел и легко опустился на землю.

Лоуренс машинально поклонился. Селеритас был драконом среднего веса, вчетверо меньше медного регала. Отчаянный его уже перерос.

— Гм. — Сузив зрачки, он опустил голову, чтобы поближе разглядеть Лоуренса. — Вы, конечно, гораздо старше большинства опекунов, но это часто бывает к лучшему при ускоренной подготовке молодого дракона — а в случае с Отчаянным без спешки, пожалуй, не обойтись. Лили, не забывай выпрямлять шею, когда делаешь петлю! — крикнул он в небо и опять обернулся к Лоуренсу. — Он, насколько я понимаю, не проявлял пока никаких боевых способностей?

— Нет, сэр, — по привычке выпалил Лоуренс, аттестуя дракона согласно званию. — Сэр Эдвард Хоу, определивший его породу, сомневался в том, что они когда-либо у него разовьются, хотя и не исключал целиком…

— Да-да, — перебил Селеритас. — Я читал труды сэра Эдварда; он эксперт по восточным породам, и я вполне доверяю его суждению. А жаль. Нам очень пригодился бы плюющийся ядом японец или водоструй, способный выйти против фран-

цузского флам-де-глуар.[2] Но он ведь тяжеловес, не так ли?

— В настоящее время он весит около девяти тонн, а ему всего шесть недель.

— Хорошо, очень хорошо. По всем законам он должен набрать вдвое больше. — Селеритас задумчиво почесал когтем лоб. — Ну что ж, все действительно так, так я слышал. Хорошо. Поставим Отчаянного в пару с Максимусом, медным регалом. Они послужат запасным сектором в отряде нашего длиннокрыла Лили. — Он мотнул головой в сторону воздушного строя, и Лоуренс, еще не пришедший в себя, посмотрел туда же.

— Конечно, я должен увидеть Отчаянного в полете, прежде чем окончательно определиться с учебной программой, — продолжал дракон, — но сначала мне нужно закончить этот урок, да и он после долгого путешествия не сможет показать себя во всем блеске. Попросите лейтенанта Грэнби показать вам запасник и место кормления. Вы найдете его в офицерском клубе. Возвращайтесь с Отчаянным завтра, через час после рассвета.

Это был приказ, и Лоуренс ответил как полагалось:

---

[2] Примечания: 2
пламя славы *(фр.)*

— Есть, сэр!

Селеритас, к счастью, не заметил, каким деревянным тоном это было сказано, и снова взлетел на свой наблюдательный пункт.

Лоуренс не знал, где находится офицерский клуб, и был только рад этому. Чтобы привести мысли в порядок, ему требовалось не меньше недели — пятнадцать минут, которые заняло наведение справок у слуги его никак не устраивали. В голове вертелось то, что он когда-либо знал о драконах. Драконы без опекунов ничего не могут. Дракон без сбруи годится только на племя. Настороженность авиаторов больше не удивляла его. Хороши они будут, если весь мир узнает, что учитель, отдающий им приказания — один из тех самых зверей, которыми они якобы командуют!

Отчаянный, если хорошенько подумать, давно уже доказал ему, что драконы — существа умные и независимые, но это происходило мало-помалу, и Лоуренс, считая Отчаянного полноценной личностью, как-то не переносил этого мнения на прочих драконов. Теперь, когда первое потрясение прошло, он без особого труда мог принять дракона в качестве тренера — но широкая публика, не имеющая опыта общения с драконами, услышав об этом, подняла бы невообразимый

скандал.

Не так давно, перед самой Французской революцией, которая опять ввергла Европу в состояние войны, правительство выступило с предложением забить всех драконов без сбруи, содержащихся на государственный счет: в производителях, мол, сейчас нет нужды, притом их непокорный нрав способен только ухудшить боевые породы. По расчетам парламента, это позволило бы сэкономить порядка десяти миллионов фунтов в год. Предложение рассматривалось вполне серьезно, но потом дело как-то резко замяли, не вынося на публичное обсуждение. Поговаривали, что адмиралы Воздушного Корпуса в полном составе пришли к премьер-министру и заявили, что в случае принятия подобного закона Корпус поднимет мятеж.

Лоуренс в свое время отнесся к этой истории с недоверием. Само предложение сомнений не вызывало, но чтобы высшие офицеры — офицеры любого ранга — повели себя таким образом? Идею о забое драконов он не одобрил лишь потому, что видел в ней обычную бюрократическую близорукость, которая экономит десять шиллингов на парусине, рискуя потерять весь корабль, стоящий шесть тысяч фунтов. Безразличие, проявленное

тогда, теперь глубоко его удручало. Конечно, они взбунтовались бы — как же иначе? Погруженный в свои мысли, он вошел в офицерский клуб и чисто рефлекторно поймал пущенный ему в голову мяч. В ответ раздались возгласы — как хвалебные, так и протестующие.

— Это был верный гол, и он не в вашей команде! — кричал молодой человек, почти мальчик, с ярко-желтыми волосами.

— Чепуха, Мартин. Вы наш, правда ведь? — возразил с широкой ухмылкой долговязый загорелый брюнет, беря мяч у Лоуренса.

— Видимо, так, — развеселился Лоуренс. Его, правда, несколько удивили офицеры, гоняющие мяч в помещении, и их расхлябанный вид. Он в мундире и при галстуке выглядел аккуратней их всех, не говоря уж о тех двоих, которые щеголяли полуголыми, скинув рубашки. Всю мебель сдвинули к стенам, ковер скатали и сунули в угол.

— Лейтенант Джон Грэнби, в запасе, — назвался брюнет. — Вы, должно быть, только что прибыли?

— Да. Капитан Уилл Лоуренс, на Отчаянном. — Услышав это, Грэнби, к испугу Лоуренса, тут же перестал улыбаться, и дружелюбное выражение исчезло с его лица.

— Империал! — закричали все и кинулись, толкая друг друга, во двор. Лоуренс только глазами хлопал.

— Не беспокойтесь, — сказал ему светловолосый молодой человек, подошедший представиться. — Мы тут научены не приставать к драконам — они только посмотрят. Разве что кадетов следует опасаться. Их здесь добрых две дюжины, и смысл их существования — отравлять жизнь всем остальным. Я мичман Езекия Мартин. Теперь, когда вы узнали мое первое имя, я настоятельно прошу вас забыть его.

Вольное обхождение здесь, как видно, было в порядке вещей, и обижаться на это не приходилось, хотя Лоуренс привык к совершенно иным манерам.

— Благодарю за предупреждение: я прослежу, чтобы Отчаянный не позволял им себе докучать.

Мартин в отличие от Грэнби не проявлял к нему никакой неприязни, и Лоуренс предпочел бы его в качестве гида. Но приказ, даже отданный драконом, оставался приказом, поэтому капитан обратился к Грэнби:

— Селеритас сказал, чтобы я попросил вас показать мне запасник. Не будете ли вы столь любезны?

— Разумеется, — столь же официально ответил Грэнби, но у него это вышло не так естественно. — Прошу.

Лоуренса порадовало, что Мартин тоже с ними пошел: болтовня мичмана, не умолкавшего ни на минуту, помогала разрядить неловкую атмосферу.

— Значит, вы и есть тот мореход, вырвавший империала из лап французов? Эта история всем известна: лягушатники, поди, скрипят зубами и волосы на себе рвут. Я слышал, вы забрали яйцо со стопушечного корабля. Бой был долгий?

— Боюсь, молва преувеличивает мои достижения. «Амитье» не входила в первый разряд — это фрегат с тридцатью шестью пушками, а ее команда буквально умирала от жажды. Капитан защищался отважно, но нам не пришлось долго биться: злосчастье и непогода сделали всю работу за нас. Моя заслуга лишь в том, что мне повезло.

— Ну что ж, везение тоже не пустяк. Без удачи далеко не уйдешь. Так вот куда вас загнали? Здесь же ветер воет без передышки.

Грэнби привел их в круглую комнату на вершине башни. Лоуренсу, привыкшему к тесным каютам, она показалась просторной, а большие окна он счел настоящей роскошью. Они выхо-

дили на озеро, затянутое теперь серой моросью. Лоуренс открыл окно, и внутрь ворвался свежий влажный запах, почти как морской, только без соли.

Его картонки весьма небрежно свалили у шкафа. Лоуренс заглянул в шкаф с некоторой тревогой, но вещи были сложены аккуратно. Обстановку довершали письменный стол со стулом и кровать, простая, но вполне широкая.

— Пока никакого шума не слышно; уверен, что отлично устроюсь здесь. — Лоуренс отстегнул шпагу и положил ее на кровать. Мундир он снять не решился, но выглядеть все-таки стал менее официально.

— Теперь пойдемте к месту кормления, — предложил Грэнби, сделав первый вклад в беседу после ухода из клуба.

— Сначала надо показать ему бани и столовую, — возразил Мартин. — Бани — это нечто особенное. Их строили римляне, и мы заняли этот дом именно из-за них.

— Спасибо, посмотрю с удовольствием. — Лоуренс был бы только рад избавиться от мрачного лейтенанта, но не желал опускаться до его уровня, выказывая откровенную грубость.

В столовую они зашли по дороге. Капитаны и

лейтенанты, сообщил несмолкающий Мартин, едят за круглым столом, мичманы и крыльманы — за длинным.

— Кадетов, к великому счастью, кормят раньше, иначе мы оглохли бы от их трескотни, а наземные команды едят после нас.

— Вы всегда столуетесь вместе? — Общий стол для офицеров казался Лоуренсу странным правилом. Он с грустью думал, что здесь ему уже не придется угощать обедом своих друзей — одно из самых больших удовольствий, которые он стал себе позволять, как только у него завелись призовые деньги.

— Конечно, если кто-то болен, ему приносят обед наверх. Да, кстати — вы, должно быть, проголодались? Эй, Толли, — окликнул Мартин слугу, идущего со стопкой белья через комнату. — Это капитан Лоуренс, он только что прилетел. Можете собрать ему что-нибудь или прикажете поститься до ужина?

— Благодарю, я не голоден. Я спрашивал только из любопытства, — вмешался Лоуренс.

— Сейчас все устроим, — заверил Толли. — Кто-нибудь из поваров, думаю, охотно отрежет вам пару ломтей мяса и положит пару картофелин. Я попрошу Нэн. Третий этаж башни, не так

ли? — Слуга кивнул и заторопился дальше, не дожидаясь ответа.

— Ну вот, Толли о вас позаботится. — Мартин явно не видел во всем этом ничего необычного. — Он у нас лучше всех. Дженкинса не допросишься, а Марвелл хоть и сделает, но будет так ныть, что сам ничего не захочешь.

— Нелегко, я думаю, найти слуг, которые не боятся драконов. — Лоуренс начинал уже привыкать к неформальному общению авиаторов между собой, но панибратство слуги шокировало его с новой силой.

— О нет, они все выросли в соседних деревнях и давно привыкли. Толли работает у нас чуть ли не с пеленок и глазом не моргнет, даже если медный регал закапризничает.

В холле Грэнби открыл железную дверь. Оттуда пахнуло горячим паром. Вслед за двумя авиаторами Лоуренс стал спускаться по узкой винтовой лестнице. Сделав четыре витка, они оказались в большой голой комнате с каменными полками-нишами и потускневшей, облупленной стенной росписью. Все это, видимо, сохранилось еще от римлян. На одной стороне лежали стопками чистые простыни, на другой кучей валялись мокрые.

— Оставьте свои вещи на полке, — сказал Мартин. — Банные залы расположены вкруговую, и мы опять вернемся сюда. — Он и Грэнби уже начали раздеваться.

— Но хватит ли нам времени для купания? — засомневался Лоуренс.

Мартин сделал паузу, чтобы снять сапоги.

— Мы только пройдемся — правильно, Грэнби? Впрочем, и торопиться особенно некуда, ужин еще не скоро.

— Если у вас, конечно, нет неотложных дел, — сказал Лоуренсу Грэнби таким неприятным тоном, что Мартин впервые посмотрел на него с удивлением.

Лоуренс, сжав губы, проглотил резкое слово. Не мог же он ссориться с каждым авиатором, питающим неприязнь к морякам — тем более теперь, когда уяснил для себя причину их предубежденности против всех посторонних. Придется завоевывать среди них свое место, как новому мичману на корабле.

— Нет, ничего такого, — только и сказал он в ответ. Не совсем понимая, зачем надо разоблачаться ради обыкновенной экскурсии, он все же последовал примеру своих спутников, но белье сложил тщательнее и накрыл его сверху

мундиром.

Они прошли по левому коридору, в торце которого была еще одна железная дверь. За ней Лоуренс сразу понял необходимость раздевания: пар там стоял такой, что он ничего не видел дальше вытянутой руки, и пот тут же обильно выступил на всем теле. Одетый, он загубил бы мундир, сапоги и все остальное. Голый, он нежился в облаках пара, лишь немного стесняясь своей потливости, и чувствовал, как расслабляются мышцы после полета.

В стены выложенной плиткой парильни были встроены скамейки, и на них лежали еще несколько человек. Грэнби и Мартин, кивнув им, прошли дальше, в другой зал. В этом громадном помещении было еще жарче, но сухо, и почти всю длину пола занимал длинный мелкий бассейн.

— Мы сейчас прямо под двором, — показал наверх Мартин. — Потому-то Корпус и занял эту усадьбу.

В стенах через равные промежутки были проделаны глубокие ниши, отгороженные от зала чугунными решетками. Около половины ниш пустовало, в остальных на мягкой подстилке лежало по одному большому яйцу.

— Их надо держать в тепле, ведь лишних драко-

нов для высиживания у нас нет — и закапывать их возле вулканов, как это делается в природе, мы тоже не можем.

— А разве у вас нет для этого отдельного помещения? — удивился Лоуренс.

— Разумеется, есть, — отрезал Грэнби, и Мартин поспешно вмешался, чтобы смягчить его грубость:

— Здесь, видите ли, все время кто-то снует, и если какое из яичек начнет твердеть, мы сразу заметим.

Лоуренс, все еще перебарывая себя, кивнул Мартину. Из книг сэра Эдварда он узнал, как непредсказуемы бывают драконьи яйца. Даже если порода известна, трудно определить, когда именно вылупится детеныш: его развитие может растянуться на несколько месяцев, а у крупных драконов — на несколько лет.

— Скоро мы ожидаем вон того углокрыла. Хорошо бы! — Мартин показал на золотисто-коричневое яйцо в ярко-желтую крапинку, слегка отливающее перламутром. — Его отложила Обверсария, флагдракон Пролива. Сразу после выпуска я был сигнальщиком у нее на борту. По маневренности она опережает всех драконов своего класса.

Оба авиатора смотрели на яйца тоскливо и без особой надежды. Каждое из них обеспечивало шанс на повышение, но его нужно было еще заслужить, проявив отвагу на поле боя. С этим в Корпусе обстояло еще хуже, чем в Адмиралтействе.

— Вы служили при многих драконах? — спросил Мартина Лоуренс.

— Только при Обверсарии и Инлакримасе. Его ранили в схватке над Проливом месяц назад, поэтому я пока на земле. Но еще через месяц он поправится, а я на этом деле даже повышение заработал, так что не жалуюсь: меня произвели в мичманы, — гордо сообщил Мартин. — Вот у Грэнби было целых четыре, верно? На ком ты летал до Летификат?

— На Экскурсиусе, Флюитаре и Актионисе, — кратко ответил Грэнби, но Лоуренсу хватило бы и Летификат. Этот субъект, вероятно, друг лейтенанта Дейса — во всяком случае, служил с ним, можно сказать, на одном корабле. Значит, дело не в общей неприязни авиаторов к морским офицерам. Здесь чувствуется что-то личное, связанное, возможно, с оскорбительным поведением Дейса.

— Продолжим, джентльмены, — бросил Лоуренс, утративший изрядную долю терпимости.

Задержек он больше не допускал и предоставлял Мартину болтать в свое удовольствие. Через некоторое время они вернулись в гардеробную, и Лоуренс, одевшись, сказал спокойно, но твердо: — Проводите меня на место кормления, мистер Грэнби, а затем можете быть свободны. — Он ясно давал понять, что больше не допустит неуважения: за следующей грубостью Грэнби последует выговор, и лучше, если они при этом будут наедине. — Благодарю за компанию и за ценные объяснения, мистер Мартин.

— Всегда пожалуйста. — Мартин нерешительно переводил взгляд с Лоуренса на Грэнби, точно боялся оставлять их вдвоем. Но намек Лоуренса был ясен, и Мартин при всех своих непринужденных манерах понимал, что фактически это приказ. — До скорого свидания за ужином.

Лоуренс и Грэнби молча дошли до участка, где кормились драконы — вернее, до скалы над этим участком. Долина-полигон заканчивалась естественным тупиком, где виднелись несколько пастухов.

— Им подают сигнал с этой скалы, — ровным голосом пояснил Грэнби, — и они загоняют в долину столько животных, сколько нужно на прокорм одного дракона. Дракон пикирует и

поедает свой рацион в свободное от учебных полетов время. Полагаю, это достаточно ясно, — заключил Грэнби, позволив себе, как и опасался Лоуренс, новую дерзость.

— Сэр, — поправил Лоуренс, заставив своего провожатого на миг растеряться. — Полагаю, это достаточно ясно, сэр.

Он надеялся, что это удержит лейтенанта от дальнейших выходок, но тот вопреки всякой вероятности не замедлил с ответом:

— У нас тут без церемоний, не то что у вас на флоте.

— У нас на флоте принято разговаривать вежливо — во всяком случае, со старшими по званию. — Лоуренс перестал сдерживаться, и к его щекам прилила краска гнева. — Обратитесь ко мне как положено, лейтенант Грэнби, не то я привлеку вас за нарушение устава, Богом клянусь. Не думаю, что Корпус смотрит на это так снисходительно, как можно предположить по вашему поведению.

Грэнби побледнел под загаром, на скулах выступили красные пятна.

— Да, сэр, — сказал он и стал навытяжку.

— Можете идти, лейтенант. — Лоуренс отвернулся, сцепил руки за спиной и стоял так, пока

Грэнби не ушел. Ему противно было даже смотреть на этого грубияна. Но праведный гнев быстро прошел, сменившись усталостью и огорчением. Он знал, что без последствий это не обойдется. В первую минуту их встречи Грэнби показался ему славным, дружелюбным по натуре человеком. Даже если и не так, Грэнби для авиаторов свой, а он, Лоуренс, пришлый. Все товарищи Грэнби, естественно, поддержат его и сделают жизнь чужака невыносимой.

Однако выбора у него не было. Открытую наглость терпеть нельзя, а Грэнби прекрасно знал, что его поведение выходит за всякие рамки. Лоуренс все таким же удрученным вернулся назад и воспрянул духом лишь при виде Отчаянного. Тот не спал и ждал его во дворе.

— Прости, что так надолго бросил тебя. — Лоуренс стал гладить его и ласкать, больше чтобы утешиться самому. — Ты не очень скучал?

— Нет, совсем не скучал. Люди все время приходили и разговаривали со мной, и сняли с меня мерку для новой сбруи. Еще я поговорил с Максимусом — он сказал, что мы будем учиться вместе.

Лоуренс кивнул медному регалу — тот спал, но приоткрыл один глаз, услышав свое имя. В ответ

на приветствие он слегка поднял голову и тут же снова ее уронил.

— Ты голоден? — спросил Лоуренс. — Завтра мы должны встать рано, чтобы явиться к Селеритасу, тренеру, поэтому позавтракать ты вряд ли успеешь.

— Да, поесть не мешало бы. — Отчаянный как будто ничуть не удивился тому, что тренировать их будет дракон, и Лоуренс почувствовал себя несколько глупо из-за испытанного им самим потрясения. Понятно, что для Отчаянного это в порядке вещей.

Лоуренс не стал пристегиваться ради короткого перелета на край долины. На сигнальной скале он слез, чтобы Отчаянный мог поохотиться без пассажира, и окончательно успокоился, глядя, как парит и ныряет его дракон. Как бы ни относились к нему авиаторы, за свое положение он может не опасаться — у него есть гарантия, о которой ни один морской капитан даже и не мечтал. Лоуренсу уже приходилось укрощать непокорных, когда таковые встречались среди матросов, а пример Мартина показывал, что не все офицеры заранее настроены против него.

То, что случилось потом, порадовало его еще больше. Когда Отчаянный, ловко скогтив убега-

ющую корову, приступил к трапезе, послышался восхищенный шепот, и Лоуренс увидел в верхних окнах замка ряд маленьких головенок.

— Это империал, верно, сэр? — спросил один мальчик, светловолосый и круглолицый.

— Да, это Отчаянный. — Лоуренс никогда не пренебрегал образованием своих юных джентльменов, и его корабль считался наилучшим местом для новичков. Многие друзья и родственники старались пристроить к нему своих мальчиков, благодаря чему он приобрел богатый опыт наставничества — большей частью благоприятный. В отличие от многих взрослых людей он не испытывал неловкости в детском обществе, хотя эти мальчишки были моложе большинства его мичманов.

— Глядите, как наяривает! — крикнул другой, темненький.

Отчаянный, пронесшись над самой землей, проткнул трех овец одним когтем.

— Думаю, вы лучше разбираетесь в драконах, чем я, — как вы его находите? — спросил Лоуренс.

— Первый сорт! — ответил ему дружный хор.

— Вон как углы срезает, — с видом знатока добавил светлоголовый, — и ни единого лишнего

взмаха. Есть! — крикнул он совсем по-мальчишески, когда Отчаянный, дав задний ход, завладел последней коровой.

— Вы еще не набирали себе экипаж, правда ведь, сэр? — спросил третий мальчик, и все наперебой принялись заявлять о своей пригодности для этой почетной роли.

— Еще нет. Думаю, в этом вопросе мне не обойтись без ваших советов, так что обдумайте все хорошенько. Ну что, наелся? — спросил Лоуренс Отчаянного, который с неподражаемой легкостью сел рядом с ним на скалу.

— Да, я хорошо поел, но весь перемазался кровью. Теперь, наверное, надо помыться?

Лоуренс с запозданием понял, что во время экскурсии кое-что упустил.

— Не скажете ли, джентльмены, где мы могли бы помыться? На озере?

Мальчики вытаращили глаза, и кто-то сказал:

— Никогда не слыхал, чтобы драконов мыли.

— Взять, к примеру, регала, — подхватил светлоголовый, — на это же целая вечность уйдет. Они всегда сами вылизывают себе морды и лапы, как кошки.

— Я не хочу вылизываться. Мне нравится, когда меня моют, хотя эта работа и не из легких, — за-

волновался Отчаянный.

— Работы тут действительно много, — спокойно сказал ему Лоуренс, — и других дел у нас тоже достаточно, поэтому полетим на озеро прямо сейчас. Я только раздобуду какой-нибудь ветоши.

— Я вам сейчас принесу! — вызвался светлоголовый, и минут через пять около полудюжины мальчишек высыпало на утес с охапками белого тряпья, происхождение которого вызвало у Лоуренса сильные подозрения. Тем не менее он учтиво поблагодарил их, взял тряпки и опять сел верхом, постаравшись запомнить мальчика со светлыми волосами. Лоуренс любил, когда молодежь проявляла инициативу.

— Завтра мы можем принести свои портупеи, полететь с вами и помочь, — предложил инициатор с полнейшей невинностью.

Лоуренс подумал, не пора ли дать ему укорот, но не захотел охлаждать энтузиазм, который в глубине души одобрял, и ответил:

— Посмотрим.

Кадеты стояли на утесе, подняв мордашки к небу, пока Отчаянный не скрылся из виду. На озере Лоуренс пустил дракона поплавать, а потом вытер его особенно тщательно. Он, привыкший к уходу за лошадьми и ежедневному мытью палу-

бы, не понимал авиаторов, так плохо смотревших за своими питомцами. Надраивая черные бока, Лоуренс вдруг обратил внимание на сбрую.

— Скажи-ка, Отчаянный, не трет ли она тебе?

— Теперь уж не очень. — Дракон повернул голову посмотреть. — Шкура у меня стала гораздо крепче, а если где натирает, я просто сдвигаю лямки.

— Мне ужасно стыдно, голубчик. Я не должен был оставлять тебя в ней. Отныне ты будешь надевать сбрую только на время полета.

— Разве мне не обязательно носить ее, как тебе твой мундир? Не хочется, чтобы меня сочли дикарем.

— Я достану тебе длинную цепь на шею — этого хватит. — Лоуренс вспомнил золотой ошейник Селеритаса. — Не хочу, чтобы ты страдал из-за обычая, который, как мне кажется, выдумали ленивые люди. Я выскажу это первому же адмиралу, с которым увижусь, и в куда более сильных выражениях.

Верный своему слову, он снял с Отчаянного сбрую, как только они приземлились во дворе. Отчаянный немного нервничал перед другими драконами, которые смотрели на него, еще мокрого после купания, во все глаза. Но это был не

шок, а обыкновенное любопытство. Когда Лоуренс намотал ему на коготь, будто перстень, их золотую цепь, Отчаянный совсем успокоился и вольготно развалился на теплых плитах.

— Теперь я понял, как приятно ходить без сбруи, — конфиденциально сообщил он и почесал мозоль, натертую одной из пряжек.

Лоуренс, протерев снятую сбрую, покаянно осмотрел поврежденные чешуйки.

— Прости меня, пожалуйста. Я поищу какую-нибудь примочку.

— Хочу, чтобы мою тоже сняли, — прочирикал вдруг один из винчестеров и съехал со спины Максимуса. — Расстегни, пожалуйста!

Лоуренс не знал, прилично ли будет рассупонивать чужого дракона.

— Думаю, что это должен сделать твой опекун. Если сбрую сниму я, он может обидеться.

— Он уже три дня не приходит. — Винчестер грустно повесил свою совсем небольшую голову — шириной он был всего лишь с пару ломовых лошадей, и Лоуренс свободно доставал макушкой ему до плеча. Присмотревшись, Лоуренс разглядел у него на шкуре потеки засохшей крови, и сбруя тоже была не особенно чистая, в пятнах и сгустках.

— Раз так, надо за тобой поухаживать. — Лоуренс взял еще не просохшие тряпки и стал обтирать маленького дракона.

— Большое тебе спасибо. Меня зовут Левитас, — застенчиво назвался винчестер.

— Я Лоуренс, а это Отчаянный.

— Лоуренс — мой капитан, — заявил Отчаянный с легким вызовом, подчеркнув местоимение «мой».

Удивленный Лоуренс прервал свое занятие и похлопал его по боку. Тот притих, но сузил зрачки и пристально следил, как Лоуренс моет другого дракона.

— Хочешь, я узнаю, что случилось с твоим опекуном? — спросил Лоуренс Левитаса, когда закончил. — Может быть, он нездоров. Если так, то он, я уверен, скоро поправится.

— Нет, я не думаю, что он болен, — с той же грустью ответил Левитас. — Но теперь мне гораздо лучше. — И он благодарно потерся головой о плечо Лоуренса.

Отчаянный недовольно зарокотал и поскреб когтями по камню. Левитас, испуганно чирикнув, вспорхнул на спину Максимуса и опять угнездился рядом с другим винчестером.

— Что это тебе вздумалось ревновать? — мяг-

ко пожурил друга Лоуренс. — Надо же было немножко его почистить — опекун совсем о нем не заботится.

— Ты мой, — упрямо повторил Отчаянный, но тут же устыдился, наклонил голову и тихонько добавил: — Его, наверное, легче мыть, чем меня.

— Я бы ни одного дюйма твоей шкурки не уступил, будь ты даже вдвое больше Летификат. Но, может быть, завтра я доверю помыть тебя кому-то из мальчиков.

— А, это другое дело, — обрадовался дракон. — Я не совсем понимаю, почему не приходит его опекун. Ты меня ни за что бы так надолго не бросил, правда?

— Никогда в жизни, разве что меня удержали бы силой. — Заброшенность Левитаса и для Лоуренса оставалась загадкой. Пусть винчестер не блещет умом и опекун не находит особого удовольствия в его обществе, но ведь и такого дракона тоже можно любить, как любит Джеймс своего Волатилуса. Левитас, правда, еще меньше Волли, зато гораздо умнее. Понятно, что среди авиаторов, как и в других родах войск, встречаются люди недобросовестные, но жаль видеть при такой нехватке драконов, как несчастен один из них. Притом это не может не сказаться на его

боевых качествах.

Лоуренс унес сбрую Отчаянного в мастерскую, где работали механики. Час был поздний, но несколько человек еще сидели во дворе и покуривали. Они и не подумали отдавать Лоуренсу честь, но встретили его довольно приветливо.

— Это вы, стало быть, при Отчаянном состоите, — сказал один, взяв у него сбрую. — Порвалась, что ли? Через пару дней мы вам изготовим новую, а пока можем залатать эту.

— Нет, она цела, — сказал Лоуренс, — ее надо только почистить.

— Своего механика у вас пока нет. Нельзя назначать наземную команду, не зная, какой курс тренировки вы будете проходить, — продолжал рабочий. — Но ничего, мы все сделаем. Займись этим, Холлин, ладно? — сказал он молодому парню, работавшему внутри.

Холлин вышел, вытирая большие, мастеровитые руки о фартук.

— А он не будет скандалить, когда я снова приду ее надевать?

— Спасибо, этого не понадобится. Ему удобней без сбруи, вы просто положите ее рядом с ним. Сбруя Левитаса, кстати, тоже требует чистки.

— Левитас? Ну, это пусть его капитан со своей

командой улаживает, — сказал, попыхивая трубкой, первый рабочий.

Он был совершенно прав, но красноречиво-холодный взгляд Лоуренса заставил его добавить:

— Если хотите, чтобы я им напомнил, то я напомню. Стоит только сказать любому у нас в Корпусе, что за драконом недосмотрели, и он сделает все, чтобы поправить дело.

— Да ладно, я и его обихожу, лишь бы отчаянский не ругался, — торопливо вмешался Холлин. — Подумаешь, делов, сбруя-то малюсенькая.

— Спасибо, мистер Холлин. Рад видеть, что не ошибся в вас, — сказал Лоуренс и пошел в замок.

— Свиреп, что твой татарин, — донесся до него явственный шепот сзади, — не хотел бы я быть у него в команде.

Слышать это было не слишком приятно. В суровых капитанах он никогда не числился и гордился тем, что люди слушаются его из уважения, а не из страха перед его тяжелой рукой. В его команде многие были волонтерами.

Он чувствовал себя виноватым также из-за того, что действовал через голову левитасовского капитана. Теперь тот имеет полное право жаловаться. Однако особенно сильных угрызений по этому поводу не испытывал. Левитас был

явно заброшен, и чувство долга не позволяло ему оставлять животное в таком состоянии. Нестрогая субординация Корпуса в этом случае могла сыграть ему на руку. Возможно, здесь в отличие от флота это не будет рассматриваться как прямое вмешательство и не вызовет особого возмущения.

Первый день, не слишком удачный, измотал его и порядком обескуражил. Вопреки опасениям, он не столкнулся ни с чем таким, что могло показаться невыносимым, но все здесь было незнакомо и легкой жизни не обещало. Лоуренс помимо воли тосковал по жесткому флотскому распорядку, которому подчинялся всю свою жизнь. Ему, при всей неосуществимости такого желания, хотелось вновь очутиться вместе с Отчаянным на палубе «Надежного», посреди бескрайнего океана.

Глава шестая

Его разбудило солнце, льющееся в восточные окна башни. Когда вчера вечером Лоуренс наконец поднялся к себе, его ожидала тарелка с давно остывшей едой — Толли, как видно, сдержал слово. Тарелку облюбовали мухи, но для моряка это пустяки. Лоуренс согнал их, съел все до крошки и решил прилечь ненадолго перед ужином и ванной. Теперь, глядя в потолок, он далеко не сразу сообразил, где он и что с ним.

Вспомнив о тренировке, он сразу вскочил. Вчера он улегся на кровать в рубашке и бриджах, но у него, к счастью, была чистая перемена, а мундир выглядел довольно опрятно. Думая, что надо будет найти в здешней округе портного и заказать другой, Лоуренс с некоторым трудом напялил на себя мундир и почувствовал, что готов заступить на службу.

За столом старших офицеров не было почти никого. Грэнби тоже отсутствовал, но Лоуренс ощутил его влияние в косых взглядах, которыми наградили его двое молодых авиаторов. Чуть дальше от них крупный, плотно сбитый мужчина цветущего вида уплетал за обе щеки яичницу и

черный пудинг с беконом. Лоуренс стал оглядываться, ища глазами буфет.

— С добрым утречком, капитан. Чай или кофе? — спросил подошедший Толли с чайником и кофейником в руках.

— Чаю, пожалуйста. — Лоуренс залпом выпил чашку и снова подставил ее слуге, не успел тот отойти. — Мы должны брать блюда сами?

— Нет, вот идет Лейси с яйцами и беконом для вас. Если хотите чего-то другого, только скажите.

— Доброе утро! — весело произнесла девушка в домотканом платье.

Ей полагалось бы помолчать, но Лоуренс так обрадовался приветливому лицу, что неожиданно для себя ответил ей в том же духе. Завтрак она подала с пылу с жару. Отведав великолепного бекона, закопченного каким-то неведомым способом, и яйца с яркими, почти оранжевыми желтками, Лоуренс окончательно махнул рукой на какой бы то ни было этикет. Ел он в спешке, поглядывая на ползущие по полу солнечные квадраты.

— Смотрите не подавитесь, — посоветовал ему плотный авиатор и гаркнул: — Еще чаю, Толли! — Такой голос мог заглушить любой шторм. — Вы Лоуренс? — осведомился он, полу-

чив свою чашку.

— Да, сэр, — сказал Лоуренс, проглотив кусок. — К сожалению, вашего имени я не знаю.

— Беркли. Экой чепухой, знаете ли, напичкали вы своего дракона! Мой Максимус все утро не дает мне покоя — ему вдруг приспичило выкупаться и снять с себя сбрую. Что за вздор!

— Я так не думаю, сэр. Для меня главное, чтобы моему дракону было удобно, — ответил Лоуренс, крепко сжимая в кулаках нож и вилку.

— С чего вы, черт возьми, взяли, что я плохо ухаживаю за Максимусом? — уставился на него Беркли. — Драконов никто никогда не моет. От грязи им никакого вреда — у них ведь чешуя, а не кожа.

Лоуренс взял себя в руки и овладел голосом, но аппетит у него пропал.

— У вашего дракона, очевидно, другое мнение. Почему вы думаете, что можете лучше судить, что для него хорошо, а что плохо?

Беркли, глядя на него все так же сердито, фыркнул:

— Кто-кто, а вы уж точно умеете изрыгать огонь. Вижу, что напрасно считал всех флотских чопорными занудами. — Он допил чай и встал. — Еще увидимся. Селеритас хочет тренировать

Максимуса вместе с Отчаянным. — Он вполне по-дружески кивнул Лоуренсу и вышел.

Эта стычка немного озадачила Лоуренса, но он уже опаздывал, и времени для раздумий не оставалось. Отчаянный дожидался его с нетерпением, и ему пришлось расплачиваться за свое доброе дело: пристегивать сбрую обратно. Даже с помощью двух наземных рабочих, к которым Лоуренс обратился, они прилетели на тренировку в последний момент.

Селеритаса во дворе еще не было, но вскоре он появился на утесе, в одной из пещер. Пещеры, видимо, служили квартирами для старших и наиболее почитаемых драконов. Расправив крылья, Селеритас слетел вниз, аккуратно приземлился на задние ноги и задумчиво оглядел Отчаянного.

— Да, объем груди превосходный. Вдохни-ка. Да-да. — Он снова опустился на четвереньки. — Ну что ж, давайте посмотрим. Два полных облета долины, горизонтальные повороты на первом круге, задний ход на втором. Не спешите. Ваша координация для меня важнее, чем скорость.

Отчаянный тем не менее ринулся ввысь на полном ходу.

— Не спеши, — напомнил Лоуренс, слегка натянув поводья, и дракон нехотя сбавил скорость.

Когда он с легкостью проделал несколько поворотов и петель, Селеритас крикнул им:

— Еще раз, на полную мощность.

Лоуренс пригнулся к шее дракона, крылья бешено заработали, ветер запел в ушах. Так быстро они никогда еще не летали. Лоуренс, не удержавшись, издал восторженный клич — слышать его, правда, мог только Отчаянный.

Молодой дракон, чье дыхание почти совсем не участилось, уже начал заходить на посадку, когда сверху раздался громовой рев и упала громадная черная тень. Максимус несся с небес так, точно вознамерился их протаранить. Отчаянный, резко затормозив, завис на месте, а Максимус, спикировав до самой земли, снова взмыл вверх.

— Какого черта вы себе позволяете, Беркли? — во всю мочь заорал Лоуренс, привстав на сбруе. Руки у него тряслись от ярости, едва удерживая поводья. — Объяснитесь немедленно, сэр…

— Бог мой, как это у него получается? — прокричал Беркли в ответ как ни в чем не бывало. Максимус мирно летел к утесу. — Ты видел, Селеритас?

— Видел. Приземляйся, Отчаянный! — крикнул с площадки тренер. — Они сделали это по моему приказу, капитан, не сердитесь. — Отчаянный

красиво опустился на край утеса. — Естественную реакцию дракона, атакованного сверху, когда он не видит противника, предсказать почти невозможно. Это инстинкт, который зачастую не поддается никакой тренировке.

Отчаянный, как и Лоуренс, еще не совсем отошел.

— Мне было очень неприятно, — с укором сказал он Максимусу.

— Знаю. Со мной тоже такое проделали, когда я только начал тренироваться, — весело, ничуть не раскаиваясь, ответил регал. — Но как это ты сумел взять и просто остановиться?

— Я об этом не думал, — немного смягчился Отчаянный. Изогнув шею, он оглядел самого себя. — Наверно, просто замахал крыльями не в ту сторону.

Лоуренс погладил его. Селеритас в это время изучал строение его крыльев.

— Я полагал, что это в порядке вещей, сэр, — но вы, кажется, видите здесь нечто особенное? — спросил тренера Лоуренс.

— Да, если учесть, что за двести лет практики я встречаюсь с этим впервые, — сухо сказал дракон. — Углокрылы могут маневрировать, описывая маленькие круги, но полная остановка

в воздухе им недоступна. — Селеритас почесал Лоб. — Надо будет подумать, как лучше это использовать. Бомбардировщик из тебя, во всяком случае, получится смертоносный.

Лоуренс и Беркли отправились обедать, продолжая обсуждать то, что случилось за день. Селеритас гонял их без передышки, исследуя маневренность Отчаянного и приспосабливая обоих драконов друг к другу. Лоуренс, конечно, уже догадывался, что скорость и поворотливость Отчаянного в воздухе не имеют себе равных, но испытывал несказанное удовольствие, слыша то же самое от Селеритаса и видя, как Отчаянный опережает более взрослого и крупного Максимуса.

Селеритас предложил даже удвоить скорость полета — при условии, что Отчаянный по мере роста не утратит своей маневренности. Тогда он сможет проследовать на бреющем полете вдоль всего боевого порядка, вернуться на место и выполнить вместе с другими второй заход.

Беркли и Максимус нисколько не обижались, что Отчаянный носится около них кругами. Медные регалы, бесспорно, оставались элитой Корпуса, и Отчаянный никаким чудом не мог бы догнать Максимуса по весу и мощности, поэтому

настоящих причин для ревности не было — но Лоуренс после напряженного первого дня всякое отсутствие враждебности воспринимал как победу. Беркли он пока еще не сумел раскусить. Для капитана тот был староват и вел себя очень странно, перемежая спокойную солидность внезапными вспышками гнева.

При всем при том он показался Лоуренсу хорошим, знающим офицером.

Когда они заняли места за столом, где, кроме них, пока еще никого не было, Беркли сказал без обиняков:

— Вам будут завидовать черной завистью — в том числе и потому, что вам не пришлось ждать. Я Максимуса дожидался шесть лет. Оно того стоило, но я тоже, думаю, возненавидел бы вас, заявись вы со своим империалом, когда мой дракон еще сидел в скорлупе.

— Значит, вас приставили к нему еще до того, как он вылупился?

— Как только яйцо остыло достаточно, чтобы к нему прикасаться. Медных регалов рождается четверо или пятеро на каждое поколение, и случайных людей к ним не назначают. Стоило мне сказать «премного благодарен», меня тут же ссадили на землю. Я пялил глаза на яйцо, обучал

сопляков и надеялся, что он не заставит меня ждать слишком долго. Черта с два! — Беркли фыркнул и залпом выпил бокал вина.

За утро у Лоуренса сложилось высокое мнение о воздушном мастерстве Беркли — он, безусловно, как нельзя лучше подходил для работы с редким и ценным драконом и постоянно, на свой грубоватый лад, показывал, как любит Максимуса. Когда они расстались с драконами на дворе, Лоуренс услышал, как Беркли говорит своему: «Вижу, ты не отстанешь, пока и с тебя сбрую не снимут, паршивец ты этакий». После этого он дал соответствующее распоряжение своему механику, и Максимус в порыве нежности чуть не сбил его с ног.

Офицеры понемногу собирались к обеду. Большинство из них были гораздо моложе Лоуренса и Беркли, и столовая сразу наполнилась звонкими голосами. Лоуренс поначалу держался немного скованно, но его страхи не осуществились: несколько лейтенантов все еще поглядывали на него исподлобья, а Грэнби постарался сесть насколько возможно дальше, но остальные не обращали на него особенно пристального внимания.

— Прошу прощения, сэр, — учтиво промолвил

высокий белокурый авиатор с острым носом, садясь на стул рядом с ним. Старшие офицеры явились к столу по всей форме, но этого выделяли аккуратные складки галстука и тщательно выглаженный мундир. — Капитан Джереми Ренкин, к вашим услугам, — сказал он, подавая Лоуренсу руку. — Раньше мы, кажется, не встречались?

— Нет, я прибыл только вчера. Капитан Уилл Лоуренс.

Рукопожатие у Ренкина было твердое, манеры приятные. У них сразу же завязался разговор, и Лоуренс не удивился, узнав, что Ренкин — сын графа Кенсингтона.

— Наша семья всегда посылала третьего сына в Корпус, а в старину, когда Корпуса еще не было и драконы принадлежали короне, мои предки всегда брали одну пару на свое содержание. Поэтому домой я летаю без затруднений. У нас там имеется небольшой приют, где я часто бывал даже в школьные годы. Хорошо бы и у других авиаторов существовало нечто подобное.

Лоуренс не хотел говорить ничего, что хоть отдаленно напоминало бы критику. Ренкин — иное дело, он свой, но из уст пришельца это может прозвучать оскорбительно.

— Мальчикам, должно быть, тяжело покидать

дом так рано, — сказал он тактично. — У нас, то есть на флоте, их принимают только с двенадцати лет и всегда высаживают на берег между походами, чтобы они могли навестить родных. Какого вы мнения на этот счет, сэр? — спросил он Беркли.

— Гм, — буркнул тот, прожевав, и довольно тяжело посмотрел на Ренкина. — Не скажу, чтобы мне было так уж тоскливо. Немножко поплакал, наверное, но с этим быстро свыкаешься, а с плаксами у нас обходятся круто, чтобы отучить их скучать по дому. — Он снова занялся едой, не делая никаких попыток поддержать разговор. Лоуренсу ничего не оставалось, как продолжить беседу с Ренкином.

— Я, кажется, поздно? — воскликнул фальцетом какой-то юноша с выбившимися из косички длинными рыжими волосами. Потоптавшись у стола, он неохотно сел по другую руку от Ренкина — больше свободных мест за столом попросту не было. Несмотря на молодость, он уже был капитаном, о чем говорили двойные золотые полоски у него на плечах.

— Нисколько, Кэтрин; позвольте налить вам вина, — сказал Ренкин.

Лоуренс, и без того удивленный внешностью

молодого человека, решил, что ослышался, но нет: тот действительно оказался молодой леди. Лоуренс обвел взглядом стол. Это явно не было секретом, и никто не придавал этому никакого значения. Ренкин ухаживал за дамой со всей подобающей вежливостью.

— Позвольте, я вас представлю, — сказал он через пару минут. — Капитан Лоуренс на Отчаянном, мисс… извините, капитан Кэтрин Харкорт на Лили.

— Здравствуйте, — не поднимая глаз, произнесла девушка.

Лоуренс почувствовал, что краснеет. Бриджи показывали ее ноги до мельчайших подробностей, рубашку под мундиром скреплял только шарф у самого горла. Переведя взгляд на ее макушку, он выговорил:

— Ваш слуга, мисс Харкорт.

Это по крайней мере заставило ее вскинуть голову.

— *Капитан* Харкорт. — На бледном лице выделялась россыпь веснушек. С явным намерением постоять за свои права она вызывающе посмотрела на Ренкина.

Лоуренс сказал слово «мисс» машинально, вовсе не желая ее обидеть — но она, видимо, все

же обиделась.

— Прошу прощения, капитан, — тут же извинился он, склонив голову. Обращаться к ней таким образом было действительно трудно, и Лоуренс опасался, что это вышло у него крайне официально. — У меня и в мыслях не было проявить к вам неуважение. — Имя ее дракона он тоже вспомнил; оно показалось ему странным еще вчера, но потом он об этом забыл, поскольку ему и так было о чем подумать. — На вашем попечении, кажется, состоит длиннокрыл?

— Да, моя Лили, — с невольным теплом в голосе ответила девушка.

— Вы, может быть, не знали, капитан Лоуренс, что опекунов мужского пола длиннокрылы не признают. Такова их причуда, за которую мы должны им быть благодарны — ведь она обеспечивает нам столь прелестное общество. — Ренкин почтительно склонил голову, но его иронический тон заставил Лоуренса нахмуриться. Он видел, что девушка испытывает неловкость, которую Ренкин только усугублял. Она снова потупилась, и ее бледные губы сжались в тонкую линию.

— Вы проявили большую отвагу, взяв на себя такие обязанности, м-м… капитан Харкорт. Позвольте поднять этот бокал… э-э… ваше здоро-

вье. — Лоуренс, вовремя спохватившись, только пригубил вино — едва ли было прилично вынуждать это хрупкое создание пить до дна.

— Я делаю не больше, чем все остальные, — пролепетала она и с запозданием подняла свой бокал. — Ваше здоровье.

Он несколько раз повторил про себя ее имя и звание: совершить ту же ошибку вновь было бы из рук вон грубо, однако ввиду странности обстоятельств он не до конца себе доверял. С волосами, так туго зачесанными назад, она в самом деле могла бы сойти за мальчика; вместе с одеждой, которая поначалу ввела его в заблуждение, это оказывало Лоуренсу некоторую помощь. Потому она, должно быть, и носит мужское платье, хотя это безнравственно и противоречит закону.

Он охотно поговорил бы с ней, постаравшись воздержаться от излишних вопросов, но Ренкин, сидящий между ними, препятствовал этому. Пришлось ему обсуждать тему с самим собой. Открытие, что каждый длиннокрыл в воздушных войсках управляется женщиной, шокировало Лоуренса. Даже он чувствовал себя разбитым после сегодняшней тренировки — как же она, такая тоненькая, выдерживает? Правильная сбруя, возможно, снижает нагрузку, но все-таки

трудно себе представить, что женщина способна выносить это день за днем. Жестоко требовать от нее подобных усилий, однако и длиннокрылами, конечно, нельзя пожертвовать. Это одни из самых мощных английских драконов — их можно сравнить только с медными регалами, и воздушная оборона страны без них просто немыслима.

Со всеми этими мыслями и с разговорами, которыми занимал его Ренкин, первый обед прошел гораздо приятнее, чем он мог ожидать. Из-за стола Лоуренс встал в хорошем расположении духа, хотя капитан Харкорт и Беркли все это время молчали.

— Если вы ничем больше не заняты, — сказал Ренкин, — могу ли я предложить вам шахматную партию в офицерском клубе? Мне не часто выпадает такая возможность, а поскольку вы обмолвились, что играете…

— Благодарю за приглашение. Это и мне доставило бы огромное удовольствие, но сейчас прошу меня извинить. Я обещал Отчаянному почитать ему вслух.

— Почитать? — повторил Ренкин с юмором, плохо скрывающим удивление. — Ваша самоотверженность восхищает — впрочем, для нового опекуна это только естественно. Позвольте, одна-

ко, заверить вас, что драконы по большей части вполне способны занять себя сами. У некоторых наших офицеров заведено проводить с ними все свое свободное время, но я не хочу, чтобы вы, глядя на них, сочли это необходимостью или долгом, ради которого приходится жертвовать человеческим обществом.

— Благодарю, но в моем случае вы, право, беспокоитесь понапрасну. Отчаянный для меня самая лучшая компания, и наше общение приносит радость не только ему, но и мне. Буду счастлив присоединиться к вам позже, если вы не слишком рано ложитесь спать.

— Рад это слышать в обоих смыслах и готов вас ждать допоздна. Я здесь на курьерской службе, поэтому не тренируюсь и не должен придерживаться учебного расписания. Вниз я обычно схожу не раньше полудня, как ни стыдно в этом признаться, зато весь вечер буду в вашем распоряжении.

На этом они расстались. Лоуренс пошел к Отчаянному и обнаружил за дверью столовой трех кадетов — светловолосого и еще двоих, каждого с чистыми лоскутьями в кулаке.

— Сэр, не нужно ли вам еще тряпок для Отчаянного? — подскочил к нему белокурый. — Мы

увидели, что он ест, и на всякий случай решили их принести.

— Что это вы тут делаете, Роланд? — осведомился Толли, несущий из столовой посуду. — Вы же знаете, что капитанам докучать не годится.

— Я вовсе не докучаю, — возразил мальчик, с надеждой глядя на Лоуренса. — Просто мне подумалось, что мы можем быть полезны. Он очень большой, а мы с Морганом и Дайером могли бы легко пристегнуться к нему. — И он предъявил некую странную сбрую, которую Лоуренс впервые видел вблизи: толстый ремень с парой лямок, а на лямках что-то вроде стальных петель. Присмотревшись, Лоуренс увидел, что эти петли можно раскрыть и прицепить к чему-то другому.

— У Отчаянного пока еще нет сбруи нужного образца, — сказал он, выпрямившись, — так что вряд ли вы сумеете к нему пристегнуться. Однако, — добавил он, пряча улыбку при виде их разочарования, — мы посмотрим, что можно сделать. Спасибо, Толли, — кивнул он слуге, — я сам с ними управлюсь.

— Да уж вижу, — беззастенчиво ухмыльнулся тот и ушел.

— Итак, вы Роланд? — спросил Лоуренс.

Трое мальчишек поспешали за ним, стараясь

не отставать.

— Да, сэр. Кадет Эмили Роланд, к вашим услугам. А это Эндрю Морган и Питер Дайер, — продолжала девочка, не видя, к счастью, ошеломленного лица капитана. — Мы все третьеклассники.

— И очень хотим вам помочь, — подтвердил Морган, а большеглазый Дайер, самый маленький, только кивнул.

— Превосходно, — сказал Лоуренс, украдкой поглядывая на девочку. Крепенькая, подстриженная кружком, как и мальчики, с голосом едва ли выше мальчишеских. Вполне естественно, что он заблуждался на ее счет, и ничего странного в этом нет, если подумать как следует: Корпус в предвидении новых длиннокрылое должен, разумеется, принимать в кадеты и девочек. Капитан Харкорт, весьма вероятно, тоже училась здесь. Но что у них за родители? Лоуренс не мог представить себе людей, способных отдать дочь на военную службу в столь нежном возрасте.

Во дворе они застали переполох: драконы махали крыльями и голосили вовсю. Почти все они только что поели, и механики хлопотали, протирая на них сбрую. Вопреки словам Ренкина, большинство их капитанов стояли тут, разговаривая со своими подопечными. То же самое

происходило, видимо, каждый день, когда драконы и их опекуны освобождались от занятий.

Лоуренс не сразу нашел в этой суматохе Отчаянного. Тот вышел за ограду, подальше от шума и суеты. Прежде чем заняться им, Лоуренс подвел кадетов к Левитасу. Маленький дракон одиноко свернулся под самой стеной, глядя на других драконов с их офицерами. Сбруя так и осталась на нем, но выглядела намного чище вчерашнего. Кожаные ремни протерли маслом, металлические части отполировали до блеска.

Именно к этим кольцам, как Лоуренс догадывался теперь, авиаторы и пристегивались. Левитас, маленький по сравнению с Отчаянным, был все же крупным созданием, и Лоуренс полагал, что перенести трех кадетов на короткое расстояние ему не составит труда. Дракон встрепенулся, счастливый оказанным ему вниманием, и с горящими глазами принял предложение капитана.

— Ну конечно, я легко подниму вас всех. — Кадеты, не менее счастливые, вскарабкались на него с ловкостью белок, и каждый привычно пристегнулся к двум разным кольцам.

Лоуренс, подергав лямки, убедился, что они держат надежно.

— Хорошо, Левитас. Неси их на берег, а мы с Отчаянным полетим следом за вами. — Он хлопнул винчестера по боку и вышел за ворота, лавируя между другими драконами. При виде Отчаянного он остановился как вкопанный: тот сидел, словно в воду опущенный. От счастливого настроения, в котором он пребывал после утренней тренировки, не осталось даже следа.

— Тебе нехорошо? — Лоуренс заглянул ему в рот. Судя по крови и застрявшему мясу, Отчаянный пообедал плотно. — Может быть, ты что-нибудь не то съел?

— Нет, все хорошо, только… Скажи, Лоуренс, я настоящий дракон?

Он никогда еще не говорил таким жалобным голосом.

— Самый что ни на есть настоящий. Почему ты спрашиваешь? Кто-то сказал тебе плохие слова? — Лоуренс вскипел от гнева при одной мысли об этом. Если авиаторы смотрят с сомнением на него самого — их дело. Пусть говорят, что хотят. Но он не потерпит, чтобы нечто подобное высказывалось Отчаянному.

— Нет-нет, — ответил дракон, однако Лоуренс усомнился в его правдивости. — Плохого никто не говорил, но пока мы ели, они не могли не за-

метить, что я не совсем такой, как другие. У всех драконов окраска ярче, чем у меня, и не так много распорок на крыльях. Еще у них хребет выпуклый, а у меня плоский, и на моих ногах больше когтей. — Отчаянный вертелся и разглядывал себя, перечисляя эти различия. — Из-за этого они смотрели на меня как-то странно, хотя плохого слова никто не сказал. Наверно, это потому, что я китайский дракон?

— Ну конечно, поэтому. Не забывай также, что китайцы — самые искусные в мире драконоводы, — твердо сказал Лоуренс. — Если уж на то пошло, это ты должен служить идеалом для всех остальных, и я умоляю тебя ни на миг не сомневаться в себе. Вспомни только, что говорил утром Селеритас о твоих летных качествах.

— Но ведь огонь я не выдыхаю и кислотой не плююсь, — заметил дракон, все еще удрученный. — И я не такой большой, как Максимус. — А потом помолчал и добавил: — Он и Лили едят первыми. Мы должны ждать, пока они закончат, а потом все вместе охотимся.

Лоуренс нахмурился. Ему не приходило в голову, что у драконов тоже есть своя иерархия.

— Дорогой мой, в Англии никогда не было дракона твоей породы, вот они и не знают, как

с тобой обходиться. — Он старался подобрать объяснение, которое утешило бы Отчаянного. — Может быть, тут учитывается еще и статус их капитанов — ведь я из них самый молодой.

— Тогда это очень глупо. По возрасту ты старше большинства из них, и у тебя большой опыт. — Негодование на то, что так могли подумать о Лоуренсе, помогло Отчаянному преодолеть собственное уныние. — Ты сражался на войне, а они почти все еще только учатся.

— Сражался, но на море, а в воздухе все совсем по-другому. Однако никакое старшинство и никакой опыт еще не гарантируют ума и хорошего воспитания, так что не принимай это близко к сердцу. Уверен, что через год-другой тебя начнут ценить по достоинству. А пока скажи, сыт ли ты? Если нет, мы сейчас же вернемся в долину, где вы охотитесь.

— Да, сыт. В еде недостатка не было. Я брал, что хотел, и другие старались мне не мешать.

Он замолчал, так до конца и не развеселившись.

— Тогда полетели купаться, — сказал ему Лоуренс.

Отчаянный просветлел и чуть ли не час плескался в озере с Левитасом. Когда кадеты отмыли

его дочиста, настроение у него заметно повысилось. Чуть позже он любовно свернулся вокруг Лоуренса, и они устроились почитать на теплых плитах двора. Однако на свою золотую с жемчугом цепь он смотрел чаще обычного и постоянно трогал ее языком. Лоуренс уже знал, что так он делает, когда хочет успокоиться, поэтому читал с чувством и ласково поглаживал переднюю ногу, на которой сидел.

Придя в офицерский клуб, он все еще хмурился, и общее молчание, которым его встретили, задело Лоуренса гораздо меньше, чем можно было предполагать.

— Сэр, — демонстративно козырнул ему Грэнби, стоявший у двери рядом с роялем.

К этой замаскированной наглости трудно было придраться, и Лоуренс ответил на нее как на обычное приветствие.

— Мистер Грэнби, — сказал он, кивнул всем присутствующим и неторопливо прошел дальше. Ренкин сидел за столиком в дальнем углу и читал газету. Увидев Лоуренса, он тут же достал с полки шахматы, и они сели играть.

Голоса зазвучали снова. Лоуренс между ходами наблюдал за комнатой, стараясь делать это не слишком заметно. Теперь глаза у него откры-

лись, и он без ошибки различил среди офицеров нескольких женщин. Их присутствие, насколько он видел, не оказывало на общество какого-то особого сдерживающего влияния. Разговоры, хотя и добродушные, утонченностью не отличались, в клубе стоял шум, и все постоянно перебивали друг друга.

Тем не менее здесь чувствовался дух доброго содружества, и Лоуренс невольно огорчался, что к нему не принадлежит. Он чувствовал, что они не принимают его, и сам их не принимал. Это вселяло в него ощущение одиночества, но он постарался отогнать от себя подобные мысли. Морской капитан всегда одинок, а у него есть Отчаянный, не говоря уж о недавнем знакомстве с Ренкином. Лоуренс перевел взгляд на шахматную доску и больше не смотрел на других.

Ренкин, похоже, давно не играл, но был неплохим шахматистом, а у Лоуренса шахматы числились среди самых любимых занятий, поэтому их силы были примерно равны. Лоуренс упомянул об огорчительных происшествиях, с которыми столкнулся Отчаянный, и Ренкин сочувственно ответил:

— Нехорошо, конечно, что к нему отнеслись без должного уважения, но мой вам совет:

предоставьте ему самому разбираться с этим. В естественных условиях они ведут себя точно так же. Более сильные породы требуют себе львиную долю добычи, слабые уступают. Он сам должен занять подобающее ему место.

— Иными словами, завоевать? Но послушайте, едва ли это разумно. — Лоуренс встревожился. Ему вспомнились рассказы о диких драконах, убивающих друг друга в единоборстве. — Нельзя же допускать, чтобы столь ценные особи бились между собой из-за таких пустяков.

— До настоящих боев дело редко доходит. Они знают, на что способен каждый из них. Ручаюсь вам: он перестанет мириться с таким положением, как только ощутит свою силу, и особого сопротивления ему не окажут.

Лоуренсу не очень-то в это верилось. Он не сомневался, что занять первое место Отчаянному мешает не малодушие, а обостренная чувствительность, подсказывающая ему, что другие драконы недостаточно его ценят.

— И все-таки я хотел бы как-то помочь ему обрести уверенность, — с грустью заметил он, понимая, что теперь каждая кормежка станет для Отчаянного источником новых страданий. Тут ничего не поделаешь, если только не кормить его

отдельно от прочих — а это лишь сильнее заставит его почувствовать свою обособленность.

— Подарите ему какую-нибудь безделушку, и все уладится. Просто поразительно, как это поднимает им настроение. Как только мой зверь начинает дуться, я приношу ему милый пустячок, и он снова счастлив. В точности как с капризной любовницей.

Лоуренс не мог не улыбнуться такому сравнению.

— Я, собственно, хотел справить ему ошейник — такой, как у Селеритаса. Это в самом деле осчастливило бы его, но не думаю, что здесь поблизости можно заказать подобную вещь.

— В этом по крайней мере я могу вам помочь. В качестве курьера я постоянно летаю в Эдинбург, где есть превосходные ювелиры. У некоторых имеются даже готовые украшения для драконов, поскольку здесь на севере много запасников. Если вы не против слетать со мной, я буду только рад. Очередной рейс у меня в эту субботу. Мы можем вылететь утром и к ужину вернуться назад.

— Благодарю, буду вам очень обязан, — сказал приятно удивленный Лоуренс. — Только спрошу разрешения у Селеритаса.

Селеритас, выслушав утром его просьбу, нахму-

рился и взглянул на Лоуренса с прищуром.

— Хотите отправиться с капитаном Ренкином? Хорошо, но другого отпуска вы не получите очень долго. Вам надлежит неотлучно присутствовать при летных уроках Отчаянного.

Лоуренса удивил его строгий, на грани свирепости, тон.

— Уверяю вас, что не имею ничего против. — Неужели тренер подумал, что он отлынивает? — Напротив, я только этого и желаю, поскольку сознаю, что его необходимо подготовить как можно быстрее. Если мое отсутствие вызовет какие-то сложности, прошу вас без колебаний мне отказать.

При этих словах, какой бы ни была причина его первоначального гнева, тренер заметно смягчился.

— Наземной команде все равно понадобится целый день, чтобы подогнать на Отчаянного новую сбрую. Так уж и быть, погуляйте напоследок.

Отчаянный тоже не возражал, и в последующие вечера Лоуренс только и делал, что измерял объем шеи то у него, то у Максимуса (медный регал служил приблизительным эталоном того, каким Отчаянный станет со временем). Отчаянному он сказал, что это нужно для сбруи. Лоуренс

хотел сделать ему сюрприз и надеялся, что это рассеет печаль, в которой дракон теперь пребывал постоянно.

Ренкин с юмором смотрел на его эскизы. У них уже вошло в привычку играть по вечерам в шахматы и садиться рядом во время обеда. С другими авиаторами Лоуренс почти не общался. Он сожалел об этом, но не хотел никому навязываться и довольствовался тем, что имел. Ренкин, как он догадывался, тоже стоял в стороне от их общества — возможно, из-за своих изящных манер, — и они как два изгоя составляли друг другу компанию.

С Беркли он встречался за завтраком и на тренировках. Лоуренс по-прежнему находил его превосходным летчиком и хорошим воздушным тактиком, но и за обедом, и в обществе Беркли все время молчал. Лоуренс не решался вызвать его на откровенность, сомневаясь, что Беркли отнесется к этому положительно, и ограничивался простой вежливостью. Они, в конце концов, были знакомы всего несколько дней — в будущем Лоуренс надеялся лучше понять характер своего партнера по тренировкам.

Он хорошо подготовился к новой встрече с капитаном Харкорт, но та как будто сторонилась его. Лоуренс видел ее только на расстоянии, хотя

Отчаянный скоро должен был войти в отряд ее Лили. Однажды, выйдя к завтраку, он застал ее за столом и, чтобы завязать беседу, спросил, откуда у дракона такое имя — быть может, это уменьшительное, наподобие Волли? Она снова вспыхнула до корней волос и надменно произнесла:

— Мне оно нравится, а вот вы как умудрились так назвать своего?

— Честно говоря, я не имел ни малейшего понятия, какие имена обычно дают драконам, и время не позволяло мне навести справки. — Лоуренс понимал, что совершил оплошность: никто до сих пор его об этом не спрашивал, и он догадывался, что затронул какое-то больное место. — Я назвал его в честь корабля. Первый «Отчаянный» был отбит у французов, а нынешний — это трехпалубник с девяносто восемью пушками, один из лучших наших линкоров.

После его признания Харкорт несколько отошла и сменила гнев на милость.

— Что ж, откровенность за откровенность. У меня все вышло очень похоже. Лили ожидалась лет через пять, и я еще даже не начинала подыскивать имя. Когда скорлупа вдруг сделалась твердой, меня разбудили среди ночи в Эдинбургском запаснике, посадили на винчестера, и я

едва успела в бани к ее появлению. Предложение дать ей имя застало меня врасплох, и я не смогла придумать ничего лучшего.

— Это очень милое имя и прекрасно подходит ей, Кэтрин, — заметил Ренкин, присоединяясь к ним за столом. — Доброе утро, Лоуренс. Вы еще не читали газет? Лорд Пью наконец-то сподобился выдать дочь замуж, а у Ферролда, похоже, с финансами хуже некуда. — Упоминание о людях, которых Харкорт не знала, сразу же исключило ее из участия в разговоре. Лоуренс хотел сменить тему, но та, извинившись, вышла из-за стола, и он лишился возможности продолжить знакомство.

Несколько оставшихся до путешествия дней прошли быстро. Тренер в основном пока проверял, на что способен Отчаянный, и прикидывал, как лучше ввести их с Максимусом в возглавляемый Лили отряд. Селеритас заставлял их проделывать бесконечные круги над долиной-полигоном. Иногда он ограничивал взмахи, иногда требовал показать предельную скорость и всегда добивался, чтобы оба дракона работали в одном ритме. Одно памятное утро Лоуренс от начала до конца провисел вверх ногами. В итоге у него началось головокружение и лицо налилось кровью. Беркли, более грузный, тяжело отдувался, слезая

с Максимуса. Лоуренс поспешил ему на помощь и вернул Беркли на землю.

Максимус взволнованно рокотал, кружа над своим капитаном.

— Перестань кудахтать. Нет ничего смешнее, чем когда такой большой зверюга ведет себя, как наседка. — Беркли упал на стул, который торопливо принесли ему слуги. — Вот спасибо. — Он взял поданный Лоуренсом стакан бренди и стал пить, а Лоуренс тем временем распустил на нем галстук.

— Сожалею, что подверг вас таким испытаниям, — сказал Селеритас, когда Беркли немного отдышался. — Обычно то, что вы проделали за сегодня, растягивается на пару недель. Я, вероятно, слишком спешу.

— Чепуха, я приду в себя очень скоро, — ответил Беркли. — Я чертовски хорошо знаю, что нам нельзя терять ни минуты, поэтому ничего не откладывай на завтра из-за меня.

— Почему все так срочно, Лоуренс? — спросил Отчаянный вечером, перед чтением вслух. — Может быть, скоро состоится большое сражение, в котором мы будем участвовать?

Лоуренс заложил нужную страницу пальцем.

— Жаль тебя разочаровывать, но мы с тобой

слишком зеленые, чтобы посылать нас прямиком в бой. Очень возможно, однако, что лорду Нельсону для победы над французским флотом понадобится длиннокрыл со своим звеном — из тех, что базируются в Англии, — а нам придется это звено заменить. Битва будет поистине великая, и мы внесем большой вклад, даже не участвуя в ней непосредственно.

— Да, но все-таки это не так интересно. А если Франция вторгнется сюда, нам ведь придется драться? — В вопросе дракона слышалась надежда, а не боязнь.

— Лучше бы не пришлось. Если Нельсон потопит их флот, Бонапарту трудновато будет переправить сюда свою армию. Я слышал, правда, что у пего около тысячи лодок, но наши будут топить их дюжинами, если они сунутся в Пролив без прикрытия военного флота.

Отчаянный со вздохом положил голову на передние лапы, а Лоуренс засмеялся и погладил его нос.

— Экий ты кровожадный! Не бойся: ручаюсь, мы побываем во многих боях, когда пройдем обучение. На континенте все время дерутся. Нас могут послать для поддержки боевых действий на море или поручат совершать каперские нале-

ты на французских торговцев.

Отчаянный приободрился и с новым вниманием стал слушать чтение Лоуренса.

В пятницу у них было испытание на выносливость — проверялось, сколько времени оба дракона могут провести в воздухе. Самыми медленными в формировании были два желтых жнеца, поэтому Отчаянному и Максимусу предписывалось выдерживать такую же скорость. Они кружили над долиной, а остальные драконы звена тренировались чуть выше.

Дождь, затянувший окрестности серой завесой, делал задание еще более скучным. Отчаянный то и дело поворачивал голову и с плаксивыми нотами спрашивал, сколько он уже налетал. Всего четверть часа после прошлого вопроса, отвечал ему Лоуренс. Капитан по крайней мере мог наблюдать за маневрами красочного отряда Лили, а бедняге Отчаянному приходилось все время лететь по прямой.

Часа через три Максимус начал сбиваться с темпа, махал крыльями все медленнее и свешивал голову вниз. Беркли повел его на посадку, и Отчаянный остался один. Остальные драконы тоже садились. Лоуренс видел, как уважительно они кивают Максимусу. Слов он сверху не разби-

рал, но драконы явно беседовали о чем-то между собой, пока Селеритас разбирал полет с их капитанами. Отчаянный, тоже видевший это, молча вздыхал. Лоуренс погладил его и мысленно дал зарок привезти ему самые красивые драгоценности, какие только найдутся в Эдинбурге — даже если придется выложить за них половину своего капитала.

На следующее утро он рано вышел во двор, чтобы попрощаться с Отчаянным перед полетом в город. Вышел — и прирос к месту: Левитаса готовили к полету, а стоявший тут же Ренкин читал газету, обращая мало внимания на этот процесс.

— Здравствуй, Лоуренс, — весело сказал ему маленький дракон. — Смотри, вот это мой капитан, он пришел! Сегодня мы летим в Эдинбург.

— Так вы с ним уже беседовали? — Ренкин оторвался от чтения. — Вижу, что вы не преувеличиваете и в самом деле находите общество драконов приятным. Надеюсь, их компания еще не скоро вам надоест. Лоуренс тоже с нами летит — постарайся для такого случая показать хорошее время, — сказал он Левитасу.

— Да-да, непременно, — закивал тот.

Лоуренс в ответ произнес какую-то вежливую фразу, и скрывая растерянность, посмотрел на

Отчаянного. Он не знал, как ему теперь быть. Отказаться от путешествия, не совершив вопиющей грубости, было невозможно, но чувствовал он себя так скверно, будто внезапно заболел. За последние дни он постоянно видел свидетельства заброшенности маленького дракона. Своего опекуна Левитас так и не дождался. Он и его сбруя содержались в относительной чистоте лишь заботами кадетов и механика Холлина, которых поощрял Лоуренс. Поняв, что во всем этом виноват Ренкин, Лоуренс испытал горькое разочарование. Больно было смотреть, как услужливо и благодарно отвечает Левитас на малейшие знаки его внимания.

Пренебрежение, с которым Ренкин относился к собственному питомцу, придавало его замечаниям о других драконах столь же пренебрежительный характер, странный и неприятный для авиатора. Отчуждение Ренкина от других офицеров тоже едва ли объяснялось его изысканным вкусом. Каждый из них, представляясь, тут же называл имя своего дракона. Один лишь Ренкин счел сведения о своем семействе более важными, и Лоуренс только случайно узнал, что Левитас приписан к нему. Ни о чем этом Лоуренс не догадывался и лишь теперь понял, что самым

неосторожным образом завязал близкое знакомство с человеком, которого не мог уважать.

Он приласкал Отчаянного и сказал ему что-то веселое, стараясь приободрить больше себя, чем его.

— Что-то не так, Лоуренс? — спросил дракон, тыкаясь в него носом. — По-моему, тебе нездоровится.

— Нет, все в порядке, уверяю тебя, — сказал Лоуренс, сделав усилие. — Ты уверен, что сможешь без меня обойтись? — со слабой надеждой спросил он.

— Конечно. Ты ведь вернешься к вечеру? Дункана мы дочитали, и теперь можно будет снова заняться математикой. Ты очень интересно объяснял, как во время долгого плавания определить, где ты находишься. Надо только знать время и пару простых уравнений.

В свое время Лоуренс был несказанно рад развязаться с математикой, вбив себе в голову начала тригонометрии.

— Хорошо, займемся. — Он постарался не выдавать своего испуга. — Но, может быть, книга о китайских драконах больше тебе понравится?

— Да, замечательно. Это будет наша следующая книга. Просто удивительно, сколько написано

книг обо всем на свете.

Лоуренс готов был вспомнить латынь и прочесть Отчаянному Ньютоновы «Principia Mathematical»[3] в оригинале, лишь бы занять его и помешать ему огорчаться — поэтому он только мысленно вздохнул.

— Ну хорошо, оставляю тебя на попечение механиков — вот они идут.

Механиков возглавлял Холлин. Он так хорошо смотрел за сбруей Отчаянного и был так внимателен к Левитасу, что Лоуренс попросил Селеритаса назначить его главным в наземную команду империала. Капитан был не совсем уверен в положительном исходе, поскольку это считалось своего рода повышением, и теперь с удовольствием видел, что просьба его удовлетворена.

— Мистер Холлин, — кивнул он молодому человеку, — представьте меня, пожалуйста, своим подчиненным.

Услышав все имена и постаравшись удержать их в памяти, Лоуренс посмотрел в глаза каждому и сказал твердо:

— Уверен, что с Отчаянным у вас осложнений не будет, но при подгонке сбруи прошу не

---

[3] Примечания: 3
«Начала математики» *(лат)*

забывать о том, чтобы ему было удобно. А ты, Отчаянный, не стесняйся и говори им сразу обо всех помехах и недостатках.

На примере Левитаса Лоуренс убедился, что механики способны ухаживать за драконом спустя рукава, если капитан не следит за ними — впрочем, трудно было ожидать чего-то другого. В Холлине Лоуренс был уверен, но другим дал понять, что не потерпит подобного разгильдяйства по отношению к Отчаянному. Если это закрепит за ним репутацию сурового капитана, быть по сему. Возможно, по сравнению с другими авиаторами он такой и есть. Он никогда бы не стал пренебрегать своим долгом, чтобы завоевать популярность у нижних чинов.

— Есть. Так точно, — отвечали они, а на вздернутые брови и переглядывания Лоуренс не обращал никакого внимания.

— Тогда приступайте. — Он кивнул им и с большой неохотой зашагал к Ренкину.

Все удовольствие от поездки пропало. Ему было крайне неприятно стоять рядом, пока Ренкин покрикивал на Левитаса и приказывал ему согнуться пополам, чтобы он, капитан, мог сесть со всевозможным удобством. Лоуренс побыстрее взобрался на свое место и постарался устроиться

так, чтобы его вес не слишком мешал Левитасу.

Хорошо еще, что полет длился недолго. Левитас был очень скор, и земля проносилась внизу с поразительной быстротой. Лоуренс радовался, что разговор при такой скорости почти невозможен, и кратко отвечал на то, что изредка кричал ему Ренкин. Всего через два часа они приземлились на огороженном дворе запасника, под сенью грозных башен Эдинбургского замка.

— Сиди здесь и не приставай к здешним механикам, пока я не вернусь, — велел Ренкин Левитасу и привязал его к столбу, будто лошадь. — Поешь, когда снова будем в Лох-Лэггане.

— Я не буду к ним приставать и с едой тоже подожду, только пить очень хочется, — тихонько ответил Левитас. — Я ведь старался лететь как можно быстрее.

— Скорость в самом деле была отменная, Левитас. Спасибо тебе. Сейчас мы тебя напоим, — сказал Лоуренс, не в силах больше это терпеть. — Эй, вы там! — окликнул он болтавшихся во дворе механиков — те даже ухом не повели, когда Левитас совершил посадку. — Сейчас же налейте в поилку чистой воды, а заодно почистите его сбрую.

Механики несколько удивились, но под жестким взором Лоуренса тут же взялись за работу.

Ренкин не возражал и лишь при выходе на городскую улицу сказал:

— Как же вы с ними носитесь. Меня это, в общем, не удивляет, поскольку так заведено у большинства авиаторов, но должен вам сказать, что дисциплина дает лучшие результаты, чем все это баловство. Левитас, например, всегда должен быть готов к долгим и трудным перелетам, поэтому не следует его распускать.

Лоуренс ощущал неловкость ситуации в полной мере. Он был здесь по приглашению Ренкина и с ним же собирался лететь назад, но все же не удержался:

— Не скрою, я испытываю к драконам самые теплые чувства. Мой опыт показывает, что они достойны величайшего уважения. То, что вы называете баловством, мне кажется самой элементарной заботой. Согласно моим наблюдениям, вынужденные лишения лучше всего переносятся теми людьми, которые раньше не подвергались этим лишениям без всякой необходимости.

— Драконы, как известно, не люди, но я не хочу с вами спорить. — Ответ Ренкина, как ни странно, еще больше разозлил Лоуренса. Если бы тот начал отстаивать свои убеждения, это по крайней мере доказало бы, что он искренне

в них верит. Но Ренкина явно заботили лишь собственные удобства, а рассуждения служили только прикрытием для его небрежности.

Впрочем, они уже подошли к перекрестку, где им предстояло расстаться. Ренкин должен был посетить ряд военных учреждений. Они договорились о встрече в запаснике, и Лоуренс с легким сердцем сбежал от него.

Около часа он бродил по городу без особой цели, стараясь остыть. Левитасу ничем не поможешь, а Ренкин, как теперь ясно, глух ко всякого рода упрекам. Лоуренсу вспоминалось упорное молчание Беркли, замешательство Харкорт, отчуждение других офицеров и непонятное возмущение Селеритаса. Особенно удручало то, что он, предпочитая компанию Ренкина, давал тем самым понять, что одобряет поведение этого человека.

Теперь он нашел объяснение холоду, который встречал повсюду. Оправдываться тем, что он ничего не знал, бесполезно. Он должен был знать. Вместо того чтобы изучить нравы и обычаи своих новых товарищей, он радостно вступил в приятельские отношения с первым попавшимся — с тем, кого они все чурались. Недоверие, которое он питал к их общему мнению, вряд ли может

его извинить.

Лишь с большим трудом Лоуренс взял себя в руки. Исправить то, что он так бездумно напортил за эти дни, будет непросто, но он попытается. Он докажет, не отнимая притом у Отчаянного ни крупицы внимания и заботы, что бесчувствия и разгильдяйства не одобрял никогда. Учтивость и дружелюбие, которое он проявит к Беркли и другим капитанам своего боевого звена, покажет им, что он отнюдь не ставит себя выше их. Все это далеко не сразу изменит его репутацию, но больше он ничего предпринять не может. Главное сейчас — принять твердое решение и терпеть, сколько бы времени это ни заняло.

Выбравшись таким образом из омута душевных терзаний, Лоуренс поспешил в Королевский банк. Его постоянными банкирами были Драммонды в Лондоне, но, получив назначение в Лох-Лэгган, он написал своему призовому агенту с просьбой перевести премию за взятие «Амитье» сюда. Назвав свое имя в эдинбургской конторе, Лоуренс сразу понял, что его просьба исполнена: его тут же проводили в отдельный кабинет и встретили с особым радушием.

Банкир, мистер Доннелсон, был счастлив уведомить его, что в премию включена награда за

Отчаянного и что она равняется сумме, которую могли бы выплатить за яйцо дракона той же породы.

— Сумму эту, насколько я понял, определили не сразу. Нам неизвестно, сколько отдали за яйцо французы, но в конце концов ее приравняли к стоимости яйца медного регала. Рад сообщить вам, что ваши две восьмых от общего приза составили почти четырнадцать тысяч фунтов.

Услышав эту новость, Лоуренс онемел, и лишь бокал превосходного бренди немного привел его в чувство. Он догадывался, что тут не обошлось без хлопот адмирала Крофта, но возражать против результата не приходилось. После коротких переговоров он поручил банку вложить около половины денег в государственный заем, потряс руку мистеру Доннелсону и вышел с грудой золота и банкнот. Ему также любезно вручили письмо, уведомлявшее местных торговцев о его полнейшей кредитоспособности. Настроение у него значительно улучшилось. Способствуя его дальнейшему повышению, Лоуренс накупил книг и стал рассматривать драгоценности, воображая, как обрадуется Отчаянный тому и другому.

Остановился он на широкой, наподобие пан-

циря, платиновой подвеске с громадной жемчужиной, окруженной сапфирами. Подвеска прикреплялась к цепи, которую можно было удлинять по мере роста Отчаянного. Услышав цену, Лоуренс нервно сглотнул, но храбро подписал чек. Мальчик, сбегав в банк, подтвердил, что чек действителен, и Лоуренсу тут же отдали в руки хорошо упакованный, весьма увесистый сверток.

После этого он сразу пошел в запасник, хотя до назначенного времени оставался еще целый час. Левитас так и лежал в пыли, обернувшись хвостом, усталый и одинокий. В запаснике постоянно держали стадо овец. Лоуренс распорядился заколоть одну для курьера, а потом сел рядом и разговаривал с драконом, пока не вернулся Ренкин.

Назад они летели немного медленнее, и Ренкин после посадки был холоден с Левитасом. Лоуренс, уже не заботясь, что может показаться невежливым, похвалил и погладил винчестера, но это не помогло. Несчастный дракон съежился в уголке двора. Делать было нечего. Воздушное командование отдало его Ренкину, и Лоуренс не имел никакого права выговаривать офицеру того же звания и с большей выслугой лет.

Новую сбрую Отчаянного аккуратно сложили на двух скамейках. Шейную постромку украшало его имя, выведенное серебряными заклепками. Сам Отчаянный, задумчивый и немного грустный, снова сидел за оградой и смотрел, как заходит солнце над озером. Лоуренс тут же понес ему свой подарок.

Отчаянный пришел от подвески в такой восторг, что им обоим снова сделалось весело. Белый металл так и светился на черной шкуре. Дракон держал щиток передней лапой и упивался видом жемчужины, расширив зрачки, до предела.

— Как же я люблю жемчуг, Лоуренс! — Он благодарно потерся мордой о своего капитана. — Как он красив! Но это, должно быть, ужасно дорого?

— Ни пенни бы не сбавил, лишь бы посмотреть, как ты радуешься. Пришли призовые деньги за «Амитье», и мой карман теперь полон. Собственно, с меня причитается, потому что больше половины денег мы получили за твое яйцо, которое нашли на борту.

— Ну, я тут ни при чем, хотя и рад, что так вышло. Уверен, что ни одного французского капитана не полюбил бы так, как тебя. Я так счастлив! Ни у кого больше нет такой замечательной вещи. — Отчаянный свернулся вокруг Лоуренса со

вздохом глубочайшего удовлетворения.

Лоуренс взобрался на переднюю лапу и сел, любуясь его блаженством. Да, если бы «Амитье» не задержалась в пути и не попала в плен, Отчаянный достался бы французскому авиатору. Раньше Лоуренс как-то не задумывался об этом. Сейчас француз, наверное, клянет свою злую судьбу. Он, конечно же, уже знает, что яйцо захватили вместе с кораблем, хотя вряд ли слышал, что из этого яичка вышел империал, на которого благополучно надели сбрую.

Зрелище убранного драгоценностями дракона прогнало прочь остатки его горестей и тревог. Что бы ни случилось в дальнейшем, Лоуренс никогда больше не пожалуется на поворот судьбы, осчастлививший его за счет французского бедолаги.

— Я и книги тоже привез, — сказал он. — Не начать ли нам с Ньютона? Я нашел английский перевод его труда о началах математики, но предупрежу тебя сразу: мне совершенно недоступен смысл того, что я буду тебе читать. Из всей математики я постиг только те навигационные крохи, которые мои учителя с трудом вдолбили в меня.

— Да, начинай, пожалуйста. — Отчаянный на миг оторвался от созерцания своих новых сокровищ. — Уверен, вместе мы одолеем эту

премудрость.

Глава седьмая

На следующее утро Лоуренс встал чуть пораньше и позавтракал в одиночестве, чтобы выиграть немного времени перед тренировкой. Вчера вечером он внимательно осмотрел новую сбрую, изучил каждый стежок, испробовал на прочность все кольца. Отчаянный заверил его, что в носке сбруя очень удобна и что механики прислушивались ко всем его пожеланиям. Решив, что небольшое вознаграждение будет здесь только уместно, Лоуренс произвел быстрый подсчет в уме и отправился в мастерские.

Холлин уже работал в своей клетушке и сразу вышел к нему.

— Доброе утро, сэр. Надеюсь, сбруя в порядке?

— В полном. Могу только похвалить. Она просто великолепна, и Отчаянный целиком ее одобряет. Прошу передать всем, что при выплате жалованья добавлю каждому лишних полкроны.

— Благодарю, сэр, вы очень добры. — Холлин обрадовался, но не особенно удивился, и Лоуренс остался очень доволен. Для людей, всегда имеющих возможность выпить в деревне, лишняя порция рома или грога не диво, и платят солда-

там и авиаторам лучше, чем морякам, поэтому он не знал точно, сколько следует дать им на чай. Он хотел вознаградить механиков за усердие, не создавая при этом впечатления, будто покупает их преданность.

— Вас, мистер Холлин, хвалю особо. Сбруя Левитаса выглядит намного опрятнее, и сам он лучше ухожен. Я в долгу перед вами, поскольку знаю, что в ваши обязанности это не входит.

— Пустяки, — широко улыбнулся Холлин. — Малыша это делает таким счастливым, что я прямо-таки рад ему услужить. Всегда теперь буду за ним присматривать. Сдается мне, он у нас одинок, бедняга.

Лоуренс ни за что бы не стал критиковать другого офицера перед механиком, а потому сказал:

— Не сомневаюсь, что он благодарен вам за внимание, — сказал он, — и я тоже буду очень признателен, если вы найдете для него время.

С этой минуты он утратил возможность заняться Левитасом или каким-либо другим посторонним делом. Селеритас счел, что хорошо изучил Отчаянного, и теперь, когда тот получил новую сбрую, принялся за него всерьез. После ужина Лоуренс сразу валился в постель, а на рассвете его будил кто-то из слуг. За обедом он едва заставлял

себя поддерживать самую немудреную беседу. Каждый свободный момент он дремал на солнышке рядом с Отчаянным или лежал в горячей банной купели.

Селеритас был безжалостен и неутомим. Он без конца отрабатывал какой-нибудь поворот, пике или короткий бомбардировочный вылет, во время которого низовые условно бомбили цели, расположенные в долине. Долгие часы посвящались оружейной подготовке — Отчаянному даже глазом не полагалось моргать, когда у него за ушами давали залп из восьми ружей. При командных занятиях он должен быть смирно стоять на месте, когда на него карабкались или что-то делали с его сбруей. День завершался очередным экзаменом на выносливость, и Отчаянный наматывал бесконечные круги над долиной. Время, которое он способен был продержаться в воздухе на максимальной скорости, увеличилось почти вдвое.

Даже в те промежутки, когда Отчаянный восстанавливал дыхание, распластавшись на учебном дворе, тренер заставлял Лоуренса лазать по его сбруе или по вделанным в скалу кольцам. Так капитан приобретал навыки, которые каждый авиатор вырабатывает в самые ранние годы своего ученичества. Это, в общем, не так уж

отличалось от лазания по вантам в шторм, если представить себе корабль, идущий со скоростью тридцать миль в час, способный в любой момент повернуть или перекувырнуться. Первую неделю руки у него то и дело срывались, и если бы не сдвоенные защелки-карабины, Лоуренс уже раз двадцать разбился бы насмерть.

Потом их освободили от ежедневных полетов и передали старому капитану Джоулсону для отработки воздушной сигнализации. Сигналы для типовых сообщений, подаваемые флажками и вспышками, были почти такие же, как на флоте, и Лоуренс их заучил без труда. Существовал, однако, еще и длиннющий список экстренных сигналов для быстрой связи. Некоторые из них включали в себя до шести флажков, и все это требовалось вызубрить наизусть, так как капитан не может полагаться целиком на своего сигнальщика. Точный момент приема и выполнения приказа имеет наиважнейшее значение, поэтому и капитан, и дракон должны разбираться в сигналах. Сигнальщик нужен больше для страховки; в его обязанности входит передача сигналов своего капитана и оповещение о сигналах других боевых единиц, но отнюдь не перевод всех поступающих сообщений.

Отчаянный, к большому конфузу Лоуренса, усваивал эту науку быстрее его самого. Даже Джоулсон удивлялся его успехам.

— И это при том, что для обучения он уже староват, — говорил Лоуренсу капитан. — Обычно мы начинаем показывать им флажки, как только они вылупятся. Раньше я не хотел этого говорить, чтобы вас не обескуражить, но думал, хлопот с ним будет куда как много. Если дракон не знает всех сигналов к полутора месяцам, на него можно махнуть рукой. Ваш уже переросток, а схватывает, будто только что из яйца.

И все же зубрежка утомляла Отчаянного не меньше физических упражнений. Так, даже без перерывов на воскресенья, прошло пять недель. Вместе с Максимусом и Беркли они проделывали маневры возрастающей сложности, готовясь войти в общий строй. Оба дракона сильно вымахали за время ученья. Максимус стал почти с взрослого регала, а Отчаянный не доставал до его плеча всего на один человеческий рост, хотя был гораздо тоньше. Рос империал больше вширь и в крыльях, чем в высоту.

При этом он был очень пропорционален. Длинный грациозный хвост, изящно прижатые к телу крылья — развернутые, они были как раз нужной

величины. Черная шкура затвердела и залоснилась, только нос оставался мягким, а серо-синий узор на крыльях разросся и приобрел молочный отлив. На пристрастный взгляд Лоуренса, он — даже и без огромной жемчужины, сияющей у него на груди, — был самым красивым драконом во всем запаснике.

При таком быстром росте и постоянной занятости грустить Отчаянный почти перестал. Все драконы, кроме Максимуса, теперь уступали ему в размерах — даже Лили в длину была меньше, хотя размахом крыльев все еще превосходила его. В часы кормления он не стремился занять первое место, но Лоуренс стал замечать, что другие драконы невольно уходят в сторону, когда он начинает охотиться. Отчаянный так ни с кем и не подружился, но был слишком занят, чтобы обращать на это внимание — что очень напоминало отношения Лоуренса с прочими авиаторами.

Большей частью они сами составляли друг другу компанию и расставались только на еду и на сон. Лоуренс, честно говоря, мало нуждался в каком-то другом обществе. Он даже рад был, что у него появился хороший предлог не общаться с Ренкином. Отклоняя по уважительной причине все его приглашения, он полагал, что их

знакомство если и не совсем прекратилось, то по крайней мере остановилось в развитии.

Зато благодаря все более близкому знакомству с Максимусом и Беркли они с Отчаянным не чувствовали себя совсем уж оторванными от своих сослуживцев — правда, спать Отчаянный по-прежнему предпочитал за оградой, а не во дворе с другими драконами.

Наземная команда Отчаянного сформировалась полностью. В ее костяк, помимо главного механика Холлина, входили бронемастер Пратт, шорник Белл и канонир Каллоуэй. Штат большинства драконов ограничивался этим числом, но Отчаянный продолжал расти, и его механики вынуждены были согласиться сперва на одного, а потом и на двух помощников. В конце концов у Отчаянного стало всего на несколько человек меньше, чем у Максимуса. Портупейщика звали Феллоуз. Человек молчаливый, но надежный, он занимался этим делом уже лет десять и особенно славился умением выбивать у Корпуса лишних работников. Для Лоуренса он набрал целых восемь грумов, без которых в самом деле было не обойтись: Лоуренс продолжал освобождать Отчаянного от сбруи при малейшей возможности, и тот нуждался в наземной обслуге гораздо чаще

своих сотоварищей.

А вот воздушный экипаж должен был целиком состоять из офицеров и джентльменов. В авиации даже рядовые приравнивались к младшим офицерам, что Лоуренсу, привыкшему видеть десять новобранцев на одного опытного моряка, казалось странным. Свирепой боцманской дисциплиной здесь и не пахло. Бить и стращать таких подчиненных, разумеется, никто бы не стал — провинившегося в самом худшем случае увольняли. Лоуренс не мог отрицать, что такой порядок ему больше по вкусу, хотя и чувствовал себя предателем, критикуя флот даже в мыслях.

В своих офицерах он вопреки опасениям не находил особых изъянов — по крайней мере с первого взгляда. Половина стрелков были совсем зеленые мичманы, едва научившиеся правильно держать ружье, но они стремились добиться большего и уже достигли некоторых успехов. Коллинс слишком горячился, однако обладал верным глазом. Доннел и Данн все еще затруднялись в поиске цели, но перезаряжали быстро. Риггса, их лейтенанта, выбрали не совсем удачно. Будучи сам хорошим, знающим свое дело стрелком, он легко вспыхивал и склонен был делать из мухи слона. Лоуренс предпочел бы более спокой-

ного младшего командира, но людей подбирал не он. Риггс имел выслугу, его отличали. Он по крайней мере заслужил свою должность, что Лоуренс не всегда мог сказать о знакомых морских офицерах.

Верховых, низовых, старших офицеров и наблюдателей еще не назначили. Почти все незанятые младшие офицеры запасника пробовались на Отчаянном перед окончательным выбором. Селеритас объяснил, что это обычная практика: желательно, чтобы авиаторы осваивали драконов самого разного вида — в отличие от наземных рабочих, которые специализируются по отдельным породам. Мартин успешно прошел испытания, и Лоуренс надеялся заполучить его в экипаж. В списке кандидатов числились и другие многообещающие юноши.

По-настоящему Лоуренса беспокоил только выбор первого лейтенанта. Три кандидата, представленные ему для начала, разочаровали его. Все они как будто годились, но звезд с неба не хватали. Придирчивость Лоуренса объяснялась больше заботой об Отчаянном, чем соблюдением собственных интересов. Следующим по списку стал, что еще неприятнее, Грэнби. Он безупречно справлялся со своими обязанностями, величая

Лоуренса сэром на каждом шагу и подчеркивая свое послушание. Это составляло резкий контраст с поведением всех других офицеров, и они чувствовали себя неловко. Лоуренс только вздыхал, вспоминая о Томе Райли.

Кроме этого, все остальное удовлетворяло его, и ему не терпелось покончить с учебными маневрами. Селеритас объявил, что Отчаянный и Максимус уже почти готовы войти в звено. Остался лишь заключительный этап упражнений, выполняемых исключительно вниз головой.

— Смотри, — сказал Лоуренсу Отчаянный в одно ясное утро посреди такой тренировки, — к нам летит Волли. — Лоуренс посмотрел и увидел маленькое серое пятнышко, несущееся к запаснику.

Волли сел прямо на учебном дворе, что во время тренировок считалось нарушением правил, и капитан Джеймс, соскочив наземь, тут же заговорил с Селеритасом. Отчаянный из понятного любопытства притормозил, перекувырнув всю свою команду, кроме Лоуренса — тот уже привык к таким остановкам. Максимус заметил, что остался один, и повернул назад, несмотря на громовые окрики Беркли.

— Как ты думаешь, что там случилось? — не

менее громко осведомился медный регал. Парить он не умел, и ему приходилось летать кругами.

— Не твое дело, бегемотина, — вставил Беркли. — В свое время узнаешь. Может, соизволишь вернуться к маневрам?

— Не знаю — надо, наверное, спросить у Волли, — сказал Отчаянный. — А маневры нам не обязательно продолжать, мы и так уже всему научились. — Эти слова, приличные скорее упрямому мулу, поразили Лоуренса, но не успел он что-то сказать, Селеритас приказал срочно идти на посадку.

— На Северном море, над Абердином, состоялся воздушный бой, — сообщил он без предисловий. — В ответ на поданные городом сигналы бедствия в воздух поднялись несколько драконов из запасника под Эдинбургом. Атаку французов удалось отразить, по Викториатус был ранен. Он очень слаб и едва держится на лету. Вы двое достаточно велики, чтобы поддержать его и доставить сюда. Волатилус и капитан Джеймс вас проводят. Отправляйтесь немедленно.

Волли мчался впереди так, что виден был только его хвост, Максимус же не мог держаться вровень даже с Отчаянным. Лоуренс и Беркли посредством сигнальных флажков и рупоров

договорились, что Отчаянный полетит вперед, а его экипаж будет вспышками указывать Максимусу дорогу.

После этого Отчаянный набрал, по мнению Лоуренса, слишком большую скорость. Абердин находился примерно в ста двадцати милях — не очень большое расстояние для дракона, и отряд из другого запасника, вероятно, двигался им навстречу. Но лох-лэгганской паре предстояло лететь еще и обратно, поддерживая при этом раненого, — и хотя маршрут пролегал над сушей, отдых исключался: ведь вместе с Викториатусом они не поднялись бы с земли. Принимая все это во внимание, темп следовало бы снизить.

Лоуренс, следя за минутной стрелкой прикрепленного к сбруе хронометра, сосчитал взмахи крыльев. Двадцать пять узлов — чересчур быстро.

— Не гони так, Отчаянный! — крикнул он. — У нас еще много работы.

— Я совсем не устал, — ответил дракон, но все-таки, согласно вычислениям Лоуренса, сбавил ход до пятнадцати узлов. Такую скорость он мог выдерживать почти бесконечно.

— Попросите ко мне мистера Грэнби, — передал по цепочке Лоуренс. Вскоре лейтенант,

ловко щелкая карабинами, перелез к нему на командный пост. — Какую скорость вы полагаете наиболее вероятной для раненого дракона? — спросил его Лоуренс.

Лейтенант на сей раз ответил не с холодной официальностью, а вдумчиво и заботливо: ранение любого дракона авиаторы расценивали как дело крайне серьезное.

— Викториатус — парнасиец, средневес покрупнее жнеца. Тяжелых драконов в Эдинбурге нет — значит, в воздухе его держат такие же средневесы. Больше двенадцати миль в час они никак не осилят.

Лоуренс, мысленно переведя узлы в мили, кивнул. Отчаянный сейчас шел почти вдвое быстрее. Учитывая курьерскую скорость Волли, до встречи с другим отрядом им оставалось около трех часов.

— Прекрасно. Можно с тем же успехом заняться чем-то полезным. Пусть верховые для практики поменяются с низовыми, а потом мы, думаю, постреляем.

Сам он был совершенно спокоен, а вот Отчаянный волновался, что было видно по легкому подергиванию его шеи. Еще бы, ведь он летел на свое первое задание! Лоуренс легонько погладил

его и сел задом наперед посмотреть, как выполняются его распоряжения. Одна пара, верховой и низовой, как раз менялись местами, перемещаясь по сбруе так, чтобы уравновесить друг друга. Тот, что был сейчас наверху, пристегнулся и передвинул на одно деление сигнальную черно-белую ленту. Секунду спустя лента снова передвинулась, давая понять, что и нижний закрепился на месте. Маневр прошел без сучка без задоринки: обмен трех верховых и трех низовых, которых нес на себе Отчаянный, занял меньше пяти минут.

— Мистер Аллен! — резко окликнул Лоуренс одного из наблюдателей: старший кадет, ожидающий скорого производства в крыльманы, засмотрелся на других и забыл о своих обязанностях. — Не скажете ли, что сейчас происходит на верхнем норд-весте? Нет, поворачиваться не надо — вы должны отвечать на вопрос в тот самый момент, когда я его задаю. Я поговорю с вашим преподавателем, а пока что займитесь делом.

Стрелки заняли позиции, и Лоуренс кивнул Грэнби. Верховые начали метать в воздух плоские диски-мишени, стрелки открыли огонь. Лоуренс, следя за стрельбами, хмурился.

— Мистер Грэнби, мистер Риггс, я насчитал двенадцать попаданий из двадцати — вы согласны?

Надеюсь, нет нужды говорить вам, джентльмены, что против французских снайперов мы сильно проигрываем. Еще раз, и помедленнее. Сначала меткость, скорость — потом, не спешите так, мистер Коллинс.

Проманежив их так целый час, он приказал продемонстрировать крепеж в штормовых условиях. Затем сам перелез вниз и проследил, как люди возвращаются к режиму хорошей погоды. Палаток на борту не было, поэтому их установка и свертывание не отрабатывались, но такелажные маневры экипаж выполнял достаточно хорошо — пожалуй, даже в боевом снаряжении они справились бы не хуже.

Отчаянный иногда оглядывался назад посмотреть на все это, но основную долю его внимания поглощал полет. Он взлетал и снижался, ловя благоприятные воздушные потоки, крылья у него работали в полный мах. Лоуренс, положив ему на шею ладонь, ощутил, как плавно, будто смазанные, ходят под кожей мускулы. Он не хотел отвлекать дракона разговорами — и без того ясно, что Отчаянный, как и он, рад наконец приложить их общие достижения к настоящему делу. Только сейчас, вновь приступив к действию, Лоуренс осознал до конца, как трудно далось ему превра-

щение в школьника из полноценного офицера.

Хронометр показывал, что намеченные три часа почти на исходе — пора было готовиться к транспортировке раненого. Максимус отставал примерно на полчаса, и до встречи с медным регалом Отчаянный должен был нести Викториатуса один.

— Мистер Грэнби, — сказал Лоуренс, вернувшись к своей обычной позиции, — нужно очистить спину. Переведите всех вниз, кроме сигнальщика и передового наблюдателя.

— Есть, сэр! — ответил Грэнби и тут же начал распоряжаться.

Лоуренс следил за ним со смешанным чувством удовлетворенности и раздражения. Лейтенант впервые за неделю утратил свой надутый, обиженный вид, и результаты не заставили себя ждать. Все команды выполнялись быстрее прежнего. Мелкие недостатки сбруи и размещения на ней экипажа, которых капитан по своей неопытности не замечал, исправлялись на глазах. Атмосфера на борту разрядилась. Грэнби, как и положено хорошему первому лейтенанту, знал множество способов облегчить жизнь экипажа, и это заставляло лишь пожалеть об отношениях, которые сложились у него с Лоуренсом.

Как только они очистили верх, Волатилус развернулся и полетел к ним. Джеймс, сложив руки у рта, прокричал Лоуренсу:

— Я засек их. Два румба к северу, на двадцать градусов ниже. Спускайтесь, чтобы оказаться под ними, потому что подняться он вряд ли сможет. — Для верности Джеймс показал все цифры на пальцах.

— Понял вас, — ответил Лоуренс в рупор и велел сигнальщику передать то же самое флажками. Отчаянный сильно вырос, и расстояние, на которое мог к нему приблизиться Волли, не гарантировало полной слышимости.

Отчаянный тут же пошел на снижение, и скоро пятнышко, замеченное Лоуренсом на горизонте, преобразилось в отряд драконов. Узнать, кто из них Викториатус, не представляло труда: он был в полтора раза больше двух желтых жнецов, удерживавших его на лету. Экипаж уже перевязал раны, нанесенные вражескими драконами, но сквозь бинты проступала кровь. Челюсти и необычайно длинные когти парнасийца тоже были обагрены кровью. Более мелкие драконы кучно шли под ним в нижнем эшелоне, а на самом раненом оставались только капитан и еще с полдюжины человек.

— Просигнальте, чтобы оба сопровождающих приготовились отойти, — сказал Лоуренс. Юный прапорщик замахал флажками, встречные подтвердили прием. Отчаянный к этому времени уже зашел заднему жнецу в хвост и летел чуть ниже его. — Готов, Отчаянный? — спросил Лоуренс.

Маневр, который они не раз отрабатывали на тренировках, сулил немалые сложности: пострадавший дракон едва шевелил крыльями, глаза у него закатились от изнеможения, оба носильщика тоже явно выбивались из сил. Если жнецы и Отчаянный не проделают все предельно быстро и четко, Викториатус сорвется, и остановить его падение будет невозможно.

— Да. — Отчаянный повернул к нему голову. — Надо торопиться, у них очень усталый вид. — Собранный, напряженный, он вошел в ритм жнецов. Ждать больше не было смысла.

— Сигнальте перемену позиций по знаку головного дракона.

Флажки замахали, подтверждение поступило. Красные вымпелы, выброшенные с обоих боков передового жнеца, сменились зелеными.

Задний дракон ушел вниз и вбок, Отчаянный тут же заступил его место, но головной немного замешкался, и Викториатус накренился вперед.

— Пикируй, чертова тварь, пикируй! — что есть мочи заорал Лоуренс. Еще немного, и Отчаянный уткнулся бы головой в хвост жнеца.

Жнец, отказавшись от пилотажа, попросту сложил крылья и камнем упал вниз.

— Приподними его немного, Отчаянный, и продвинься вперед! — закричал Лоуренс, нагнувшись пониже. Круп Викториатуса лег Отчаянному на плечи вместо спины, брюхо нависло в каких-то трех футах над головой капитана.

Отчаянный кивнул, показывая, что понял, и стал под углом забирать вверх. Потом резко сложил крылья, провалился вниз и снова их развернул. Сделав рывок вперед, он занял правильную позицию и снова принял на себя обмякшего Викториатуса.

Лоуренс испытал облегчение, но Отчаянный вдруг вскрикнул от боли. Капитан обернулся и пришел в ужас. Викториатус в помрачении рвал Отчаянного когтями и успел исполосовать ему бок. Другой капитан глухо закричал что-то сверху, парнасиец остановился, но непоправимое уже совершилось. Из ран лилась кровь, изодранная сбруя хлопала на ветру.

Они стали быстро терять высоту. Лоуренс, возясь с карабинами, прокричал сигнальщику,

чтобы тот оповестил нижних. Мальчик съехал до середины шейной шлеи, вовсю махая красно-белым флажком, и Лоуренс благодарно отметил, что Грэнби с двумя людьми уже лезет перевязывать раны — он был к ним ближе, чем капитан. С трудом владея голосом, Лоуренс стал гладить и успокаивать Отчаянного. Тот, не тратя сил на ответ, отважно работал крыльями, но голова у него клонилась все ниже.

— Неглубоко! — крикнул сбоку Грэнби.

Лоуренс перевел дух и снова стал мыслить здраво. Сбруя скользила назад. Плечевая лямка, не говоря уж о более мелких, была рассечена почти полностью и держалась только на вшитой проволоке. Но когда кожа лопнет окончательно, проволока тоже не выдержит. Слишком велик вес людей и снаряжения, переместившийся сейчас вниз.

— Всем снять портупею и передать мне, — скомандовал сигнальщику и наблюдателям Лоуренс: кроме него, наверху оставалось только трое этих мальчишек. — Просуньте руки-ноги под опорный ремень и держитесь как следует.

Авиаторская портупея, надежно прошитая, промасленная, со стальными карабинами, по прочности почти не уступала драконьей. По-

весив все три штуки на руку, Лоуренс полез по спинной шлее в широкую часть плеча. Грэнби и два мичмана, все еще обрабатывавшие борозды от когтей, удивленно вскинули на него глаза. Они не видят, что ремень еле держится, понял он — передняя лапа заслоняет его от них. Звать их на помощь в любом случае было некогда: кожа грозила вот-вот порваться.

Если бы он пристегнулся к одному из колец на пострадавшем ремне, это произошло бы немедленно. Сопротивляясь напору ревущего ветра, Лоуренс сцепил две портупеи за карабины и обмотал вокруг спинной лямки.

— Постарайся лететь как можно ровнее, Отчаянный! — крикнул он. Потом ухватился за концы портупей, отстегнул собственные защелки и осторожно сел на плечо.

Грэнби что-то кричал ему, но ветер относил слова. Лоуренс старался смотреть только на сбрую. Внизу проплывала земля — только что зазеленевшая по весне, странно мирная, пасторальная. Они летели так низко, что он различал на зелени белые точки овец. Слегка дрожащей рукой Лоуренс прикрепил один карабин третьей запасной портупеи к кольцу чуть повыше разрыва, второй — к кольцу чуть пониже и стал тянуть.

Руки до самых плеч болели и тряслись, точно в лихорадке. Дюйм за дюймом он стягивал портупею, пока промежуток между двумя карабинами не сравнялся с разрывом на лямке. На портупею перешла солидная доля нагрузки, и кожа больше не расползалась.

Лоуренс поднял голову. Грэнби медленно взбирался к нему, цепляясь за кольца. Немедленная опасность миновала, и Лоуренс не стал его прогонять, а только попросил вызвать наверх портупейщика, мистера Феллоуза. При виде порванного ремня у Грэнби округлились глаза.

Когда Грэнби перегнулся вниз, чтобы вызвать помощь, в лицо Лоуренсу ударило солнце: Викториатус наверху бился, подергивая крыльями, тяжело повода грудью. Отчаянный дал крен, и влажные ладони Лоуренса стали соскальзывать с ремней, за которые он цеплялся. Зеленый мир кружился внизу.

— Лоуренс, держись! — крикнул Отчаянный, повернув голову. Игра его мускулов и суставов говорила о готовности поймать капитана в воздухе.

— Не дай ему упасть! — в ужасе прокричал Лоуренс: ловя его, Отчаянный непременно сбросит Викториатуса, и тот разобьется насмерть. — Даже

и не думай, Отчаянный!

— Лоуренс! — В ответ на призыв капитана дракон яростно замотал головой, когти у него сгибались и разгибались.

Поняв, что Отчаянный не послушается, Лоуренс из последних сил вцепился в ускользающие ремни. Падение грозило смертью не только ему, но раненому дракону и всему экипажу.

Грэнби, внезапно схватившись двумя руками за портупею Лоуренса, крикнул:

— Пристегнитесь ко мне!

Лоуренс, сразу поняв, о чем он, одной рукой защелкнул свои карабины на кольцах его портупеи и взялся за его нагрудные лямки. Затем сильные руки мичманов подхватили обоих, втащили обратно на спину и держали Лоуренса, пока он перестегивал карабины.

Еще не отдышавшись, он схватил рупор и крикнул:

— Все хорошо! — Его голос звучал еле слышно. Лоуренс сделал глубокий вдох и попробовал еще раз, погромче: — Все в порядке, Отчаянный, лети, лети!

Тугие бугры мускулов внизу расслабились, и Отчаянный немного наверстал высоту. Все это заняло каких-нибудь пятнадцать минут, но Ло-

уренса трясло, как после трехдневного шторма на палубе, и сердце бешено колотилось.

Грэнби и мичманы чувствовали себя едва ли лучше.

— Превосходно, джентльмены, — сказал Лоуренс, когда голос снова стал повиноваться ему. — Дадим мистеру Феллоузу место, чтобы он мог работать. Мистер Грэнби, пошлите, пожалуйста, кого-нибудь к капитану Викториатуса узнать, не можем ли мы чем-то помочь. Мы примем любые меры, лишь бы у раненого больше не было таких приступов.

Они выкатили на него глаза, но Грэнби оправился первым и отдал нужный приказ. Пока Лоуренс с большой осторожностью перелезал на свое капитанское место у основания шеи, мичманы обматывали бинтами когти Викториатуса, чтобы тот снова не поранил Отчаянного, а вдали показался спешащий на помощь Максимус.

Последующий полет прошел, в общем, без происшествий, если не считать происшествием саму воздушную транспортировку дракона в полубессознательном состоянии. Как только спасатели приземлились во дворе запасника, к Викториатусу и Отчаянному тут же сбежались хирурги. Порезы Отчаянного, к великому облегче-

нию Лоуренса, действительно оказались совсем неглубокими. Их забинтовали и предоставили империалу недельный отпуск, чтобы он отсыпался и ел сколько хочет.

Передышка, пусть даже полученная не самым приятным способом, пришлась очень кстати. Лоуренс тут же вывел Отчаянного на широкий луг у запасника, не желая еще раз поднимать его в воздух. Луг, расположенный под горой, но сравнительно ровный, был покрыт мягкой зеленой травой и обращен к югу, так что солнце освещало его почти целый день. Дракон со своим капитаном улеглись на траву и проспали чуть ли не сутки, пока их не разбудил голод.

— Мне гораздо лучше. Уверен, что смогу поохотиться без затруднений, — сказал Отчаянный, но Лоуренс не хотел и слышать об этом. Он поднял на ноги наземную команду, и для Отчаянного забили маленькое стадо скота. Дракон съел все подчистую и снова заснул.

Лоуренс довольно робко попросил Холлина принести что-нибудь и ему. О личных для себя одолжениях Лоуренс просить не любил, но и Отчаянного не хотел оставлять. Холлин ничуть не обиделся и вскоре вернулся на луг вместе с Грэнби, Риггсом и парой других лейтенантов.

— Пойдите поешьте горячего, примите ванну и поспите в своей постели, — предложил Грэнби, махнув остальным, чтобы держались подальше. — Вы весь в крови, а погода пока еще не такая теплая, чтобы спать под открытым небом без вреда для себя. Мы будем дежурить при нем по очереди и пошлем за вами, как только он проснется или вообще что-нибудь переменится.

Лоуренс, растерянно моргнув, обвел себя взглядом. Раньше он не замечал, что его одежда обрызгана драконьей, почти черной кровью. Проведя рукой по небритому лицу, он понял, каким страшным должен казаться. Отчаянный спал крепко, тихо рокоча, и бока его мерно вздымались.

— Думаю, вы правы, — сказал капитан. — Так я и сделаю. Примите мою благодарность.

Грэнби кивнул, и Лоуренс, взглянув напоследок на спящего дракона, зашагал в замок. Осознав, какой он грязный и потный, он сразу почувствовал себя неуютно: роскошь ежедневных купаний его разбаловала. К себе он зашел только переодеться и прямиком направился в бани.

Время было послеобеденное, когда многие офицеры сходились помыться. Лоуренс, окунувшись в бассейне, обнаружил, что парильня набита

битком — но как только он вошел, ему тут же освободили место. Он едва успел отвечать на приветственные кивки. Отуманенный усталостью, Лоуренс растянулся на теплой скамейке, закрыл глаза и только тогда сообразил, что ему оказали не совсем обычный прием. Это так удивило его, что он чуть было не вскочил снова.

— Отличный полет, капитан, отличный, — сказал ему Селеритас вечером, когда Лоуренс запоздало явился с докладом. — Нет, не извиняйтесь за опоздание. Лейтенант Грэнби уже вкратце отчитался за вас, и капитан Беркли сделал подробный рапорт. Нам по душе, когда капитан больше беспокоится о своем драконе, чем о бюрократических формальностях. Надеюсь, Отчаянный поправляется?

— Да, сэр, благодарю вас. Хирурги заверили меня, что тревожиться не о чем, а сам он говорит, что ему уже лучше. Будут ли у вас какие-то задания для меня, пока он выздоравливает?

— Занимайте его — ни на что другое времени у вас все равно не останется. — Селеритас фыркнул, выражая этим веселье. — Но одно поручение у меня все-таки есть. Сразу после выздоровления Отчаянного он и Максимус вступят в отряд Лили. На войне дела плохи и меняются только к

худшему. Флот Вильнёва вышел из Тулона под прикрытием авиации, и неизвестно, где он теперь. При таких обстоятельствах, да еще когда у нас пропадает неделя, ждать больше нельзя. Хочу выслушать ваши пожелания относительно воздушной команды. Вспомните всех, кто летал с вами последнее время, и завтра мы с вами обсудим каждого.

Обратно на луг Лоуренс вышел в глубоком раздумье. Он выпросил у механиков палатку, захватил одеяло и полагал, что отлично выспится у Отчаянного под боком — проводить всю ночь вдали от него ему не хотелось. Дракон попрежнему мирно спал, и жара вокруг его ран не чувствовалось.

— На два слова, мистер Грэнби, — сказал Лоуренс, успокоившись на сей счет. — Селеритас просил меня назвать ему моих офицеров. — Под его пристальным взглядом лейтенант покраснел и отвел глаза. — Не хочу вынуждать вас отказываться от назначения. Не знаю, как в Корпусе, но на флоте такой поступок может сильно испортить человеку карьеру. Если у вас имеются какие-то возражения, скажите сразу, и мы закроем этот вопрос.

— Сэр, — начал Грэнби и тут же осекся. Слиш-

ком часто он употреблял это слово с тайной издевкой. — Капитан, я прекрасно сознаю, что не заслужил такого внимания. Могу лишь сказать, что если вы готовы отнестись снисходительно к моему прежнему поведению, я с огромной радостью буду служить у вас на борту. — Речь Грэнби звучала немного заученно, как будто он уже не раз ее репетировал.

Лоуренс кивнул. Только в интересах Отчаянного он пошел на такой разговор с человеком, неуважительно к нему относившимся, — хотя в недавней переделке тот вел себя как герой. Но Грэнби так выделялся среди других кандидатов, что Лоуренс взял на себя этот риск. Ответ лейтенанта, достаточно честный и почтительный, хотя и весьма неуклюже изложенный, его удовлетворил, и он сказал:

— Хорошо.

Они уже шли назад к остальным, когда Грэнби вдруг прорвало.

— А, черт! Может, я недостаточно ловко выражаюсь, но не могу этого так оставить. Прошу меня извинить, вот что. Я сожалею, что вел себя как ничтожество.

Приятно удивленный Лоуренс не остался, разумеется, глух к тому, что высказывалось с

такой искренностью, и ответил не с меньшим чувством:

— С радостью принимаю ваши извинения. Могу вас заверить, что с моей стороны все забыто, и надеюсь, что отныне мы станем лучшими товарищами, чем были.

Они обменялись рукопожатием. Грэнби сиял и с большой охотой отвечал Лоуренсу, когда тот осторожно попросил его дать характеристики другим офицерам.

Глава восьмая

Еще до того, как сняли бинты, Отчаянный начал приставать к Лоуренсу с купаньем. К концу недели раны зарубцевались, и хирурги нехотя дали свое согласие. Собрав кадетов, которых уже мысленно называл своими, Лоуренс вышел к Отчаянному во двор и увидел, что тот разговаривает с длиннокрылкой, командиром их будущего отряда.

— А тебе не больно, когда ты плюешься? — спрашивал Отчаянный, разглядывая костяные наросты в углах ее пасти, откуда, видимо, и разбрызгивалась кислота.

— Нет, я совсем ничего не чувствую, — сказала Лили, — и на меня не попадает ни капли. Струя образуется, только когда я наклоняю голову, но в строю вы все, конечно, должны соблюдать осторожность.

Сквозь коричневый тон ее сложенных крыльев просвечивало синее и оранжевое, по краям выделялась черная с белым кайма. Глаза у нее, с такими же узкими зрачками, как у Отчаянного, были оранжево-желтые. Эти глаза — и наросты-разбрызгиватели — придавали ей угрожающий

вид, но наземной команде, чистившей на ней сбрую, Лили подчинялась с бесконечным терпением и стояла не шевелясь. Капитан Харкорт прохаживалась вокруг, следя за работой.

Лили взглянула на подошедшего Лоуренса — не злобно, как могло показаться из-за ее желтых глаз, а с простым любопытством.

— Ты капитан Отчаянного? Кэтрин, давай полетим с ними на озеро! Сама я вряд ли полезу в воду, но хочу посмотреть.

— На озеро? — Капитан Харкорт оторвалась от своей инспекции и с неприкрытым изумлением перевела взгляд на Лоуренса.

— Да, мы с Отчаянным собрались искупаться, — ответил он. — Мистер Холлин, наденьте, пожалуйста, легкую сбрую и попробуйте сделать так, чтобы лямки не касались порезов.

Холлин чистил сбрую Левитаса, который только что вернулся с кормежки.

— Ты тоже с ними? — спросил он маленького дракона. — Может, тогда сбрую вовсе не надевать, сэр?

— Буду очень рад, — сказал Левитас, с надеждой глядя на Лоуренса.

— Спасибо, Левитас, — ответил тот. — Это уладит все наилучшим образом. Джентльмены, вас

снова понесет Левитас, — сказал он, обращаясь к кадетам. Он давно уже решил не добавлять «леди» в адрес Роланд и относился к ней так же, как с остальным. — Возьмешь меня, Отчаянный, или мне ехать с ними?

— Конечно, возьму.

— Вы больше ничем не заняты, мистер Холлин? Ваша помощь была бы желательна, а Левитас, конечно, поднимет и вас, если я сяду на Отчаянного.

— Я бы с радостью, сэр, да только портупеи у меня нет. Я еще ни разу не сидел на драконе — не считая, конечно, работ, которые мы делаем на земле. Могу, пожалуй, состряпать что-то из запасных, если вы мне дадите минутку.

Земля содрогнулась — это Максимус опустился на двор.

— Ну что, готов? — спросил он Отчаянного. На спине у него сидел Беркли с парой мичманов.

— Он так долго ныл, что я сдался, — сказал Беркли в ответ на веселый взгляд Лоуренса. — Но, между нами, дурацкая это выдумка — драконов купать. — Его словам противоречили нежные тумаки, которыми он награждал Максимуса.

— Мы тоже летим, — объявила Лили, тихо посовещавшись со своим капитаном. Отчаянный

лапой поднял с земли Лоуренса, который, несмотря на когти, совсем не боялся. В драконьей горсти, за оградой пальцев, сиделось удобно и безопасно, как в клетке.

На глубине плавал один только Отчаянный. Максимус стоял там, где помельче, а Лили смотрела на них с берега, пробуя воду носом. Левитас по привычке ринулся в озеро с разбега, закрыв глаза, и долго брызгался, а потом поплыл по-собачьи.

— Нам тоже заходить? — с некоторой тревогой спросил один из мичманов Беркли.

— Даже и не думайте, — сказал Лоуренс. — Это озеро питают горные снега, мы в нем мгновенно бы посинели. А вот им намокнуть не повредит — потом их гораздо легче будет отмыть от крови и грязи.

— Гм, — сказала на это Лили и с большой осторожностью зашла в воду.

— Ты уверена, что она не слишком холодная для тебя, дорогая? — спросила с берега Харкорт. — Я никогда не слышала, чтобы драконы простужались — надеюсь, этого не случится? — обратилась она к Лоуренсу и Беркли.

— Нет, холод только бодрит их, если погода, конечно, не слишком морозная, — ответил Беркли и заревел: — Максимус, трусишка, заходи поглуб-

же, коли уж вызвался! Я не собираюсь весь день тут торчать.

— Я не боюсь, — с негодованием заявил Максимус и рванулся в озеро. Волна, пошедшая от него, накрыла Левитаса и Отчаянного. Левитас вынырнул, отплевываясь. Отчаянный окатил самого Максимуса, и у них завязалась битва, придавшая озеру вид Атлантики в шторм.

Левитас вспорхнул, полив всех авиаторов холодной водицей.

— Обожаю плавание, — говорил он, пока Холлин и кадеты вытирали его. — Спасибо, что опять меня взяли.

— Ты можешь летать с нами каждый раз, если хочешь, — сказал ему Лоуренс, покосившись на Беркли и Харкорт — но те явно не имели ничего против и не считали, что он вмешивается не в свое дело.

Лили зашла почти по шею, держась в сторонке от бурно плещущихся юнцов, и принялась мыть головой собственный бок. Потом степенно вышла на берег и стала показывать Харкорт и кадетам, где ее потереть, рокоча при этом от удовольствия.

Максимус с Отчаянным, наигравшись вволю, тоже вылезли. Помывка и вытирание Максимуса

заставили хорошо потрудиться Беркли и двух взрослых мичманов. Кадеты скребли спину Отчаянного, а Лоуренс его умывал и улыбался, слушая, как Беркли жалуется на габариты регала.

Ради того, чтобы полюбоваться всей этой картиной, Лоуренс отступил немного назад. Отчаянный говорил с другими драконами совершенно свободно, гордо подняв голову, без следа прежней неуверенности. Сам Лоуренс в былые дни вряд ли выбрал бы для себя столь странное общество, но сейчас ему было тепло и славно в этой товарищеской среде. Он доказал, что чего-то стоит, и помог доказать то же и Отчаянному. Теперь — с глубоким удовлетворением сознавал Лоуренс — они оба заняли свое настоящее место.

Все шло хорошо, пока они не вернулись в запасник. Во дворе стоял Ренкин, одетый в вечерний костюм, и с явным раздражением похлопывал себя по ноге портупеей. Левитас, увидев его, дал «козла» при посадке.

— С чего это тебе вздумалось улетать? — осведомился Ренкин, не дожидаясь, когда Холлин и кадеты сойдут. — Ты должен всегда быть здесь, не считая кормежек, понятно? А вы — кто вам разрешил на нем ездить?

— Левитас любезно согласился подвезти их, что-

бы сделать одолжение мне, капитан Ренкин, — вмешался ссаженный из горсти Лоуренс. — Мы летали недалеко, только на озеро, и сигнал тотчас вернул бы нас в замок.

— Я не желаю разыскивать сигнальщиков, чтобы вернуть своего дракона на место, капитан Лоуренс. Буду очень вам обязан, если вы ограничитесь вашим зверем, а моего предоставите мне, — очень холодно возразил Ренкин. — Теперь ты, конечно, весь мокрый?

— Нет-нет, я почти уже высох, я совсем недолго пробыл в воде. — Левитас съежился и казался еще меньше.

— Будем надеяться. Ну, нагибайся, чего ты ждешь? А вы впредь держитесь от него подальше, — сказал Ренкин кадетам и взобрался на Левитаса, едва не спихнув Холлина.

Лоуренс посмотрел, как они улетают. Беркли и Харкорт молчали, драконы тоже. Миг спустя Лили сердито плюнула. Капли кислоты зашипели, оставив на камне глубокие ямки.

— Лили! — почти с облегчением воскликнула капитан Харкорт, радуясь предлогу нарушить затянувшееся молчание. — Принесите, пожалуйста, масла, Пек, — велела она своему механику и обильно залила кислотные испарения. — Ну

вот. Теперь посыпьте песком, и завтра это можно будет смыть без опаски.

Лоуренс, не совсем доверявший своему голосу, тоже порадовался этой маленькой интермедии. Отчаянный ласково тыкался в него носом, кадеты смотрели испуганно.

— Не надо мне было вылезать с таким предложением, сэр, — сказал Холлин. — Прошу прощения у вас и у капитана Ренкина.

— Ничего подобного, мистер Холлин. — Это прозвучало слишком сурово, и Лоуренс поправил дело, добавив: — Вы ровно ни в чем не виноваты.

— Не понимаю, почему мы должны держаться подальше от Левитаса, — тихо заметила Роланд.

Лоуренс ответил ей без запинки — это сидело в нем не менее глубоко, чем бессильный гнев против Ренкина.

— Потому что вышестоящий офицер дал вам такой приказ, мисс Роланд. Если для вас этого недостаточно, то вы неверно выбрали свой жизненный путь. Я не желаю больше слышать от вас таких замечаний. Отнесите, пожалуйста, протирочный материал в прачечную. Прошу извинить меня, джентльмены, — обернулся он к остальным, — я хочу пройтись перед ужином.

Отчаянный, слишком большой, чтобы потихоньку красться за ним, попросту улетел вперед и подождал Лоуренса на первой лужайке по пути его следования. Лоуренс думал, что ему хочется побыть одному, но, оказавшись в кольце дракона, он с радостью приник к теплому боку, где гудел барабан сердца и мерно шелестело дыхание. Гнев прошел, но Лоуренс чувствовал себя несчастным оттого, что не мог вызвать Ренкина на дуэль.

— Не знаю, почему Левитас это терпит, — сказал Отчаянный. — Он хоть и маленький, но Ренкин намного меньше.

— А почему терпишь ты, когда я прошу тебя надеть сбрую или выполнить какой-то опасный маневр? Это его долг, он так привык. С самого выхода из яйца его приучали к повиновению и всегда обращались с ним так, как теперь. Ему, вероятно, даже в голову не приходит, что можно и по-другому.

— Но он же видит тебя и других капитанов. Ни с кем из нас так плохо не обращаются. — Отчаянный задумчиво вонзил в землю когти. — Я слушаюсь тебя не по привычке и не потому, что не умею думать самостоятельно, а потому, что ты достоин моего послушания. Ты всегда ко мне добр и не стал бы просить о чем-то опасном и

неприятном просто так, без причины.

— Без причины, конечно, нет, но служба у нас с тобой трудная и порой обрекает нас на суровые испытания. — Лоуренс помедлил и мягко добавил: — Я давно собирался поговорить с тобой вот о чем. Обещай мне больше не ставить мою жизнь выше жизни других. Ты ведь понимаешь, что Викториатус для Корпуса неизмеримо важнее, чем я, и о его экипаже тоже не мешало бы вспомнить. Нельзя было рисковать ими, чтобы спасти меня.

Отчаянный охватил его еще более тесным кольцом.

— Нет, Лоуренс, этого я обещать не могу. Извини, но я не хочу тебе лгать. Я просто не мог допустить, чтобы ты упал. Ты, возможно, ценишь их жизни выше своей, а я нет. Для меня ты дороже всех. Тут я тебя слушать не стану. Ты говоришь «долг», но для меня это понятие не очень-то много значит — особенно теперь, когда я начал кое-что понимать.

Лоуренс не знал, что на это ответить. Его трогало, что Отчаянный так дорожит им, но своевольное отношение дракона к приказам вселяло тревогу. При всем доверии к его здравому смыслу Лоуренс в который раз чувствовал, что недоста-

точно старательно учил его дисциплине и долгу.

— Жаль, что я не могу объяснить тебе это как следует, — сказал он уныло. — Может быть, мне удастся подобрать для тебя нужные книги.

— Попробуй. — Отчаянный впервые выразил сомнение относительно книжной премудрости. — Только вряд ли что-то заставит меня думать иначе. Я, конечно, постараюсь, чтобы таких случаев больше не было. Я очень боялся, что не сумею тебя поймать.

— В этом я с тобой согласен, — от души улыбнулся Лоуренс, — и тоже приложу все старания, чтобы подобное больше не повторилось.

* * *

Утром, когда он еще спал в палатке подле Отчаянного, к нему прибежала Роланд.

— Вас зовет Селеритас, сэр. — Лоуренс повязал галстук, облачился в мундир, и они вместе отправились в замок. Отчаянный сонно пробурчал что-то вслед, приоткрыв один глаз. — Вы все еще сердитесь на меня, капитан? — отважилась спросить Роланд.

— Что? — Он не сразу сообразил, о чем она, но потом вспомнил. — Нет, Роланд, не сержусь. Надеюсь, вы уже поняли, что говорить такие вещи

не подобает.

— Да. — Тень сомнения в ее голосе Лоуренс предпочел не заметить. — Я не разговаривала с Левитасом, но не могла не заметить, что он неважно выглядит после вчерашнего.

Идя через двор, Лоуренс тоже бросил взгляд на винчестера. Тот забился в угол, как можно дальше от прочих драконов. Несмотря на ранний час, он не спал, а просто лежал, и тупо уставившись в землю. Лоуренс отвернулся — с этим он ничего поделать не мог.

— Беги, Роланд, ты свободна, — сказал Селеритас. — Извините, что поднял вас в такую рань, капитан. Для начала вопрос: готов ли Отчаянный, по вашему мнению, возобновить тренировки?

— Думаю, да, сэр. Он поправляется очень быстро и вчера без труда слетал на озеро и обратно.

— Хорошо. — Селеритас помолчал и, вздохнув, добавил: — Я вынужден сказать вам, чтобы вы больше не занимались Левитасом.

Горячая краска бросилась в лицо Лоуренсу. Стало быть, Ренкин нажаловался. Лоуренс признавал, что получил по заслугам. Разве он сам стерпел бы, вздумай кто-то учить его командовать кораблем или заботиться об Отчаянном? Оправдать такое поведение было невозможно, и

его гнев быстро сменился стыдом.

— Прошу прощения, сэр, что поставил вас перед необходимостью такого приказа. Могу вас заверить, что больше это не повторится.

Селеритас фыркнул, давая понять, что выговор был сделан скорей для проформы.

— Не надо мне ваших заверений — если б я хоть на миг поверил в их искренность, вы бы упали в моих глазах. В том, что происходит, я виноват не меньше других. Когда мое терпение с ним иссякло, наше командование перевело его в курьеры и посадило на винчестера, а я промолчал из уважения к его деду, хотя и не должен был.

У Лоуренса на душе просветлело, и ему сделалось любопытно, чем таким истощил Ренкин терпение Селеритаса. Ведь не могло же командование сделать подобного субъекта опекуном такого дракона, как тренер-наставник?

— Видимо, вы хорошо знали его деда? — не удержался Лоуренс.

— Мой первый опекун. Сын его тоже служил со мной. — Селеритас отвернулся, понурил голову и добавил: — Я питал надежды и относительно мальчика, но он, по настоянию его матери, воспитывался не здесь, и семья внушила ему странные понятия. Ему не следовало становиться

авиатором, тем более капитаном. Но он капитан и останется им, пока Левитас ему подчиняется. Я не могу позволить, чтобы вы в это вмешивались. Вообразите только, что будет, если все офицеры начнут фамильярничать с чужими драконами. Лейтенанты, жаждущие стать капитанами, рады соблазнить и увести любого, кто не слишком счастлив с опекуном. При малейшем попустительстве у нас воцарился бы хаос.

— Я прекрасно все понимаю, сэр, — склонил голову Лоуренс.

— В любом случае вам придется заняться более неотложным делом, так как с этого дня мы начнем вводить вас в отряд Лили. Отправляйтесь за Отчаянным, а я тем временем соберу остальных.

Обратно Лоуренс шел в задумчивости. Он уже знал, конечно, что дракон крупной породы часто переживает опекуна, если, конечно, оба не погибнут на войне, но никогда не думал о том, как поступает Корпус с осиротевшим драконом. Интересы Британии, разумеется, требовали оставить его на службе с новым опекуном, и Лоуренс полагал, что в данном случае они совпадают с интересами самого дракона. Регулярные занятия помешают ему горевать так, как до сих пор, очевидно, горюет Селеритас.

Вид спящего на лугу Отчаянного взволновал его. У них, конечно, еще много лет впереди, и очень возможно, что превратности войны решат эту задачу за них, но ответственность за будущее счастье Отчаянного лежала на нем тяжелее, чем лежит на ином забота о поместье и титуле. Придется в ближайшее время подумать, как обеспечить это счастье. Очень важно правильно выбрать первого лейтенанта. За несколько лет Отчаянный, быть может, привыкнет к мысли, что когда-нибудь тот заменит Лоуренса.

— Отчаянный, — позвал капитан, гладя его по носу. Дракон открыл глаза и ласково рокотнул.

— Я не сплю. Сегодня опять полетаем? — Он зевнул во всю пасть и затрепыхал крыльями.

— Да, голубчик мой. Пошли надевать сбрую. Уверен, что мистер Холлин ее уже приготовил.

* * *

Отряд обычно строился клином, напоминавшим косяк перелетных гусей, с Лили во главе. Желтые жнецы Мессория и Иммортализ занимали ключевые позиции у нее по бокам, обороняя Лили от атаки с фланга, в хвосте шли более мелкие и юркие бронзовица Дульция и синий паскаль Нитидус. Все они были взрослые и все,

кроме Лили, имели боевой опыт: их специально выбрали для поддержки молодой длиннокрылки, и капитаны с экипажами по праву гордились их мастерством.

Лоуренс понимал, что должен быть благодарен за неустанную муштру последних полутора месяцев. Если бы маневры, которые они отрабатывали тогда, не стали второй натурой для Отчаянного и Максимуса, оба они нипочем бы не угнались за легкой, привычной акробатикой остальных. Их поставили сразу же за Лили, отчего вся формация приобрела вид треугольника. В бою им полагалось отражать любые попытки прорвать строй, защищать отряд от других тяжелых драконов и нести бомбы, которые экипажу надлежало метать в цель, уже подавленную кислотным обстрелом Лили.

Отчаянный, к большой радости Лоуренса, сразу приспособился к другим драконам, хотя ни у кого из них не оставалось особой энергии для игр в свободное время. В редкие часы отдыха они все больше валялись и с добродушным юмором наблюдали, как Отчаянный, Лили и Максимус наверху гоняют в пятнашки. Сам Лоуренс тоже начинал чувствовать себя своим в обществе авиаторов и незаметно для себя перенимал их

неформальное поведение. Так, при разборе очередного полета он назвал капитана Харкорт просто «Харкорт» и осознал это далеко не сразу.

Эти разборы капитаны и первые лейтенанты устраивали обычно за обедом или поздно вечером, когда драконы уже засыпали. Мнение Лоуренса редко встречало поддержку, но близко к сердцу он этого не принимал. Он, хотя и начинал постигать основы воздушного боя, все еще считал себя новичком и едва ли мог обижаться на то, что другие тоже так думают. Если дело не касалось каких-то личных характеристик Отчаянного, он старался помалкивать, слушать и мотать на ус.

Время от времени разговор переходил на более общие военные темы. В их захолустье новости приходили с запозданием примерно на месяц, что еще более усиливало желание все обсудить.

— Чертов французский флот может быть где угодно, — услышал однажды вечером Лоуренс. Это произнес капитан Мессории Саттон, самый старший из них, ветеран четырех войн, склонный к пессимизму и красочным выражениям. — Теперь, улизнув из Тулона, эти ублюдки с тем же успехом могут форсировать Канал. Не удивлюсь, если завтра враг окажется у наших дверей.

Такой случай Лоуренсу упускать не хотелось.

— Уверяю вас, что вы ошибаетесь, — сказал он, садясь. — Вильнёв со своим флотом действительно ушел из Тулона, но ничего серьезного предпринять не может: Нельсон сидит у него на хвосте.

— Вы что-то слышали, Лоуренс? — спросил капитан Дульции Чинери, оторвавшись от игры в двадцать одно с Литтлом, капитаном Иммортализа.

— Да, я получил кое-какие письма — в том числе от Райли, капитана «Надежного». Сейчас он в составе нельсоновского флота. Они преследуют Вильнёва через всю Атлантику, и лорд Нельсон, как пишет Райли, надеется настигнуть француза в Вест-Индии.

— А мы тут ни о чем понятия не имеем! — воскликнул Чинери. — Бога ради, прочтите нам это письмо. Нехорошо с вашей стороны держать все новости про себя и оставлять нас в неведении.

Он говорил с таким жаром, что обижаться не стоило. Другие офицеры выразили сходные чувства, и Лоуренс послал слугу к себе в комнату за тощей пачечкой писем, полученных от бывших сослуживцев, которые знали его новый адрес. Пассажи, касавшиеся лично его, он пропускал, но делал это довольно изящно. Все остальное

авиаторы слушали с жадным вниманием.

— Стало быть, у Вильнёва семнадцать кораблей против Нельсоновых двенадцати? — сказал Саттон. — Тогда я не вижу смысла в погоне. Француз может оборотиться назад. Нельсон зарылся в Атлантику без всякой воздушной поддержки. Ни один транспорт там его не догонит, а драконов в Вест-Индии у нас нет.

— Это ничего, что кораблей у нас меньше, — воодушевленно ответил Лоуренс. — Вспомните, что было на Ниле, сэр, и еще раньше, у мыса Сен-Винсент. Мы не раз одерживали победу при численном перевесе противника, и лорд Нельсон еще ни одного крупного сражения не проигрывал. — Тут он заставил себя сдержаться, не желая прослыть слишком горячим энтузиастом флота.

Другие улыбались, но вовсе не покровительственно, а Литтл сказал в своей обычной спокойной манере:

— Будем тогда надеяться, что посчитаемся с ними. Печально то, что мы, пока их флот цел, находимся в смертельной опасности. Нельсон не может вечно гоняться за ним, а Наполеону хватит двух-трех дней, чтобы удержать Пролив и переправить сюда свою армию.

Это была угнетающая мысль, и все ощутили

на себе ее тяжесть. Беркли, допив свой бокал, прервал наступившую тишину:

— Сидите тут как сычи, если хотите, а я иду спать. У нас своих забот хватает, незачем выдумывать новые.

— Да, мне завтра рано вставать, — поддержала его Харкорт. — Селеритас хочет, чтобы Лили поупражнялась в стрельбе утром, до общих маневров.

— Ну что ж, пойдемте все на покой, — сказал Саттон. — Мы сделаем большое дело, наведя порядок хотя бы в своем отряде. Если представится случай расколошматить флот Бонапарта, одна формация с длиннокрылом непременно понадобится — либо наша, либо какая-то из двух дуврских.

Компания разошлась, и Лоуренс задумчиво поднялся к себе в башню. Длиннокрыл способен плевать в цель с большой меткостью. В первый день их совместных учений Лоуренс видел, как Лили поражает мишени с одного захода, с высоты около четырехсот футов. Ни одна наземная пушка не стреляет так высоко. Лили можно достать разве что из перечницы, но настоящая опасность угрожает ей с воздуха. Она сама будет мишенью для каждого вражеского дракона, а отряд в целом

призван ее защищать. Лоуренс понимал, какая это грозная сила. Не хотел бы он оказаться на корабле под такой формацией. Возможность принести Англии столь ощутимую пользу придавала свежий интерес его ежедневным трудам.

А вот интерес Отчаянного, к несчастью, убывал на глазах. Первейшим условием совместных полетов была точность, сохранение своей позиции по отношению к остальным.

Отчаянный, все время ограничиваемый средней скоростью и маневренностью своего звена, много ниже его собственных возможностей, скоро начал скучать. Лоуренс слышал однажды, как он спрашивает Мессорию:

— А повеселее полеты у вас бывают?

Мессория, заслуженная драконица тридцати лет, вся покрытая боевыми шрамами, служила предметом всеобщего восхищения.

— Скажешь тоже, повеселее, — фыркнула она. — Какое же веселье в бою? Ничего, привыкнешь.

Отчаянный вздохнул и вернулся к занятиям. Больше он не жаловался и послушно выполнял все указания тренера, но энтузиазма не проявлял, что невольно беспокоило Лоуренса. Капитан старался занять его чем-нибудь увлекательным и

продолжал читать ему вслух. Отчаянный все так же интересовался всем, что относилось к математике и прочим наукам, прекрасно все понимал и порой объяснял своему капитану только что прочитанный текст.

Посылка от сэра Эдварда Хоу, которую они получили через некоторое время, пришлась очень кстати. Ученый адресовал ее непосредственно Отчаянному, который пришел от этого в полный восторг. Внутри оказался восточный фолиант о драконах, переведенный самим сэром Эдвардом и недавно опубликованный.

Отчаянный продиктовал очень милое благодарственное письмо, к которому Лоуренс добавил пару строк от себя. Отныне, какую бы еще книгу они ни читали, каждый их день завершался сказками Восточной Азии. Дойдя до конца, они с удовольствием начали сызнова. Иногда Отчаянный просил повторить то, что особенно полюбил, вроде истории о Желтом Императоре, первом селестиале, чей совет способствовал основанию династии Хан. Или о японце Райдене, прогнавшем Кубла-Хана от родных островов. Последний рассказ нравился ему больше других из-за сходства с Британией, которой угрожало нашествие Наполеона.

Рассказ о Чжао Шенге, императорском министре, который проглотил жемчужину из сокровищницы дракона и сам стал драконом, он слушал с грустью. Лоуренс не понимал почему, пока Отчаянный не спросил:

— Ведь это неправда? Ведь на самом деле человек не может превратиться в дракона или дракон в человека?

— Боюсь, что нет, — медленно проговорил Лоуренс. Вопрос о возможности превращений предполагал, что Отчаянный глубоко несчастен, но ответ вызвал у него только легкий вздох.

— Ну да, я так и думал. А жаль. Я читал и писал бы сам, когда захочется, а ты бы мог летать со мной рядом.

Лоуренс с облегчением рассмеялся.

— Мне тоже жаль, но здесь эта процедура описывается как не слишком приятная, да и обратного превращения не предусмотрено.

— Да, отказаться от полетов навсегда я бы не захотел даже ради чтения. И потом, мне очень нравится тебя слушать. Может, прочтем еще сказочку? Про дракона, который принес воду из океана, чтобы во время засухи сделать дождь?

Все эти истории были, конечно, мифами, но сэр Эдвард снабдил их подробными примечаниями,

где сказочные события объяснялись в свете современной науки. Лоуренс подозревал даже, что переводчик, явно большой поклонник восточных драконов, немного преувеличивает. Так или иначе, легендарные герои Востока свою роль сыграли. Отчаянный возымел желание доказать, что и он не хуже, и удвоил старания на тренировках.

Книга оказалась полезной и по другой причине. Вскоре после ее получения в облике Отчаянного появилась еще одна черта, отличавшая его от прочих драконов. Вокруг рта у него начали отрастать тонкие щупальца, а на шее между рожками протянулась тонкая паутинка, похожая на жабо. Отчаянному это очень шло, но делало его несходство с другими еще разительней. Если бы не фронтиспис книги сэра Эдварда, украшенный изображением Желтого Императора точно с таким же жабо, Отчаянный наверняка бы расстроился.

Даже гравюра в книге не до конца его успокоила. Однажды Лоуренс подсмотрел, как он разглядывает свое отражение в озере, вертя головой туда-сюда и закатывая глаза.

— Полно, не то тебя обвинят в тщеславии. — Лоуренс погладил его новые усики. — Они очень красивы, но не надо все время думать о них.

Отчаянный издал непонятный звук и подался вперед, к руке капитана.

— Какое странное ощущение!

— Я делаю тебе больно? — Лоуренс сразу же перестал. Отчаянному он об этом не говорил, но книга легенд оставила у него впечатление, что китайские драконы — по крайней мере империалы и селестиалы — к боевым породам вообще-то не относились. Они сражались, лишь когда стране грозила по-настоящему большая опасность, и славились больше своей красотой и мудростью. Если китайцы намеренно развивали в них эти качества, то усики Отчаянного, по-видимому очень чувствительные, могут сделать его уязвимым в бою.

— Нет-нет, нисколько. — Отчаянный ласково ткнул его носом. — Еще, пожалуйста. — Когда Лоуренс снова стал гладить щупальца, он замурлыкал, потом весь передернулся и прикрыл веками затуманенные глаза. — Это очень, очень приятно.

— О Господи! — Лоуренс убрал руку и в сильном смущении посмотрел вокруг. К его радости, других драконов и авиаторов поблизости не было. — Надо срочно поговорить с Селеритасом. По-моему, у тебя начинается гон. Я мог бы сразу

догадаться, когда они отросли. Это значит, что ты стал совсем взрослым.

— Да? — моргнул Отчаянный. — Хорошо. А ты не можешь еще там погладить?

— Прекрасная новость, — сказал Селеритас, выслушав Лоуренса. — Повязать его мы пока не можем, время не позволяет, однако я очень рад. Не люблю посылать в бой детенышей. Я уведомлю заводчиков — пусть подумают, с кем его лучше скрестить. Добавка китайской крови значительно улучшит наши породы.

— А нельзя ли как-то облегчить… — Лоуренс замялся, не зная, как облечь свой вопрос в пристойные выражения.

— Подумаем и об этом, но я бы на вашем месте не беспокоился, — сухо ответил Селеритас. — Мы не лошади, не собаки и способны владеть собой, во всяком случае, не хуже людей.

Это успокоило Лоуренса. Он боялся, что Отчаянному теперь будет трудно выносить соседство Лили, Мессории и других самок — хотя Дульция, похоже, для него была мелковата, — но страхи его действительно оказались напрасными. Поведение Отчаянного нисколько не изменилось, а осторожных намеков Лоуренса он как будто вовсе не понимал.

И все-таки он постепенно менялся. Лоуренсу все реже приходилось будить его утром — он просыпался сам. Ел он теперь реже, хотя и помногу, и двое суток мог обходиться совсем без еды.

Лоуренс опасался, не нарочно ли он голодает — из-за того, например, что ему не уступают первого места или косо смотрят на его изменившуюся наружность. Через некоторое время эти опасения весьма эффектно развеялись. Отчаянный дожидался на утесе кормежки, а Лоуренс стоял в стороне. К Лили и Максимусу, которых всегда вызывали первыми, на этот раз присоединили еще одного дракона, новичка неизвестной Лоуренсу породы, с почти прозрачными крыльями в мраморных оранжево-желтых прожилках. Он был очень большой, хотя и не больше Отчаянного.

Другие драконы отнеслись к этому без возражений, но Отчаянный вдруг рокотнул (этот звук очень напоминал кваканье, если вообразить себе лягушку в двадцать тонн весом) и ринулся вслед за ними.

Пастухи далеко внизу заметались вокруг загонов. Ясно было, что Отчаянного они прогонять не рискнут — и правильно, поскольку он уже вовсю поедал свою первую корову. Лили и Максимус не возражали, новый дракон, вероятно, подумал,

что так и надо. Миг спустя пастухи выгнали в долину еще немного скота, чтобы все четверо драконов наелись досыта.

— Превосходные стати. Это ваш, не так ли? — обратился к Лоуренсу незнакомец в плотных шерстяных панталонах и простом штатском сюртуке, то и другое с выделкой в виде драконьей чешуи. Этот человек — бесспорно, офицер авиации — держался как джентльмен, но Лоуренса озадачил его сильный французский акцент.

Саттон, сопровождавший неизвестного, представил его как Шуазеля.

— Я только ночью прибыл из Австрии с Прекурсорисом. — Шуазель показал на мраморного дракона, который деликатно кушал вторую овечку, сторонясь крови, брызжущей из третьей жертвы Максимуса.

— Он привез нам хорошие новости, хотя сам не находит их таковыми, — сказал Саттон. — Австрия мобилизуется и снова вступает в войну с Бонапартом. Как бы ему не пришлось покинуть Пролив ради Рейна.

— Мне было бы больно разрушить ваши надежды, — произнес Шуазель, — но не думаю, что такой оборот возможен. Я не хочу показаться неблагодарным: австрияки приютили нас с

Прекурсорисом во время революции, и я перед ними в глубоком долгу. Но их эрцгерцоги дураки и не слушают тех немногих толковых генералов, которые у них есть. Эрцгерцог Фердинанд, противостоящий гению Маренго и Египта — просто абсурд!

— Не нахожу, чтобы при Маренго он действовал так уж блестяще, — возразил Саттон. — Если бы австрияки вовремя подтянули свою вторую воздушную дивизию из Вероны, еще неизвестно, как бы все обернулось. Он удачлив, в этом все дело.

Лоуренс не чувствовал себя настолько сведущим в сухопутной войне, чтобы предлагать свои комментарии, но ему казалось, что замечание Саттона граничит с бравадой. К удаче он питал здоровое уважение, а к Бонапарту удача была благосклонней, чем к другим полководцам.

Шуазель тоже не стал противоречить и лишь едва заметно улыбнулся.

— Быть может, мои страхи беспочвенны, но именно они привели нас сюда: в побежденной Австрии наше положение стало бы аховым. Многие из бывших сослуживцев точат на меня зуб за похищение дракона огромной ценности, — пояснил он, видя вопросительный взгляд Лоуренса. — Друзья предупредили меня, что Бонапарт в случае

переговоров намерен требовать нашей выдачи, а затем обвинить нас в государственной измене. Итак, нам снова пришлось бежать, надеясь на ваше великодушие.

Он говорил в легкой, приятной манере, но глубокие складки на лице выдавали печаль и горечь. Лоуренс сочувствовал этому человеку. Он знавал таких же, как Шуазель, французов, морских офицеров, бежавших от революции и влачивших теперь скорбное существование на берегах Англии. Им жилось еще хуже, чем штатским эмигрантам дворянского звания. Их угнетала необходимость сидеть праздно, пока их страна воюет, и каждая победа англичан была для них как нож в сердце.

— О да, приобретение шансон-де-гера[4] помогло нашему великодушию проявиться во всей широте, — с добродушным сарказмом произнес Саттон. — У нас ведь столько тяжеловесов, что еще одного просто девать некуда, особенно ветерана, красивого и хорошо обученного.

Шуазель слегка поклонился и с нежностью посмотрел на своего дракона.

— Охотно принимаю ваш комплимент за Пре-

---

[4] Примечания: 4
песнь войны (фр.)

курсориса, но и у вас здесь много великолепных зверей. Вон тот медный регал просто уникум, хотя по рожкам видно, что он еще не достиг полного роста. А ваш дракон, капитан Лоуренс, относится, несомненно, к какой-то новой породе? Таких я еще не видывал.

— И вряд ли увидите — для этого вам пришлось бы объехать полсвета, — подтвердил Саттон.

— Это китайская порода, императал, — сказал Лоуренс, разрываясь между нелюбовью к хвастовству и неудержимым желанием похвалиться.

Изумление Шуазеля, хотя и хорошо скрытое, удовлетворило его в высшей степени, но когда дело коснулось истории Отчаянного, он почувствовал себя довольно неловко, рассказывая французу о захвате французского корабля с французским драконьим яйцом на борту.

Шуазель, видимо, уже привык к таким ситуациям и слушал любезно — во всяком случае, внешне. Но Саттону вздумалось еще раз остановиться на постигшей французов неудаче, и Лоуренс поспешил спросить, чем Шуазель будет заниматься в запаснике.

— Здесь, как я понял, проходит подготовку воздушный отряд, в маневрах которого будем участвовать и мы с Прекурсорисом. Возможно

также, что мы войдем в это звено как резерв. Селеритас надеется, что Прекурсорис поучит самых тяжелых ваших драконов летать в строю, ведь у нас почти четырнадцатилетний опыт таких полетов.

Оглушительное хлопанье крыльев прервало их разговор. Первые четверо драконов закончили трапезу, и охотиться вызвали всех остальных. Отчаянный с Прекурсорисом попытались сесть на один и тот же удобный выступ, и Лоуренс поразился, увидев, как Отчаянный оскалил зубы и наморщил жабо.

— Прошу меня извинить, — сказал он поспешно и отошел, подзывая империала к себе. Тот послушно опустился туда, где стоял его капитан.

— Я к тебе и летел, — с легким укором сказал Отчаянный, поглядывая суженными зрачками на Прекурсориса: тот, заняв спорный насест, беседовал с Шуазелем.

— Они наши гости, и учтивость требует им уступать, — выговорил ему Лоуренс. — Не знал я, что ты так ревностно защищаешь свое положение.

Отчаянный копнул землю когтями.

— Он ни чуточки не больше меня и не длиннокрыл, поэтому ядом не умеет плеваться, а огнедышащих драконов в Британии вовсе нет.

Чем он, спрашивается, лучше?

— Никто и не говорит, что он лучше, — заверил Лоуренс, поглаживая напрягшуюся переднюю лапу. — Первенство при кормежке — простая формальность, и ты имеешь полное право есть когда и с кем хочешь. Только, пожалуйста, не заводи ссор. Он и его капитан бежали с континента, от самого Бонапарта.

— Да? — Отчаянный разгладил жабо и с интересом посмотрел на чужого дракона. — Но ведь они говорят по-французски. Зачем им бояться Бонапарта, если они французы?

— Они роялисты, сторонники династии Бурбонов. Эмигрировали, думаю, после того, как якобинцы обезглавили их короля. Во Франции тогда, боюсь, творилось нечто ужасное. Бонапарт в их глазах ненамного лучше, хотя он по крайней мере не рубит головы. Могу тебя заверить, что они ненавидят его еще больше, чем мы.

— Тогда я сожалею, что был с ним так груб. — И Отчаянный, к изумлению Лоуренса, обратился к Прекурсорису по-французски: — Veillez m'excuser, si je vous ai derange.[5]

— Mais non, pas du tout, — тотчас же ответил

---

[5] Примечания: 5

Прошу меня извинить, если я вас чем-то обидел *(фр.)*.

тот, учтиво наклонив голову. — Permettez que je vous presente Choiseul, mon capitaine.[6]

— Et voici Laurence, le mien.[7] — И Отчаянный добавил вполголоса: — Поклонись, пожалуйста, Лоуренс.

Лоуренс послушно расшаркался. Этот обмен любезностями он, конечно, не мог прервать, но его так и распирало от любопытства.

— Откуда ты, ради всего святого, знаешь французский? — спросил он, как только они вылетели на озеро.

— Разве говорить по-французски так трудно? — Отчаянный повернул к нему голову. — По-моему, очень легко.

— Но это, право же, странно. Насколько я знаю, ты никогда не слышал ни одного французского слова, по крайней мере от меня. Я даже «бонжур» выговариваю с трудом.

— Меня удивляет не то, что он говорит по-французски, — сказал Селеритас, когда Лоуренс чуть позже обратился к нему с тем же вопросом, — а то, что вы слышите это впервые. Значит, он, вый-

---

[6] Примечания: 6

Я нисколько не обижен. Позвольте представить вам Шуазеля, моего капитана *(фр.)*

[7] Примечания: 7

А это Лоуренс, мой капитан *(фр.)*

дя из яйца, сразу же заговорил по-английски?

— Нуда. Нас, признаюсь, поразило, что он вообще говорит. Вы видите в этом что-то необычное?

— В том, что он заговорил, — нет, но язык мы постигаем еще в яйце. Зародышем он провел несколько месяцев на французском судне, поэтому я не удивлен, что он знает французский. Гораздо более странно, что он выучил английский всего за неделю. Он говорил бегло?

— С первого же мгновения. — Лоуренса порадовало это новое доказательство необычайной одаренности Отчаянного. — Ты не перестаешь меня удивлять, голубчик, — добавил он, трепля дракона по шее. Тот горделиво приосанился.

Тем не менее Отчаянный сделался очень щепетильным, особенно там, где касалось Прекурсориса. Враждебности он не выказывал, но явно стремился доказать, что ни в чем французу не уступает. Это стремление усилилось, когда Селеритас начал привлекать шансон-де-гера к маневрам.

Прекурсорис, к тайному довольству Лоуренса, держался в воздухе не так грациозно, как Отчаянный, но он и его капитан имели большой опыт и хорошо владели многими видами маневров. Отчаянный взялся за работу с обновленным

усердием. Иногда Лоуренс, выходя из столовой после обеда, видел, как он летает один над озером, совершенствуясь в том, что раньше находил таким скучным. Даже часть отведенного для чтения времени он посвящал тренировкам. Он заработался бы до полного изнеможения, если бы Лоуренс его не удерживал.

В конце концов капитан обратился за советом к Селеритасу, надеясь, что тренер как-то уймет Отчаянного или переведет его соперника в другое место. Но Селеритас, выслушав его, спокойно ответил:

— Вас заботит благополучие вашего дракона, капитан Лоуренс, и это понятно — я же в первую очередь должен думать о его выучке и о нуждах Корпуса. Вы ведь не станете отрицать, что после появления Прекурсориса он начал делать большие успехи?

Лоуренс опешил. Мысль, что Селеритас намеренно поощряет соперничество двух драконов, показалась ему чуть ли не оскорбительной.

— Сэр, Отчаянный всегда старался, никогда не отлынивал от работы, — начал он, но фырканье тренера прервало его гневную речь.

— Полегче, капитан. Я сказал это не в обиду ему. По правде говоря, он чуточку слишком умен

для идеального строевого бойца. При других обстоятельствах мы сделали бы его вожаком или отправили в независимый полет, где он показал бы себя в полном блеске. Но настоящее положение дел и его тяжелый вес требуют, чтобы он воевал в строю и, следовательно, обучался общим маневрам, которые попросту неспособны занять все его внимание. Не совсем обычная жалоба, но я уже сталкивался с этим, и признаки хорошо мне знакомы.

Крыть было нечем — Селеритас говорил чистую правду. Видя, что Лоуренс молчит, тренер продолжил:

— Соревнование добавляет перца и побеждает естественную скуку, грозящую смениться разочарованием. Поощряйте его, хвалите, убеждайте в своей привязанности, и борьба за первенство с другим самцом не принесет ему никакого вреда. В его возрасте это только естественно, а Прекурсорис в качестве соперника предпочтительней Максимуса: француз достаточно взрослый, чтобы не принимать этого всерьез.

Лоуренс не разделял тренерского оптимизма, ведь Селеритас не видел, сколько волнений доставляет Отчаянному эта борьба. При этом он не мог отрицать, что его собственная позиция

крайне эгоистична. Да, ему не по душе, что Отчаянный так изводит себя, но что же делать? От них от всех требуют полной отдачи.

Здесь, на тихом зеленом севере, легко забыть, что Британия находится в серьезной опасности. Согласно донесениям, в Вест-Индии Вильнёв со своим флотом опять ускользнул от Нельсона, и тот теперь ищет французов по всей Атлантике. Вильнёв явно намерен соединиться с брестской флотилией и попытаться занять Английский канал. В каждом порту французского побережья у Бонапарта скопилось огромное количество судов, которые только и ждут, чтобы переправить через Пролив его армию.

Лоуренс много месяцев прослужил в блокадном оцеплении и знал, как трудно поддерживать дисциплину бесконечными монотонными днями, не видя врага. Здесь у них ландшафт более разнообразен, игры и книги тоже вносят толику оживления — но воздушные маневры, как он понял теперь, по-своему не менее коварны, чем скука на море. Обдумав все это, он поклонился.

— Мне понятен ваш замысел, сэр. Благодарю вас за разъяснения. — Тем не менее он решил удерживать рвение Отчаянного в разумных пределах и, если получится, освежать его интерес

другими способами.

Так у него впервые родилась мысль заняться с Отчаянным тактикой. Дракон усваивал новый предмет без труда, и скоро их уроки перешли в настоящие дискуссии, полезные как для Отчаянного, так и для Лоуренса: капитану это заменяло авиаторские дебаты, в которых он не участвовал.

В итоге они стали придумывать собственные маневры, целью которых было совместить незаурядные способности империала с более медленным темпом остального звена. Селеритас одобрял их идею, но необходимость скорейшей подготовки всего отряда вынуждала его отложить этот план на будущее.

Лоуренс откопал на чердаке старый штабной стол, попросил Холлина починить сломанную ножку и поставил его на лугу, где по-прежнему спал Отчаянный. Стол представлял собой диораму с решетчатой крышкой. Фигурок драконов у Лоуренса не было, и вместо них он подвесил на нитки кусочки дерева, чтобы перемещать их по всей решетке.

Отчаянный с самого начала проявил инстинктивное понимание тактики воздушного боя. Он сразу определял, возможен такой-то маневр или

нет, и в случае положительного решения говорил, как его можно осуществить. Новые версии чаще всего придумывал именно он. Лоуренс, со своей стороны, лучше понимал преимущество отдельных позиций и показывал, как увеличить боевую мощь в той или иной ситуации.

Дискуссии, оживленные и громогласные, стали привлекать других членов экипажа. Начало положил Грэнби, робко попросив разрешения присутствовать на занятиях. Когда Лоуренс дал согласие, примеру Грэнби последовали второй лейтенант Эванс и многие мичманы. Опыт наделил их знаниями, которых недоставало Лоуренсу с Отчаянным, и они внесли немало дополнений в первоначальный план.

— Меня уполномочили, сэр, предложить вам испробовать новые маневры на практике, — сказал капитану Грэнби через пару недель. — Мы будем только счастливы посвятить этому свои вечера. Стыдно было бы не показать всего, на что мы способны.

Лоуренс был глубоко тронут. Он видел, что это не просто энтузиазм — его офицеры не меньше самого капитана хотели, чтобы Отчаянный был оценен по достоинству, не меньше капитана гордились своим драконом.

— Если завтра вечером людей соберется достаточно, можно будет попробовать, — решил он.

За десять минут до срока офицеры, отобранные в его экипаж, собрались все до единого. Лоуренс слегка оторопел, вернувшись с Отчаянным после купания: только сейчас, увидев их в строю, он заметил, что даже на этот необязательный вылет они явились при полном параде. Другие экипажи частенько расхаживали без галстуков и мундиров, особенно в это жаркое время; опрятный вид своего экипажа Лоуренс невольно воспринял как комплимент собственной подтянутости.

Мистер Холлин с наземной командой тоже присутствовал. Отчаянного, хотя он от нетерпения топтался на месте, быстро облачили в боевую упряжь, и экипаж бросился занимать места.

— Все на борту и пристегнуты, сэр, — доложил Грэнби, заняв свою стартовую позицию на правом плече Отчаянного.

— Отлично. Отчаянный, мы начнем со стандартного патрулирования в ясную погоду, повторив это дважды, а по моему сигналу перейдем к измененной версии.

Отчаянный, сверкая глазами, кивнул и взвился в воздух. Это был самый простой из их новых маневров, и дракон справлялся с ним без труда.

Когда он проделал очередной головоломный поворот, Лоуренс понял, что главную сложность представляет неподготовленность экипажа. Стрелки выбили едва ли половину очков, а на боках Отчаянного осталась зола: наполненные ею мешки, изображавшие бомбы, при падении попали в него.

— Нам предстоит потрудиться, мистер Грэнби, прежде чем показывать это начальству, — сказал капитан.

Грэнби печально кивнул.

— Так точно, сэр. Может, он для начала немного сбавит скорость?

— Неплохо бы и нам внести поправки в свой проект, — ответил Лоуренс, рассматривая зольные пятна. — Когда он закладывает такой вираж, бомбы бросать нельзя: риск, что мы заденем его, слишком велик. Надо выжидать и сбрасывать все разом, пока он летит по прямой. При этом мы рискуем не попасть в цель, но этот риск в отличие от предыдущего допустить можно.

Сейчас Отчаянный описывал круг, и верховые с низовыми поспешно готовились к новой бомбардировке. На этот раз «бомбы» ухнули вниз, не оставив новых следов. Стрелки на этом этапе тоже отстрелялись намного лучше. Повторив

то же самое с полдюжины раз, Лоуренс остался доволен.

— Когда при всех пяти новых маневрах мы научимся четко сбрасывать запас бомб и доведем точность стрельбы хотя бы до восьмидесяти процентов, можно будет устроить демонстрацию для Селеритаса, — сказал Лоуренс экипажу после посадки. Авиаторы спустились на землю, а наземная служба, сняв с Отчаянного сбрую, начищала ему бока. — Полагаю, это вполне достижимо. Хвалю всех, джентльмены, за хорошую, старательную работу.

Раньше он был скуп на похвалы, чтобы подчиненные не подумали, будто он хочет к ним подольститься, но сейчас расщедрился и рад был видеть, как приятно его офицерам от таких слов. Все они, как один, готовы были продолжать испытания. Четыре недели спустя Лоуренс стал подумывать об официальном показе, но окончательное решение принял не он.

— Любопытную штуку вы проделали вчера вечером, капитан, — сказал Селеритас после утренней тренировки, когда все драконы звена приземлились и экипажи сошли. — Давайте попробуем это завтра в строю. — Он кивнул, отпуская Лоуренса, и тот созвал всех для последнего

испытательного полета.

Поздно вечером они с Отчаянным остались вдвоем. Оба так вымотались, что просто сидели рядом и отдыхали, но от Лоуренса не укрылось, что Отчаянный чем-то обеспокоен.

— Полно тебе нервничать, — сказал капитан. — Завтра ты отлично все выполнишь. Ты в совершенстве овладел всеми маневрами от начала и до конца. Мы тянули только ради того, чтобы лучше вышколить экипаж.

— Об этом я не волнуюсь, но что, если Селеритас не одобрит наши маневры? Получится, что все это время мы потратили зря.

— Он бы нам не дал заниматься этим, если б считал маневры совсем никуда не годными. В любом случае мы не потратили зря ни минуты. Экипаж стал относиться к своим обязанностям с головой и работает теперь как часы. Если даже Селеритас поставит нам самый низкий балл, я буду считать, что мы провели эти вечера с пользой.

Отчаянный, утешившись, заснул, и Лоуренс тоже вздремнул у него под боком. Летнее тепло, несмотря на начало сентября, еще держалось, так что обошлось без простуды. Вопреки вчерашним благоразумным речам он вскочил спозаранку и с собственным волнением справиться до конца

не сумел. Большинство его экипажа собралось к завтраку в такую же рань. С некоторыми Лоуренс вступил в разговор и поел плотно (будь он один, он выпил бы только кофе).

Отчаянный в полной сбруе уже ждал их на учебном дворе, беспокойно помахивая хвостом. Селеритаса еще не было, другие драконы их отряда начали собираться только через пятнадцать минут. К этому времени Отчаянный со своим экипажем успел сделать несколько кругов в воздухе. Особенно волновались крыльманы и наиболее юные мичманы. Лоуренс для успокоения нервов заставлял их меняться местами.

Прилетела Дульция, за ней Максимус. Отряд был в полном сборе, и Лоуренс снова посадил Отчаянного на двор. Селеритас все еще не появлялся. Лили зевала, Прекурсорис тихо беседовал с Нитидусом, синим паскалем. Тот тоже говорил по-французски: его яйцо купили во французском питомнике задолго до начала войны, когда отношения между двумя странами еще допускали подобные сделки. Отчаянный по-прежнему смотрел на Прекурсориса исподлобья, но Лоуренс решил, что сейчас это даже к лучшему: пусть хоть чем-нибудь отвлечется.

Вверху замелькали пестрые крылья. За сни-

жающимся Селеритасом разлетались в разные стороны несколько бронзовиков и винчестеров. Чуть ниже следовали в южном направлении два желтых жнеца вместе с Викториатусом, хотя парнасиец еще не совсем поправился. Все драконы звена сели смирно, капитаны умолкли, и насыщенная ожиданием тишина воцарилась еще до того, как Селеритас опустился на землю.

— Флот Вильнева обнаружен и заперт в Кадисском порту вместе с испанскими кораблями. — Пока тренер сообщал эту новость, из замка выбежали слуги с наспех упакованными коробками и мешками. Даже горничных и поваров привлекли к сборам. Отчаянный, не дожидаясь приказа, встал, другие драконы тоже. Наземные команды уже разворачивали багажные сетки и начинали крепить палатки.

— Мортиферус направлен в Кадис, а Лили должна тотчас же лететь на Пролив, чтобы его заменить. Там остается Эксидиум, ветеран с восьмидесятилетним опытом. Вы, капитан Харкорт, будете тренироваться с ним, когда только время позволит. Командиром звена назначаю пока капитана Саттона. Не потому, что вы плохо справлялись — просто теперь, когда мы вынуждены сократить тренировки, на этом месте нужен

более опытный офицер.

Звеном обычно командовал капитан передового дракона, возглавлявшего все маневры, но Харкорт согласилась с новым распоряжением без всякой обиды.

— Да, конечно, — кивнула она. Голос у нее звучал чуть тоньше обыкновенного, и Лоуренс посочувствовал ей. Лили вылупилась неожиданно рано, и Харкорт стала капитаном, едва успев завершить собственное образование. Эта кампания, вполне вероятно, у нее первая.

Селеритас, в свою очередь, одобрительно кивнул ей.

— Вам, капитан Саттон, надлежит советоваться с капитаном Харкорт, когда только это возможно.

— Разумеется. — Саттон, занявший свое место на Мессории, поклонился Харкорт.

Багаж уже увязали, и Селеритас осмотрел сбрую каждого дракона поочередно.

— Хорошо, Проверим, как держится груз. Максимус, начинай.

Над двором поднялся ветер. Драконы один за другим поднимались на задние ноги, махали крыльями и докладывали, что груз закреплен надежно.

— Наземные команды на борт, — скомандовал Селеритас. Холлин и его люди пристегнулись к подбрюшной сбруе. Когда они доложили, что готовы, сигнальщик Тернер по знаку Лоуренса поднял зеленый флажок. Миг спустя такие же флаги подняли на Максимусе и Прекурсорисе. Мелкие драконы приготовились еще раньше.

Селеритас, присев, окинул их взглядом и произнес:

— Счастливо.

Никаких церемоний больше не предусматривалось. Сигнальщик Саттона поднял флажок «звено на взлет», и Отчаянный стартовал вместе с другими, заняв свое место рядом с Максимусом. Дул попутный норд-вест. Они поднялись за облака, и Лоуренс увидел далеко на востоке освещенное солнцем море.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава девятая

Ружейный залп, прошедший совсем близко, шевельнул волосы Лоуренса. Позади грянули ответные выстрелы. Отчаянный, пролетая мимо, ударил французского дракона, оставив на синей шкуре длинные рваные следы, а сам грациозно увернулся.

— Судя по окрасу, это флер-де-нюи,[8] сэр, — прокричал Грэнби. Его волосы трепал ветер.

Раненый дракон с ревом заложил петлю для следующего захода. Его экипаж лез затыкать раны от когтей, не нанесшие особо серьезного ущерба.

— Мистер Мартин, готовьте заряд! — еще громче крикнул Лоуренс. — Сейчас мы им устроим. — Драконы этой породы, тяжелые и опасные, были ночными хищниками и не переносили яркого света. — А вы, мистер Тернер, предупредите о вспышке.

С Мессории пришло подтверждение. Желтая жница во главе формации сама отражала атаку французского средневеса. Лоуренс, чтобы при-

---

[8] Примечания: 8
ночной цветок *(фр.)*

влечь внимание Отчаянного, похлопал его по шее.

— Мы ослепим флер-де-нюи светом, — громко сообщил он. — Держи позицию и жди сигнала.

— Я готов, — ответил Отчаянный, подрагивая от волнения.

— Только будь осторожен, — не удержавшись, добавил Лоуренс. Французский дракон был гораздо старше, на что указывали его боевые шрамы, и Лоуренс опасался, как бы избыток самоуверенности не довел Отчаянного до беды.

Флер-де-нюи понесся на них стрелой, снова пытаясь пройти «бочкой» между Отчаянным и Нитидусом. Не оставляло сомнений, что он хочет разбить строй, ранить одного из драконов и сделать Лили уязвимой для атаки с тыла. Саттон уже дал сигнал о новом маневре: повернуться кругом и позволить Лили самой атаковать флер-де-нюи, самого крупного из нападающих, — но прежде следовало отразить этот новый наскок.

— Всем приготовиться к вспышке! — скомандовал Лоуренс в рупор.

Черно-синий живой снаряд все так же мчался на них. Такой скорости Лоуренсу еще видеть не доводилось. На флоте размен залпами мог продолжаться минут пять, здесь атака занимала едва

ли минуту, и противник тут же разворачивался для новой. На этот раз француз шел ближе к Нитидусу, не желая повторять знакомства с когтями Отчаянного. Синий паскаль, более мелкий, не удержал бы позицию против напора превосходящей массы врага.

— Лево на борт, иди на сближение! — приказал капитан Отчаянному.

Огромные черные крылья тут же проделали поворот. Ни один другой дракон тяжелого класса не сумел бы выполнить этот приказ с такой быстротой. Белесые глаза вражеского дракона инстинктивно обратились на них, и Лоуренс крикнул:

— Зажигай!

Сам он зажмурился как раз вовремя. Световой разряд прошел даже сквозь сомкнутые веки, и флер-де-нюи взревел. Открыв глаза, Лоуренс увидел, что Отчаянный полосует когтями брюхо противника, а стрелки поливают огнем вражеских низовых.

— Отчаянный, держи строй, — крикнул капитан; еще немного, и звено ушло бы вперед.

Империал, поспешно замахав крыльями, занял свое место. Сигнальщик Саттона поднял зеленый флажок, и вся формация, описав тугую петлю,

проделала разворот. Лили, открыв пасть, неслась вперед с громким шипением. Флер-де-нюи еще не прозрел, из его ран хлестала кровь. Экипаж тщетно пытался увести его в сторону.

— Сверху! Сверху! — Левый наблюдатель Максимуса тыкал куда-то в небо. В тот же миг оттуда обрушился громовой рев, а следом показался гран-шевалье.[9] Из-за бледного брюха наблюдатели не заметили его в облаках, и теперь он, распустив когти, падал прямо на Лили. Он был почти вдвое больше нее, а весом превосходил даже Максимуса.

Мессория и Иммортализ, к испугу Лоуренса, резко ушли вниз. Именно такой реакции опасался Селеритас при внезапной атаке сверху. Нитидус затрепетал крыльями, но удержал позицию, Дульция тоже устояла, однако Максимус рванул вперед, а сама Лили закрутилась на месте. Боевой порядок сменился хаосом, и ее никто больше не прикрывал.

— Ружья товсь, цельсь прямо в него! — заорал Лоуренс.

Отчаянный не нуждался в сигналах: замерев в воздухе на пару мгновений, он тут же ринулся

---

[9] Примечания: 9
большой рыцарь *(фр.)*

на защиту Лили. Шевалье был слишком близко, но они, нанеся первый удар, могли еще спасти Лили от самого худшего и дать ей время напасть самой.

Четверо других французских драконов снова пошли в атаку. Отчаянный, сделав рывок, увернулся от когтей пешера-куронне[10] и налетел на шевалье в тот самый миг, когда тот запустил когти в спину Лили.

Драконица пронзительно закричала от боли и ярости. Все три дракона свились в один клубок, машущий крыльями, орудующий когтями. Лили, не способную плевать вверх, следовало поскорее вывести из свалки, но Отчаянный сильно уступал величиной шевалье, и тот вонзал свои стальные когти все глубже. Экипаж Лили бил по ним топорами.

— Бомбу сюда, — приказал Лоуренс. Он собирался метнуть ее в подбрюшную сбрую шевалье, несмотря на риск задеть Лили и Отчаянного.

Отчаянный, раздувая бока, продолжал кромсать шевалье. От его рева у Лоуренса болели уши. С другой стороны, заслоненный от Лоуренса тушей француза, столь же оглушительно взревел

---

[10] Примечания: 10
король-рыбак *(фр.)*

Максимус. Совместная атака подействовала, и шевалье, клекоча не менее громко, отпустил Лили.

— Отрывайся, Отчаянный, заслони Лили от него! — закричал Лоуренс.

Отчаянный послушно бросил врага и спикировал. Израненная длиннокрылка быстро теряла высоту. Недостаточно было отогнать шевалье: теперь, пока она снова не изготовилась к бою, ей грозили другие драконы. Капитан Харкорт отдавала команды, которых Лоуренс не разбирал. Подбрюшная сбруя Лили внезапно отвалилась, как большой невод, и рухнула в Английский канал вместе с бомбами, багажом и прочей оснасткой. Наземная команда пристегнулась к другим лямкам.

Лили, избавленная от лишнего груза, с огромными усилиями снова пошла на подъем. Раны ей затыкали тампонами, но Лоуренс даже издали видел, что их надо зашить. Максимус схватился с шевалье, но пешер-куронне и флер-де-нюи, составив клин с третьим средневесом, готовились к новой атаке на Лили. Отчаянный, заняв позицию чуть выше нее, угрожающе шипел и шевелил окровавленными когтями. Лили набирала высоту слишком медленно.

Прочие британские драконы уже оправились от испуга, но порядок не восстанавливался. Харкорт хватало забот с Лили, Мессорию внизу атаковал последний французский дракон, пешер-райе.[11] Французы явно вычислили, что командир звена — Саттон, и удерживали его подальше от боя. Лоуренс невольно отдавал должное их стратегии. Он, как самый молодой капитан звена, не мог принять на себя командование, но ситуация вынуждала к каким-то немедленным действиям.

— Тернер! — окликнул он сигнальщика, но команду отдать не успел: другие британцы уже сгрудились около них.

— Сигнал «группировка вокруг ведущего», сэр, — показал Тернер.

Сигнал подавали с Прекурсориса, занявшего обычное место Максимуса. До встречи с французами он из-за преобладающей скорости ушел далеко вперед, но наблюдатели Шуазеля, видимо, доложили о бое, и он повернул обратно. Лоуренс постучал Отчаянного по плечу, чтобы обратить его внимание на флажки.

— Вижу, — крикнул тот и мигом занял предписанную позицию.

---

[11] Примечания: 11
рыбак-полосатик *(фр.)*

Сигнал сменился другим, и Лоуренс подвел империала чуть ближе. Нитидус тоже подтянулся к ним, и они вместе закрыли брешь на месте отсутствующей Мессории. «Совместный подъем звена», — просемафорили следом. Лили в окружении всех остальных приободрилась и немного ускорила темп. Кровь у нее наконец унялась. Французский клин рассыпался, не решаясь атаковать Лили в лоб и понимая, что британцы вот-вот поднимутся вровень с их шевалье.

«Максимусу выйти из боя», — просигналили с Прекурсориса.

На регале и шевалье ружья палили вовсю. Максимус напоследок полоснул когтями врага и отошел вбок — на долю мгновения раньше, чем следовало, поскольку звено еще не достигло нужного уровня и Лили требовалось какое-то время для подготовки.

На борту у шевалье поднялся крик: экипаж, заметив свежую угрозу, снова уводил его вверх. Раны, даже столь многочисленные, не вывели огромного дракона из строя, и он по-прежнему поднимался быстрее Лили. Вскоре Шуазель подал сигнал «прекратить подъем», и они отказались от погони.

Французы собрались в неплотную гроздь, по-

кружили, обдумывая новое нападение, — и вдруг улетели на северо-восток вместе с бросившим Мессорию пешером-райе. Все наблюдатели Отчаянного, крича что-то, показывали на юг. Лоуренс, оглянувшись через плечо, увидел летящих к ним на большой скорости десятерых драконов. Длиннокрыл во главе отряда сигналил английским кодом.

Длиннокрыл, тот самый Эксидиум, и его отряд проводили новое пополнение до самого Дуврского запасника. Два местных тяжеловеса, клетчатые крапивники, по очереди поддерживали Лили. Она держалась неплохо, но голова у нее падала, и посадку она совершила с большим трудом. Как только экипаж в ускоренном темпе спешился, драконица тут же рухнула наземь. Капитан Харкорт плакала навзрыд, не стесняясь. Пока длиннокрылкой занимались хирурги, она стояла у самой морды Лили, гладила ее и шептала ласковые слова.

Лоуренс направил Отчаянного на самый край посадочной площадки запасника, чтобы дать больше места раненым. Максимус, Иммортализ и Мессория тоже пострадали — далеко не так серьезно, как Лили, но слышать их крики было тяжело. Лоуренс, внутренне содрогаясь, погладил

гибкую шею Отчаянного и возблагодарил судьбу за быстроту и ловкость империала, избавившие его от такой же участи.

— Давайте разгрузимся без промедления, мистер Грэнби. Нужно будет подумать, чем помочь экипажу Лили — они, кажется, потеряли весь свой багаж.

— Есть, сэр, — ответил Грэнби и начал распоряжаться.

На лечение, разгрузку и кормление драконов ушло несколько часов. Новоприбывших приятно удивили размеры запасника — один только выгон, где пасся крупный скот, занимал около сотни акров, и найти удобную лужайку для Отчаянного труда не составило. Отчаянный, находясь в большом возбуждении после своего первого боя, в то же время очень волновался из-за Лили. Даже ел он вопреки обыкновению для порядка, без удовольствия. Лоуренс в конце концов приказал экипажу убрать недоеденные туши.

— Поохотимся утром, незачем себя принуждать, — сказал он дракону.

— Спасибо. Сейчас мне и правда не очень хочется есть. — Отчаянный прикрыл глаза и лежал смирно, пока его мыли. Лоуренс, оставшись с ним наедине, подумал, что он уснул, но дракон

приоткрыл один глаз и спросил: — Лоуренс, после боя всегда так бывает?

Лоуренсу не нужно было спрашивать, как именно: усталость и горе Отчаянного бросались в глаза. Труднее было ответить на вопрос дракона. Лоуренс очень хотел бы успокоить его, но этому мешали его собственные чувства. Состояние злости и взвинченности, знакомое по прошлым годам, никогда еще не держалось так долго. Он побывал во многих, не менее опасных боях, но сегодняшний разительно отличался от прежних. Сегодня враг угрожал не кораблю, а его дракону, успевшему стать для Лоуренса самым дорогим существом на свете. Ранения Лили, Максимуса и других «неродных» ему драконов звена тоже ни в коей мере не оставляли его равнодушным, потому что он видел в них братьев по оружию. Все здесь было совсем не так, как на море, и Лоуренс понимал, что оказался морально не готов к внезапной атаке.

— Да, боюсь, что последствия часто тяжелы — особенно, если твой друг ранен или, хуже того, убит. Могу сказать, что этот бой мне дался особенно трудно, ведь мы не искали его, и он не принес нам никакой выгоды.

— Это правда. — Отчаянный лежал грустный,

жабо у него на шее обвисло. — Было бы легче, если бы мы дрались ради чего-то, тогда и Лили бы ранили не напрасно. Они просто взяли и набросились на нас. Нам даже защищать было некого.

— А вот и нет. Ты, например, защищал Лили. И заметь, что французы предприняли хитрую, совершенно неожиданную атаку. Численность у нас была равная, но они нас превосходили по опыту, между тем мы одержали победу и прогнали их прочь. Ты не находишь, что тут есть чем гордиться?

— Да, наверное. — Отчаянный немного расправил плечи. — Лишь бы с Лили было все хорошо.

— Будем надеяться. Не сомневайся, для нее сделают все, что только возможно. — Лоуренс погладил дракона по носу. — Ты, должно быть, очень устал. Может, уснешь? Почитать тебе что-нибудь?

— Вряд ли мне удастся уснуть, но тебя я послушал бы с удовольствием. Просто полежу и отдохну, пока ты читаешь. — Сказав это, Отчаянный сладко зевнул и заснул прежде, чем Лоуренс достал книгу. Осень брала свое, и ровное дыхание дракона облачками подымалось в похолодевшем воздухе.

Лоуренс, оставив его, зашагал к дому. В полях,

где спали драконы, горели фонари, впереди призывно светились окна. Соленый воздух, несомый с моря восточным ветром, смешивался с медным драконьим запахом, привычным и почти не замечаемым. Лоуренсу выделили теплую комнату на втором этаже, с окном в сад. Его вещи уже распаковали и убрали в шкаф. Помятая одежда наполнила его душу скорбью. Прислуга запасников, видимо, имела об аккуратности такие же смутные представления, как и сами авиаторы.

В столовой для старших офицеров, несмотря на поздний час, стоял шум. Капитаны их звена собрались за длинным столом, но к пище почти не притрагивались.

— Как там дела у Лили? — спросил Лоуренс, садясь на свободное место между Беркли и Чинери, капитаном Дульции. Из всего отряда отсутствовали только Харкорт и капитан Иммортализа Литтл.

— Он разодрал ее до кости, чертов трус, — больше мы ничего не знаем, — сказал Чинери. — Ее до сих пор зашивают, и она совсем ничего не ела.

Дурной знак, понял Лоуренс. Обычно раненые драконы, если их не слишком мучает боль, становятся прямо-таки прожорливыми.

— А Максимус, Мессория? — посмотрел он на

Беркли и Саттона.

— Наелись и спать залегли. — Лицо Беркли, всегда безмятежно-спокойное, теперь осунулось, на лбу темнела полоска крови. — Чертовски проворно сработали нынче, Лоуренс. Если б не вы, мы могли ее потерять.

— Недостаточно проворно, — сказал Лоуренс, прервав согласные возгласы других капитанов. Он не хотел получать похвалы за сегодняшний бой, хотя и гордился подвигами Отчаянного.

— Проворнее, чем мы все. — Саттон осушил бокал — судя по цвету его носа и щек, не первый. — Проклятые лягушатники застали нас врасплох. Какого черта они там патрулировали, хотел бы я знать!

— Маршрут из Лэггана в Дувр не такой уж секрет, Саттон. — К столу подошел Литтл, и все подвинулись, чтобы дать ему место. — Иммортализ успокоился и начал понемногу есть. Передайте мне, кстати, того цыпленка. — Он отломил ножку и жадно принялся за еду.

При взгляде на Литтла у других тоже проснулся аппетит, и на ближайшие десять минут за столом стало тихо. Они ничего не ели с тех пор, как наспех, еще до рассвета, позавтракали в запаснике близ Миддлборо. Вино здесь было неважное, одна-

ко Лоуренс осушил несколько стаканов подряд.

— Они, думаю, затаились между Феликстоу и Дувром. — Литтл, насытившись, вытер губы и продолжил свою прежнюю мысль. — Чтоб я еще хоть раз полетел с Иммортализом этим путем… Нет уж, теперь только над сушей, разве что самим подраться захочется.

— Ваша правда, — от души согласился с ним Чинери. — А, Шуазель, добрый вечер; придвигайте себе стул.

— Счастлив вам доложить, джентльмены, что Лили начала есть. Я только что от капитана Харкорт. — Роялист поднял бокал. — Могу ли я предложить тост за здоровье обеих?

— Слушайте, слушайте! — вскричал Саттон, заново наливая себе, и все с огромным облегчением выпили.

— Ужинаете? Прекрасно, прекрасно. — К ним присоединился адмирал Лентон, командующий дивизионом и, следовательно, всеми драконами Дуврского запасника. — Нет-нет, не вставайте, что за глупости. (Лоуренс и Шуазель поднялись, когда он вошел, остальные с запозданием последовали их примеру.) Обойдемся без церемоний после такого дня. Дайте-ка лучше сюда ту бутылку, Саттон. Вы уже знаете, что Лили начала

есть? Врачи надеются, что через пару недель она начнет понемногу летать, а вы тоже недурно попортили их тяжелую гвардию. Пью за ваш отряд, джентльмены!

Напряжение и тревога наконец-то отпустили Лоуренса. Весть, что Лили и другие раненые вне опасности, очень его утешила, а вино растворило тугой комок в горле. Остальные, видимо, испытывали сходные чувства. Разговор не вязался, и все потихоньку клевали носом.

— Я уверен, что гран-шевалье зовут Триумфалис, — говорил Шуазель адмиралу. — Я его уже видел: во Франции это один из самых опасных бойцов. Когда мы с Прекурсорисом покидали Австрию, он определенно находился в Дижонском запаснике, и меня это, признаться, пугает, джентльмены. Бонапарт ни за что не перевел бы его сюда, не будь он уверен в победе над Австрией. Он наверняка послал и других французских драконов на помощь Вильнёву.

— Я и раньше был склонен с вами согласиться, капитан, а теперь просто уверен, что так все и есть, — произнес Лентон. — Но пока нам остается только надеяться, что Мортиферус доберется до Нельсона раньше, чем французские летуны до Вильнёва, и что мы справимся со своим делом

здесь. Не будь у нас Лили, Эксидиума пришлось бы оставить в Дувре: не удивлюсь, если как раз из-за этого на вас и напали. Именно так он, проклятый корсиканец, и мыслит.

Лоуренс невольно вспомнил о «Надежном», которому, возможно, в этот самый момент грозило нападение с воздуха, и о других британских кораблях, блокирующих Кадис, — кораблях, на которых служили его друзья и знакомые. Если даже британские драконы прилетят первыми, большого морского сражения не миновать, и о многих он больше никогда уже не услышит. Последние месяцы он был так занят, что никому не писал, и теперь очень жалел об этом.

— Есть ли какие-то вести от тех, кто держит осаду Кадиса? — спросил он. — Военные действия уже были?

— Нет, насколько я знаю, — ответил Лентон. — Да, как же — ведь вы у нас флотский, верно? Ну что ж. Все, у кого звери остались целы, будут патрулировать над Проливом. Можете слетать на флагман за новостями. Они вам чертовски обрадуются. Мы при наших нехватках уже месяц как не носили им почту.

— Завтра и начинать? — спросил Чинери, не совсем успешно подавляя зевок.

— Нет, денек отдыха я вам дам. Побудьте с драконами. — Лентон отрывисто хохотнул. — Но уж послезавтра я подниму вас еще до зари.

Отчаянный спал долго и крепко, подарив Лоуренсу несколько свободных часов после завтрака. За столом капитан встретился с Беркли, и они вместе отправились навестить Максимуса. Медный регал, поглощавший одного барана за другим, только пророкотал что-то в виде приветствия.

Беркли взял с собой бутылку довольно скверного вина, которую большей частью сам и прикончил. Лоуренс пил только из вежливости. Они заново обсудили вчерашний бой, чертя все его перипетии на земле и галькой обозначая драконов.

— Нам бы еще кого-нибудь легкого, вроде сизаря, чтобы летал над звеном в качестве наблюдателя, — сказал Беркли, усаживаясь на камень. — Дело в том, что все наши большие драконы молоды, а когда крупные начинают паниковать, мелочь, даже опытная, тоже поневоле пугается.

— Надеюсь, что после этого приключения они по крайней мере перестанут бояться таких сюрпризов, — кивнул Лоуренс. — Да и французы не

скоро дождутся столь идеальных условий. Без облачного покрова этот номер у них не прошел бы.

— Разбираете вчерашнюю баталию, джентльмены? — Шуазель, шедший мимо, присел на корточки над чертежом. — Очень сожалею, что пропустил начало. — Мундир у него запылился, галстук весь пропотел. Похоже было, что он не переодевался с прошлого вечера, и белки глаз у него покраснели.

— Вы, верно, всю ночь не ложились? — спросил Лоуренс.

— Мы с Кэтрин… с Харкорт посменно дежурили при Лили — та ни за что не хотела оставаться одна. Обоим удалось немножко соснуть. — Шуазель зевнул во весь рот, чуть не свалился набок и сказал поддержавшему его Лоуренсу: — Мерси. Я вас оставлю — нужно принести Кэтрин поесть.

— Ступайте отдыхать, я сам принесу, — сказал Лоуренс. — Отчаянный все равно спит, и мне нечего делать.

У самой Харкорт сна не было ни в одном глазу. Все еще бледная, но значительно успокоившаяся, она отдавала команды своему экипажу и кормила Лили из рук парной говядиной. Ласковые, подбадривающие слова нескончаемым потоком текли с ее уст. Лоуренс принес ей хлеба с беко-

ном. Харкорт, не желая отвлекаться, протянула окровавленную руку за сандвичем, но Лоуренс уговорил ее отойти чуть в сторону, умыться и поесть толком, оставив при Лили своих офицеров. Лили продолжала заглатывать мясо, поглядывая на Харкорт золотым глазом.

Шуазель вернулся, когда капитан еще не закончила завтракать, без галстука и мундира. За ним шел слуга с горячим кофейником.

— Ваш лейтенант ищет вас, Лоуренс. Отчаянный зашевелился. — Шуазель тяжело опустился на землю рядом с Харкорт. — Я так и не уснул больше — кофе меня взбодрил.

— Благодарю вас, Жан-Поль. Буду только рада вашей компании, если вы не слишком устали. — Харкорт пила уже вторую чашку. — А вы, Лоуренс, идите скорей, успокойте Отчаянного. Спасибо, что заглянули.

Лоуренс откланялся, испытывая неловкость впервые после того, как преодолел шок от знакомства с ней. Она, видимо совершенно бессознательно, прислонилась к плечу Шуазеля, а тот смотрел на нее с нескрываемой нежностью. Она совсем еще молода, невольно подумал Лоуренс, и приглядеть за ней некому.

Впрочем, не будь даже эти двое так измучены,

в присутствии Лили и всего экипажа ничего дурного с ними не произойдет. Лоуренсу обстоятельства никак не позволяли остаться, и он поспешил к Отчаянному.

Остаток дня он провел спокойно. Сидя, на своем обычном месте в изгибе передней лапы Отчаянного, Лоуренс писал письма. В море, где досуга было более чем достаточно, он завел обширную переписку, и теперь приходилось наверстывать упущенное. Мать за истекшее время написала ему несколько раз, второпях — видимо, втайне от мужа. Письма от нее, во всяком случае, приходили без почтового сбора, и Лоуренс при получении сам их оплачивал.

Отчаянный с лихвой вознаградил себя за скудный вчерашний ужин. Лоуренс прочитал ему письма, и дракон добавил от себя приветы леди Эллендейл и Райли.

— И попроси капитана Райли передать мои наилучшие пожелания команде «Надежного». Кажется, что это было давным-давно, правда, Лоуренс? Я уже столько месяцев не пробовал рыбы.

Такой способ отсчета времени позабавил Лоуренса.

— Да, случилось много всего. Странно думать, что с тех пор не прошло и года. — Он запечатал

конверт, надписал адрес. — Надеюсь, что у них там все хорошо. — Это письмо было последнее, и Лоуренс, примиренный со своей совестью, положил его на внушительную стопку других. — Роланд, — позвал он, и девочка прибежала, оторвавшись от игры в камушки. — Отдайте это курьеру.

— Сэр, могу я отпроситься у вас на вечер? — неуверенно спросила она, беря письма.

Он пришел в недоумение. Несколько крыльманов и мичманов обратились к нему с такой же просьбой, желая, видимо, сходить в город. Их он отпустил, но чтобы десятилетний кадет, не будь он даже девочкой, в одиночестве слонялся по Дувру?

— Вы просите только за себя или за кого-то еще? — Возможно, кто-то из старших пригласил ее на совершенно невинную прогулку, реши Лоуренс.

— За себя, сэр. — Она смотрела с надеждой, и Лоуренс подумал даже, не пойти ли с ней самому — но без него Отчаянный вновь мог предаться мрачным думам о недавнем сражении.

— Может быть, в другой раз, Роланд, — сказал он мягко. — В Дувре мы долго пробудем, и у вас, ручаюсь, еще будет случай его посетить.

— Д-да, сэр, — пробормотала она. Отказ так расстроил ее, что Лоуренс почувствовал себя виноватым.

Отчаянный посмотрел ей вслед.

— Лоуренс, может, и нам посмотреть город, если там есть что-нибудь интересное? Вон сколько наших туда идет.

— Милый ты мой. — Лоуренс пришел в затруднение. Как объяснить, что главная достопримечательность Дувра — обилие портовых проституток и дешевая выпивка? — Там, конечно, много жителей, и развлечений тоже хватает.

— И книги там можно купить? Но я никогда не видел, чтобы Данн и Коллинс что-то читали, а им очень хотелось пойти — они весь вечер только об этом и говорили.

Лоуренс мысленно проклял злосчастных мичманов, усложнивших ему задачу. Мщение рисовало в уме картины того, чем он заставит их заниматься в ближайшие дни.

— Есть еще театр, концерты, — сказал Лоуренс, но ему неприятно было выдумывать и обманывать Отчаянного — тот, как-никак, уже вырос. — Однако боюсь, что кое-кому хочется просто выпить и погулять в дурном обществе.

— А, понимаю — продажные женщины, — ска-

зал Отчаянный. Пораженный Лоуренс едва не упал со своего сиденья. — Я не знал, что в городах они тоже есть, но теперь понял.

— Но где ты, скажи на милость, мог о них слышать? — Его избавили от необходимости объяснять, но Лоуренс вопреки здравому смыслу чувствовал себя оскорбленным из-за того, что Отчаянного вздумал просветить кто-то другой.

— Мне рассказал Виндикатус в Лох-Лэггане. Я все думал, зачем офицеры ходят в деревню, раз их семьи там не живут. А вот ты не ходил ни разу: ты уверен, что тебе не хотелось бы? — Надежда в голосе Отчаянного подсказывала, какого ответа он ждет.

— Голубчик, о таких вещах не принято говорить вслух, — сказал Лоуренс, краснея и сотрясаясь от смеха одновременно. — Если уж мужчины не в силах отказаться от подобной привычки, то поощрять это, во всяком разе, не следует. Я непременно поговорю с Данном и Коллинсом. Они не должны хвастаться своими похождениями, особенно когда крыльманы их слышат.

— Не понимаю все-таки. Виндикатус говорил, что мужчинам это очень приятно и что в противном случае они бы захотели жениться, а нам бы это совсем не понравилось. Хотя если бы ты силь-

но захотел, я, наверное, не возражал бы. — Это была в лучшем случае полуправда, и Отчаянный, пока говорил, все время косил глазом на своего капитана.

Веселье и смущение оставили Лоуренса разом.

— Я вижу, тебе далеко не все рассказали. Прости меня. Нам давно надо было поговорить об этом. Не волнуйся, пожалуйста. Ты моя главная забота и всегда ею будешь, даже если я когда-нибудь и женюсь — а я не думаю, что это случится.

Он помолчал, опасаясь еще больше растревожить Отчаянного, но потом решил не скрывать ничего.

— До того как ты у меня появился, я был негласно помолвлен с одной дамой, но она вернула мне мое слово.

— То есть отказала тебе? — Негодование Отчаянного доказывало, что драконы могут быть не менее противоречивы, чем люди. — Мне очень жаль, Лоуренс. Ничего, захочешь опять жениться — найдешь себе другую, получше.

— Ты мне льстишь, но уверяю тебя: у меня нет ни малейшего желания искать ей замену.

Отчаянный, явно довольный, помолчал и начал опять:

— Но ведь, Лоуренс… Хотя нет. Ты сказал, что

об этом не принято говорить — значит, и я не должен?

— При других воздержись, но со мной ты можешь говорить о чем хочешь.

— Мне просто любопытно — неужели в Дувре, кроме этого, ничего больше нет? И Роланд ведь еще мала для таких дел, не так ли?

— Перед таким разговором мне, пожалуй, не помешает бокал вина, — пробормотал Лоуренс.

Отчаянный, по счастью, удовлетворился рассказом о театрах, концертах и прочих городских удовольствиях. Лоуренсу удалось перевести беседу на патрулирование, маршрут которого им утром принес вестовой, и Отчаянный задался вопросом, сможет ли он наловить рыбы себе на обед. Лоуренс порадовался, видя его воспрянувшим после треволнений минувшего дня, и решил все-таки сводить Роланд в город, но тут увидел, что она идет к нему вместе с другим капитаном — с женщиной.

Спохватившись, что сидит на драконьей лапе в не слишком презентабельном виде, Лоуренс поспешно спрятался за Отчаянным. Мундир его висел на дереве чуть поодаль, однако он успел заправить рубашку в бриджи и повязать галстук.

Кланяясь даме, он разглядел ее вблизи и чуть

не споткнулся. Она была недурна собой, но ее портил шрам, который мог оставить только клинок. Уголок чудом не задетого левого глаза слегка опустился, и багровая черта шла через все лицо, переходя в белый след на шее. Из-за шрама Лоуренс затруднялся определить, одних она с ним лет или немного старше. Так или иначе, на плечах она носила три полоски капитана первого ранга, а на лацкане — маленькую золотую медаль за битву на Ниле.

— Лоуренс, не так ли? — начала она, не дожидаясь официальных представлений и не дав ему опомниться. — Я Джейн Роланд, капитан Эксидиума. Если есть какая-то возможность отпустить сегодня вечером Эмили, я почту это за личное одолжение с вашей стороны. — Она бросила выразительный взгляд на ничем не занятых кадетов и крыльманов. Ее саркастический тон выдавал обиду.

— Виноват, — сказал Лоуренс, поняв свою ошибку. — Я думал, что она отпрашивается в город. Я не знал… — Здесь он вовремя остановился. Он был уверен, что они мать и дочь — на это указывала не только фамилия, но и большое сходство, — но сообщать свое умозаключение вслух было бы опрометчиво. — На ваше попечение я,

разумеется, ее отпускаю.

Выслушав его объяснение, капитан Роланд сразу оттаяла.

— Ха! Понятно, что вы могли вообразить на ее счет. — Смеялась ока на удивление сердечно и совсем не по-женски. — Обещаю, что шалить она не будет и вернется обратно к восьми часам. Благодарю вас. Мы с Эксидиумом не видели ее почти год и начали уже забывать, как она выглядит.

Лоуренс поклонился и посмотрел, как они уходят. Роланд старалась приспособиться к широкому мужскому материнскому шагу, трещала без умолку и махала рукой друзьям. Лоуренс же чувствовал себя несколько глупо. Он уже привык к Харкорт и путем несложных рассуждений сам мог бы понять, что Эксидиум как длиннокрыл тоже должен был настоять на опекуне женского пола. А за столько лет службы его капитан вряд ли мог избежать боевых действий. Тем не менее женщина с боевой отметиной на лице, ведущая себя столь свободно, удивила и слегка шокировала его. Харкорт, единственная другая знакомая ему женщина-капитан, тоже была далеко не кисейная барышня, но молодость и раннее повышение по службе делали ее менее самоуверенной.

После недавнего разговора на брачные темы с Отчаянным Лоуренс невольно задавался вопросом об отце Эмили. Супружеские узы, неудобные для мужчины-авиатора, для женщины казались и вовсе недостижимыми. Лоуренс пришел к выводу, что Эмили родилась вне брака, но тут же упрекнул себя за подобные мысли по отношению к уважаемой женщине.

Вскоре, однако, он убедился в правильности своей дерзкой догадки.

— Понятия не имею; я не видела его десять лет. — Капитан, доставив Эмили обратно, пригласила его на поздний ужин в офицерский клуб, и Лоуренс после нескольких бокалов рискнул осведомиться, как поживает отец его кадета. — Женаты мы, разумеется, не были. Вряд ли ему даже известно, как зовут его дочь.

Она явно не испытывала никакого стыда относительно этого обстоятельства, и Лоуренс стал понимать, что какие-то законные отношения в ее случае были бы невозможны. Тем не менее ему стало неловко. Роланд это заметила, но не обиделась, а добродушно сказала:

— Я вижу, вы еще не свыклись с нашим образом жизни. Уверяю вас, что авиатору брак не заказан — Корпус не будет иметь ничего против, если

вы того пожелаете. Главное препятствие в том, что другому супругу тяжело всегда быть вторым после дракона. Я лично никогда не чувствовала, что мне чего-то недостает, и ребенка завела только ради Эксидиума. Эмили просто милочка, и я счастлива, что она у меня есть, но в свое время это причинило мне множество неудобств.

— Значит, Эмили станет его капитаном после вас? Могу я спросить: драконы… драконы-долгожители… всегда переходят по наследству таким путем?

— Когда удается. Они очень тяжело переживают потерю опекуна и лучше принимают нового, если чувствуют с ним какую-то связь, если он разделяет их горе. Поэтому мы должны размножаться так же, как и они. Думаю, Корпус и вас попросит предоставить пару детишек.

— Боже правый! — Мысли о детях покинули Лоуренса вместе с брачными планами в тот самый миг, как Эдит ему отказала. Еще менее он был склонен думать об этом теперь, когда мнение Отчаянного на сей счет полностью прояснилось. Он даже не представлял себе, как это можно устроить.

— Понимаю, как это должно вас шокировать, бедный вы мой. Извините. Я предложила бы вам

себя, но с этим лучше подождать, пока ему не исполнится лет десять по меньшей мере. Кроме того, сейчас мне никак нельзя выбывать из строя.

До Лоуренса не сразу дошел смысл ее предложения. Когда же это случилось, он нетвердой рукой взял винный бокал и попытался укрыться за ним. Самые невероятные усилия воли не помешали ему залиться густейшей краской.

— Вы очень добры, — пробормотал он, разрываясь между глубоким шоком и смехом. Он не думал, что когда-нибудь услышит нечто подобное, пусть даже в сослагательном наклонении.

— К тому времени Кэтрин, пожалуй, как раз для вас подойдет, — самым практичным тоном продолжала капитан Роланд. — Лучше и не придумаешь: у вас будет по одному для Лили и Отчаянного.

— Благодарю, — сказал Лоуренс с твердым намерением переменить разговор. — Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

— Да, портвейн будет в самый раз, спасибо.

Лоуренс уже утратил способность испытывать потрясение. Вернувшись с двумя бокалами, он охотно принял от Роланд раскуренную ею сигару.

После нескольких часов разговора они остались в клубе вдвоем. Слуги красноречиво прикрывали зевки ладонями.

Капитаны поднялись наверх вместе, и Роланд, взглянув на красивые напольные часы, сказала:

— Час не такой уж и поздний. Если вы не слишком устали, мы могли бы сыграть у меня в пикет.

Лоуренс уже так с ней освоился, что ничего дурного в этом не усмотрел. Когда он глубокой ночью возвращался к себе, ему встретился в коридоре слуга. Лишь тогда Лоуренс задумался о приличиях и почувствовал себя крайне неуютно. Но зло, если то было зло, уже свершилось. Лоуренс отогнал от себя все сомнения и наконец-то улегся в постель.

Глава десятая

Он уже приобрел кое-какой опыт и утром не слишком удивился тому, что прошлая ночь не породила никаких сплетен. Во время завтрака капитан Роланд приветливо поздоровалась с ним, без малейшего смущения представила его своим лейтенантам, и они вместе вышли к драконам.

Пока Отчаянный расправлялся с собственным плотным завтраком. Лоуренс, улучив момент, сделал Данну и Коллинсу выговор за нескромное поведение. В его намерения не входило становиться блюстителем нравственности и проповедовать строгое целомудрие, но он не считал ханжеским убеждение в том, что старшие офицеры должны подавать молодежи хороший пример.

— Мне все равно, как вы проводите свое свободное время, однако незачем брать на себя роль сводников и навязывать кадетам и крыльманам свои взгляды на жизнь. — Двое мичманов, слушая его, переминались на месте. Данн даже, кажется, собрался возразить, но, встретив ледяной взгляд капитана, промолчал.

Закончив нотацию и отпустив их, Лоуренс

вспомнил, что его собственное поведение прошлой ночью тоже было не совсем безупречным. Утешало лишь то, что Роланд — офицер и его товарищ, а не какая-нибудь продажная женщина; кроме того — и это самое главное — они не афишировали своих отношений прилюдно. Впрочем, этим резонам недоставало убедительности, и он рад был заняться делом. Эмили и еще двое курьеров уже стояли около Отчаянного с тяжелыми мешками флотской почты, накопившейся за долгое время.

Изоляции стоявших в оцеплении кораблей способствовала, как ни странно, сила британского флота. Помощь драконов им требовалась лишь в редких случаях, срочные депеши и провизию доставляли фрегаты, поэтому получить какие-то новости или личные письма почти не представлялось возможности. Французская эскадра в Бресте, числом в двадцать один корабль, не смела выступить против гораздо более искусных в морском деле британцев, а без поддержки с моря даже тяжелый дракон не рискнул бы спикировать на английское судно, где на мачтах всегда сидели стрелки, а на палубе ждали перечные пушки и гарпуны. Ночные драконы порой предпринимали атаку после наступления темноты,

но стрелки и здесь показывали свое мастерство. В случае особо крупного ночного налета корабль всегда мог послать сигнал-вспышку собственным драконам, патрулирующим на севере.

Здоровых драконов из отряда Лили адмирал Лентон решил использовать в соответствии с насущными задачами каждого дня, что позволяло загрузить их работой и расширить район патрулирования. На сегодня Отчаянному с Нитидусом и Дульцией в качестве фланговых предписали следующий маршрут: следовать за звеном Эксидиума на первом отрезке, после чего оторваться и пройти над главной британской эскадрой, ныне стоящей близ острова Уэссан и блокирующей порт Брест. В задачу входила также доставка почты.

Благодаря холодной погоде тумана утром не было, море под безоблачным небом казалось темным, почти что черным. Лоуренс щурился от яркого света. Он охотно последовал бы примеру крыльманов и мичманов, натиравших черной краской нижние веки, но его в качестве командира их маленького звена вполне могли пригласить на борт к адмиралу лорду Гарднеру.

Ясный день сделал полет приятным, хотя все шло не слишком гладко, Воздушные потоки над

морем стали непредсказуемыми, и Отчаянный, следуя какому-то врожденному инстинкту, все время нырял вверх и вниз, чтобы поймать ветер. После часового патрулирования капитан Роланд прощально махнула рукой, и Отчаянный, отклонившись на юг, прошел мимо Эксидиума. Солнце стояло почти прямо над головой, внизу блестел океан.

— Вижу впереди корабли, Лоуренс, — сказал Отчаянный около получаса спустя.

Капитан, заслоняясь рукой, навел подзорную трубу и разглядел вдали паруса.

— Корабли в поле зрения! — крикнул он экипажу, — Подайте опознавательный сигнал, мистер Тернер. — Сигнальщик стал подбирать флажки, обозначавшие их как британский отряд. Из-за необычной внешности Отчаянного это была не просто формальность.

Вскоре воздушный отряд заметили с моря, и головной корабль приветствовал их салютом из девяти орудий. Этот знак внимания, скорее всего ошибочный — ведь Отчаянный официально не считался ведущим драконом, — польстил Лоуренсу, и он приказал стрелкам дать ответный залп.

Быстрые стройные катера уже неслись к флагману за почтой. Большие линейные корабли

приводились к северному ветру, удерживая позицию. Паруса сверкали на темной воде, на грот-мачтах реяли яркие флаги. Лоуренс, любуясь кораблями, подался вперед, насколько позволили его карабины.

— Сигнал с флагмана, сэр, — сообщил Тернер сразу же, как различил флажки. — Капитана приглашают на борт после посадки.

Лоуренс кивнул. Именно это он и предполагал.

— Дайте подтверждение, мистер Тернер. Мистер Грэнби, не сделать ли нам заход над южным крылом эскадры, пока они готовятся нас принять?

«Гиберния» и «Азенкур» спускали на воду плавучие платформы, чтобы затем соединить их и обеспечить драконам посадку. Маленький катер уже двигался между ними, собирая буксирные тросы, но Лоуренс знал по опыту, что эта операция займет какое-то время и кружащие вверху драконы ее не ускорят.

Когда они, облетев всю эскадру, вернулись назад, площадка уже ждала их.

— Низовые наверх, мистер Грэнби! — скомандовал Лоуренс, и те быстро вскарабкались на спину Отчаянного. Матросы поспешно покинули палубы кораблей, платформа качнулась и ушла

вниз, но канаты держали на совесть. Отчаянный сел посередине, Нитидус и Дульция в противоположных углах. — Курьеры, почту! — Пакет адмиралу Гарднеру от адмирала Лентона Лоуренс взял с собой.

Он спустился в подошедший к платформе катер, а Роланд, Дайер и Морган стали передавать мешки с почтой в протянутые руки шести матросов. Лоуренс прошел на корму. Отчаянный в целях балансировки положил голову на край площадки у самого катера, и моряки чувствовали себя не слишком уютно.

— Я скоро, — сказал ему Лоуренс. — Если тебе что-то понадобится, скажи лейтенанту Грэнби.

— Скажу, но мне пока ничего не надо. — Команда катера всполошилась, когда он заговорил, и тут же добавил: — Только потом, если можно, я хочу поохотиться. По дороге я видел хороших крупных тупцов.

Изящное быстроходное суденышко доставило Лоуренса на «Гибернию» со скоростью, которую он раньше счел бы предельной. Теперь встречный бриз, бивший в лицо от бушприта, казался ему едва ощутимым.

С борта «Гибернии» спустили люльку, но Лоуренс ее презрел. Морские ноги пока еще не

изменили ему — по трапу, во всяком случае, он поднялся без затруднений. Капитан Бедфорд при виде него не сдержал удивления: в Нильскую кампанию они вместе служили на «Голиафе».

— Боже мой, Лоуренс, я понятия не имел, что вы на Канале! — Пренебрегая официальным приветствием, он горячо потряс Лоуренсу руку. — Так это ваш зверь? — Отчаянный выглядел ненамного меньше «Азенкура» с семьюдесятью четырьмя пушками на борту. — А мне казалось, он вылупился всего полгода назад.

Лоуренс прямо-таки раздулся от гордости, но ответил, как надеялся, скромно:

— Да, это Отчаянный. Ему еще нет восьми месяцев, но он уже достиг своего полного роста, — Здесь Лоуренс заставил себя остановиться. Люди, хвастающие, какие у них красивые любовницы и умные дети, всегда вызывали у него раздражение. Да и Отчаянный в похвалах не нуждался: стоило только взглянуть на него, чтобы убедиться в его красоте и мощи.

— О-о, — растерянно протянул Бедфорд. Но лейтенант у него за плечом многозначительно кашлянул, и он спохватился. — Простите. От неожиданности я совсем потерял голову. Прошу сюда, адмирал Гарднер вас ждет.

Адмирала лорда Гарднера назначили командовать морскими силами на Проливе совсем недавно, после отставки сэра Уильяма Корнуолиса. Необходимость заменить столь успешного флотоводца в столь трудное время заметно сказывалась на нервах нового командующего. Лоуренс служил в этой флотилии несколько лет назад, в чине лейтенанта, и Гарднеру не был представлен, но видел его несколько раз. Казалось, что с того времени адмирал сильно состарился.

— Да-да, вижу. Лоуренс, верно? — сказал он, когда флаг-лейтенант представил ему капитана, и пробормотал еще что-то невнятное. — Прошу садиться. Я прочту эти депеши тотчас же и передам с вами пару слов для Лентона. — Лорд Гарднер вскрыл пакет и стал читать, качая головой и покряхтывая. Когда он впился глазами в страницу, Лоуренс понял, что адмирал дошел до отчета о недавней стычке с французами. — Ну что ж, Лоуренс, вы, стало быть, уже побывали в бою, — сказал он, отложив наконец бумаги. — Такая закалка вам только на пользу. Скоро мы увидим от них еще и не то — так и передайте от меня Лентону. Я посылаю каждый шлюп, бриг и катер, которыми осмеливаюсь рискнуть, к самым их берегам и знаю, что в окрестностях Шербура

работа так и кипит. Нам неизвестно в точности, чем они заняты, но вряд ли они могут готовить что-то, кроме вторжения, — и, судя по их суете, это произойдет скоро.

— Но ведь Бонапарт не может знать о своем флоте в Кадисе то, чего не знали бы мы? — Весть о военных приготовлениях французов сильно встревожила Лоуренса. Бонапарт, конечно, славился своей дерзостью, но почти никогда не дерзал без веских на то оснований.

— Ничего существенного там за последнее время не случилось — в этом я, к счастью, теперь уверен. Лентой мне сообщает, что наши курьеры беспрепятственно совершали рейсы туда и обратно. — Гарднер поворошил бумаги у себя на столе. — Он не настолько безумен, чтобы готовиться к переправе через Канал без своих кораблей, а это значит, что скоро он ждет их сюда.

Лоуренс кивнул. Даже если эти ожидания не имели под собой почвы, одно их наличие доказывало, что флот Нельсона находится под угрозой.

Гарднер запечатал ответные депеши в пакет и передал его Лоуренсу.

— Вот. Весьма вам обязан, Лоуренс, за доставку почты. Надеюсь, вы и двое других капитанов присоединитесь к нам за обедом? — Адмирал

поднялся из-за стола. — Бриггс, капитан «Азенкура», думаю, тоже будет.

За годы флотской муштры Лоуренс крепко усвоил, что приглашение от высшего офицера равносильно приказу. Хотя Гарднер не был его начальником в строгом смысле, об отказе не могло быть и речи, но капитан беспокоился за Отчаянного и еще больше за Нитидуса. Синий паскаль был нервным созданием, и Уоррен даже в обычных обстоятельствах беспрестанно нянчился с ним — дракон определенно будет несчастен, оставшись на утлом плоту без своего капитана, с офицерами не выше лейтенантов вокруг.

Однако драконов следовало готовить и к таким условиям. При наличии воздушной угрозы они находились на плотах постоянно, в то время как их капитаны то и дело отлучались на совещания с флотскими. Лоуренс не хотел бы бросать своих ради такого пустяка, как обед, но и особого вреда, честно говоря, в этом для них не усматривал.

— С величайшим удовольствием, сэр. Уверен, что могу ответить также за капитанов Чинери и Уоррена, — сказал он, поскольку ничего другого не оставалось. Не просить же у Гарднера времени на раздумья, а тот уже шел к двери, чтобы позвать своего лейтенанта.

Капитанам звена послали пригласительный сигнал, но откликнулся один только Чинери.

— Уоррен решил, что лучше ему не ходить, потому что Нитидус без него разволнуется, — весело заявил он Гарднеру, не представляя, какой промах только что совершил.

Лоуренс хорошо видел, как удивлены и обижены моряки — и Гарднер, и его капитаны, и флаг-лейтенант. Это не помешало ему испытать невольное облегчение, но обед, начавшись столь неудачно, никак не желал налаживаться.

Адмирал, явно одолеваемый мыслями о своей тяжкой ответственности, говорил мало. Разговор с обычной легкостью поддерживал только Чинери, не знавший, что по флотской традиции исключительное право вести беседу остается за Гарднером.

Морские офицеры, когда он обращался к ним прямо, делали весьма выразительную паузу, за которой следовал односложный ответ. Лоуренс, поначалу страдавший из-за товарища, начал злиться. Даже самые придирчивые блюстители манер должны были понять, что Чинери ведет себя так по неведению, притом темы он выбирал самые безобидные. Надутое молчание, по мнению Лоуренса, было куда более неприличным.

Чинери, заметивший холодность своих сотрапезников, только начинал недоумевать, но ситуация требовала немедленных действий. Когда авиатор сделал очередную попытку, Лоуренс ответил ему, и добрых несколько минут они беседовали вдвоем. Затем Гарднер, отвлекшись от мрачных раздумий, сделал какое-то замечание, а за ним в разговор вступили и все остальные. Лоуренс ценой огромных усилий выдержал затронутую тему до конца трапезы.

То, что могло доставить всем удовольствие, превратилось таким образом в тягостную повинность. Лоуренс обрадовался, когда со стола убрали портвейн и офицерам было предложено выйти на палубу, где ждали сигары и кофе. Взяв свою чашку, он стал у левого борта, чтобы видеть посадочный плот. Отчаянный мирно спал под лучами солнца, свесив в воду переднюю лапу, Нитидус и Дульция притулились к нему.

Бедфорд подошел к Лоуренсу и, помолчав немного, сказал:

— Он, наверное, ценное животное, и мы должны радоваться, что заполучили его, но меня возмущает, что вам приходится довольствоваться такой жизнью и таким обществом.

Лоуренс не сразу нашелся, что ответить на эти

слова, продиктованные искренней жалостью. Миг спустя он перевел дыхание и проговорил со стиснутым горлом:

— Сэр, я не желаю больше слышать подобных выражений применительно к Отчаянному или к моим сослуживцам. Не могу понять, как вы вообще сочли возможным такое высказывание.

Бедфорд попятился, а Лоуренс со стуком поставил чашку на поднос стюарда.

— Я думаю, нам пора, сэр, — сказал он Гарднеру, стараясь, чтобы голос звучал как обычно. — Отчаянный впервые летит этим курсом, поэтому нам лучше вернуться домой еще до заката.

— Разумеется. — Адмирал протянул ему руку. — Счастливого пути, капитан; надеюсь, мы скоро с вами увидимся.

Несмотря на удачный предлог, в запасник они вернулись уже после наступления темноты. Нитидус и Дульция, поглядев, как Отчаянный выхватывает из воды огромных тунцов, сами выразили желание порыбачить, и Отчаянный был только рад показать им, как это делается. Младшим членам экипажей еще не доводилось бывать на борту, когда их дракон охотится, но после первого же пике испуганные крики сменились восторженными, и они начали относиться

к этому, как к игре.

Даже мрачнейшее настроение Лоуренса не устояло против их бурной радости. Кадеты вопили всякий раз, как Отчаянный взмывал вверх с очередной рыбой в когтях. Некоторые даже просились вниз, чтобы их окатывало при каждом нырке за добычей.

Насытившийся Отчаянный снова повернул к берегу. Мурлыча от удовольствия, он оглянулся на капитана счастливыми, сияющими глазами.

— Правда, хороший был день? Давно мы уже не летали так славно. — И Лоуренс обнаружил, что в нем не осталось злости, которую стоило бы скрывать.

Среди деревьев запасника реяли светляками только что зажженные фонари, между которыми мелькали факелы наземных команд. Младшие офицеры и кадеты слезали на землю насквозь промокшие. Лоуренс отпустил их отдыхать, а сам остался смотреть, как распрягают Отчаянного. Холлин глянул на него с легким упреком: сбруя на шее и плечах, заляпанная чешуей, костями и рыбьими потрохами, уже начинала попахивать.

Лоуренс так радовался за Отчаянного, что не чувствовал себя виноватым.

— Боюсь, мы добавили вам работы, мистер

Холлин, — только и сказал он. — Зато вечером он больше кормиться не будет.

— Да, сэр, — без особой радости ответил Холлин.

Сбрую сняли, дракона помыли (механики к этому времени уже наловчились передавать по цепочке ведра, как на пожаре). Отчаянный зевнул, рыгнул и улегся с таким блаженством на морде, что Лоуренс не сдержал смеха.

— Мне нужно доставить депеши. Будешь спать, или мы еще почитаем?

— Извини, Лоуренс, я совсем сонный. Лаплас труден, даже когда голова хорошо работает — боюсь, что сейчас я ничего не пойму.

Труд Лапласа о механике небесных тел Лоуренс читал по-французски, и одно это доставляло ему немалые трудности. В содержание он вникать даже не пытался и охотно верил Отчаянному.

— Хорошо, голубчик, увидимся утром. — Он стал гладить дракона по носу, и Отчаянный, смежив веки, глубоко задышал.

Адмирал Лентон принял пакет и с хмурой сосредоточенностью выслушал устное сообщение Лоуренса.

— Не нравится мне это, очень не нравится. Он, стало быть, готовит что-то на суше? Может ли он

строить там какие-нибудь суда, планируя увеличить свой флот без нашего ведома?

— Разве что самые простые плавучие средства, но никак не линейные корабли, — ответил Лоуренс с полным знанием дела. — Кроме того, у него во всех портах и так достаточно транспорта — трудно предположить, что ему понадобится еще.

— И происходит это не в Кале, а в Шербуре, хотя Пролив там шире и наш флот ближе. Мне этого не понять, но Гарднер совершенно прав: он готовит какую-то каверзу, которую без помощи своего флота не сможет осуществить. — Адмирал резко поднялся и вышел.

Не зная, расценивать ли это как разрешение быть свободным, Лоуренс последовал за ним на луг, где лежала выздоравливающая Лили.

Капитан Харкорт, сидя рядом, поглаживала ее переднюю лапу, Шуазель читал что-то вслух им обеим. Глаза у Лили были еще тускловаты от боли, зато она только что поела как следует — об этом свидетельствовала куча изгрызенных костей, которую наземная команда еще не до конца убрала.

Шуазель, отложив книгу, тихо переговорил с Харкорт и подошел к посетителям.

— Она засыпает. Пожалуйста, не тревожьте ее.

Лентон кивнул и отозвал его с Лоуренсом чуть дальше.

— Как у нее дела?

— По словам врачей, превосходно, сэр. Они говорят, что Лили поправляется так быстро, как только можно надеяться. Кэтрин от нее не отходит.

— Хорошо, — сказал Лентон. — Если их предварительная оценка верна, остается ждать еще три недели. Хочу сказать вам, джентльмены, что я передумал. Отчаянный, вместо того чтобы получать новое задание каждый день, будет патрулировать, пока Лили не поправится. У вас, Шуазель, опыт есть, а у него нет. Вы с Прекурсорисом можете упражняться так, как сочтете нужным.

Шуазель поклонился. Если решение адмирала чем-то не удовлетворяло его, по нему этого не было видно.

— Я счастлив служить вам, чем только могу, сэр. Располагайте мной.

— Прекрасно. Оставайтесь при Харкорт, пока есть такая возможность. Уверен, вы хорошо умеете ухаживать за ранеными драконами. — Шуазель вернулся к уже уснувшей Лили, и Лентон, хмурясь каким-то своим мыслям, увел Лоурен-

са прочь. — Лоуренс, вам я в патрульное время предписываю разучивать маневры с Дульцией и Нитидусом. Я знаю, что вы до сих пор работали в более крупном звене, но Уоррен и Чинери вам помогут. Хочу, чтобы вы, если придется, могли повести за собой пару легких бойцов.

— Так точно, сэр. — Лоуренсу очень хотелось бы получить более подробное разъяснение, и он с трудом сдержал любопытство.

На соседней лужайке спал Эксидиум, а капитан Роланд беседовала с механиками, рассматривая один из участков сбруи. Она кивнула пришельцам и пошла вместе с ними обратно к дому.

— Роланд, могли бы вы обойтись без Авктоританса и Кресцендиума? — внезапно спросил ее Лентон.

— Если нужда заставит. — Она вскинула бровь. — А что такое?

Лентон, видимо, не имел ничего против прямых вопросов.

— Надо подумать об отправке Эксидиума в Кадис. Мы сделаем это, как только Лили снова начнет летать. Я не допущу, чтобы королевство погибло из-за того, что один дракон оказался не там, где надо. Мы здесь, с помощью флотилии Гарднера и береговых батарей, сможем долго

обороняться против налетов с воздуха, а французский флот из Кадиса нельзя выпускать.

Если Лентон действительно отошлет Эксидиума вместе с его звеном из Дувра, это ослабит воздушную оборону Канала, думал Лоуренс; но если франко-испанский флот прорвется из Кадиса и уйдет на север, на соединение с кораблями в портах Бреста и Кале, Бонапарту, возможно, хватит и одного дня, чтобы переправить свое войско в Британию.

Лоуренс не завидовал адмиралу, вынужденному принимать такое решение.

Не имея сведений о том, следуют воздушные дивизионы Бонапарта в Кадис или остаются на австрийской границе, он мог основываться на одних лишь догадках. Но выбор — хотя бы между действием и бездействием — был неизбежен, и Лентон, как видно, собрался пойти на риск.

Теперь план адмирала относительно Отчаянного стал ясен: Лентон хотел иметь в своем распоряжении второе звено, пусть маленькое и недостаточно слаженное. Авкторитас и Крессендиум, если Лоуренс правильно помнил, были драконами среднего веса и входили в прикрытие Эксидиума. Лентон, видимо, намеревался придать их Отчаянному, чтобы получить ударную

боевую тройку.

— Когда я пытаюсь думать за Бонапарта, у меня кровь стынет в жилах, — сказала Роланд. Эти слова показались Лоуренсу эхом его собственных мыслей. — Но мы готовы отправиться, куда вам будет угодно. В свободное время я буду заниматься маневрами без Авктора и Кресси.

— Вот и отлично, — сказал Лентон, входя с обоими офицерами в холл. — Должен, как ни жаль, вас оставить — меня ждут десять непрочитанных депеш. Спокойной ночи, джентльмены.

— Спокойной ночи, Лентон. — Роланд сладко зевнула и потянулась. — Будь что будет. Без постоянных перемен эти строевые полеты были бы скукой смертной. Что скажете насчет ужина?

Утолив голод супом с поджаренным хлебом и прекрасным стилтоном с портвейном они опять поднялись в комнату Роланд сыграть в пикет. После нескольких робберов, за ничего не значащим разговором, она вдруг спросила с застенчивостью, которую Лоуренс в ее голосе слышал впервые:

— Лоуренс, могу я говорить откровенно?

Вопрос его удивил — раньше она бралась за любую тему без колебаний.

— Разумеется, — ответил он, не представляя, о чем она хочет его спросить. Большая, небрежно

застланная кровать и распахнутый ворот капота Роланд (она переоделась за ширмой, как только они вошли) внезапно предстали ему в новом свете. Краснея, он уставился в карты. По пальцам пробежала легкая дрожь.

— Если вы имеете что-то против, скажите, пожалуйста, сразу, — добавила Роланд.

— Ровно ничего. С удовольствием вам отвечу. — И он умолк, сообразив, что она пока еще не задала своего вопроса.

— Как вы добры! — Ее лицо осветила улыбка — широкая, но кривоватая из-за шрама. — Я буду очень благодарна, если вы честно скажете мне, что думаете об Эмили. Как она служит, как справляется с такой жизнью.

Обманутый в своих ожиданиях, он усилием воли сдержал прилившую к лицу кровь, а Роланд тем временем продолжала:

— Я знаю, вам неудобно плохо отзываться о ней при мне — но я видела, что бывает, когда полагаются на одно только происхождение, а учением пренебрегают. Если вы находите ее не совсем подходящей, прошу вас сказать об этом сейчас, когда еще можно что-то исправить.

Вспомнив о Ренкине с Левитасом, Лоуренс понял ее тревогу — и сочувствие к ней помогло ему

одолеть собственное смущение.

— Я тоже наблюдал последствия того, о чем вы говорите. Могу заверить, что ничего бы не скрыл от вас, если бы заметил. И ни за что не взял бы ее в курьеры, не будь я уверен в ее надежности и преданности долгу. Она, конечно, еще слишком юна, чтобы говорить с полной уверенностью, но обещает многое.

Роланд испустила шумный вздох облегчения и откинулась назад, бросив карты на стол. Теперь она даже не пыталась притворяться, что игра ее занимает.

— Господи, как вы меня порадовали! Я, конечно, надеялась, но знала, что справедливо об этом судить не могу. — Она рассмеялась и пошла к бюро за новой бутылкой вина.

Лоуренс подставил ей свой бокал.

— За успехи Эмили! — Когда они выпили, Роланд отодвинула бокалы и поцеловала его. Он и в самом деле глубоко заблуждался на ее счет: сейчас в ее поведении не было ни намека на робость.

Глава одиннадцатая

Лоуренс поморщился, глядя, как Джейн выкидывает свои вещи из шкафа и швыряет их на кровать.

— Могу я помочь вам? — спросил он, не выдержав этого зрелища. — Нет-нет, позвольте. Пока я буду укладывать багаж, вы составите план полета.

— Спасибо, Лоуренс, вы очень добры, — сказала она и села за расстеленную на столе карту. — Надеюсь, особенно петлять не придется. — Записывая на бумаге свои вычисления, она передвигала кусочки дерева, изображавшие корабли для транспортировки драконов — вехи для отряда Эксидиума по дороге в Кадис. — Если погода продержится, будем там через две недели, а то и меньше. — В обычных условиях драконы плыли бы до места назначения на одном корабле, но срочность задачи продиктовала другой план. Они будут перелетать с судна на судно, стараясь определить их местонахождение в зависимости от ветров и течений.

Лоуренс довольно мрачно кивнул. Еще день, и настанет октябрь, а в это время хорошая пого-

да, как правило, долго не держится. Очередной корабль, разыскиваемый Джейн, вполне может сбиться с курса или укрыться в гавани, под дулами испанских орудий. И хорошо еще, если сам отряд не пострадает от шторма. Драконы, сраженные молнией или сброшенные ветром в бурное море, могут запросто утонуть со всем экипажем.

Но иного выбора не было. Лили поправлялась очень быстро. Вчера она проделала весь патрульный маршрут во главе своего звена и совершила посадку, не испытав ни малейшей боли. Лентон осмотрел драконицу, поговорил с ней и ее капитаном и тут же отдал Джейн приказ отправляться в Кадис. Лоуренс, давно этого ожидавший, тем не менее беспокоился — и за путешественников, и за остававшихся здесь драконов.

— Так, пожалуй, сойдет. — Роланд отложила перо, и Лоуренс, выйдя из задумчивости, понял, что молчит уже добрых двадцать минут. В руках у него был ее корсет. Лоуренс поспешно сунул его в саквояж поверх прочих, уложенных совершенно машинально вещей и защелкнул замок.

В окно заглянуло солнце — время было на исходе.

— Ну же, Лоуренс, не хмурьтесь. Я летала в Гибралтар не меньше дюжины раз. — Она звучно

чмокнула его в щеку. — Вам здесь, боюсь, придется еще хуже нашего. Они непременно попытаются что-то выкинуть, узнав, что мы улетели.

— Я всецело на вас полагаюсь. — Лоуренс дернул звонок. — Надеюсь только, что мы рассудили верно. — Большего он и Лентону не осмелился бы сказать, чувствуя, что с полной объективностью рассуждать об этом не может. Не будь у него даже личных причин, он все равно колебался бы. Полнота сведений, которыми они обладали, оставляла желать много лучшего.

Три дня назад к ним прилетел Волли с новыми неутешительными вестями. В Кадис прибыло несколько французских драконов. Их было достаточно, чтобы помешать Мортиферусу, но они не составляли и десятой доли размещенных на Рейне воздушных сил. И даже теперь, когда всех легких драконов, кроме курьеров, посылали в разведку, англичане так и не сумели узнать, чем занимается Бонапарт на Канале. Лоуренс проводил Роланд к Эксидиуму, посмотрел, как она поднялась на борт. Ему все время казалось, что чувства его недостаточно сильны. Случись ему отправить Эдит одну навстречу опасности, он предпочел бы пустить себе пулю в лоб, но с Роланд расставался не тяжелее, чем с любым

другим из своих товарищей. Она послала ему воздушный поцелуй со спины Эксидиума.

— Увидимся через несколько месяцев — даже раньше, если удастся выгнать лягушатников из гавани. Хороших вам полетов, и не позволяйте Эмили отбиться от рук.

— Счастливо! — Он махнул рукой, глядя, как тает в небе звено Эксидиума, улетающее на юг.

Оставшиеся настороженно следили за небом, но в первые недели после отлета Эксидиума никто не пытался атаковать их. Французы, по мнению Лентона, полагали, что Эксидиум все еще здесь.

— Чем дольше они будут пребывать в таком убеждении, тем лучше, — сказал он капитанам после очередного ничем не ознаменовавшегося патруля. — Дело не только в нас. Им совершенно незачем знать, что их драгоценный кадисский флот скоро познакомится еще с одним воздушным отрядом.

Две недели спустя Волли принес дуврцам добрую весть: Эксидиум и другие драконы благополучно прибыли в Кадис.

— Они уже начали, когда я улетал, — сообщил капитан Джеймс, завтракая с другими капитанами перед обратной дорогой. — Слышали бы

вы, какой вой подняли испанцы! Их торговые корабли разваливаются от кислоты не хуже военных, и дома тоже, и лавки. Думаю, они скоро сами начнут колошматить своих союзников, если Вильнёв не уберется от них.

Атмосфера в запаснике прояснилась, и Лентон сократил патрульное время, чтобы люди, работавшие на пределе сил, отпраздновали хорошую новость. Наиболее энергичные офицеры отправились в город, другие, как и драконы, улеглись спать.

Лоуренс воспользовался случаем, чтобы почитать немного Отчаянному при свете фонаря. Они засиделись допоздна. Задремавший Лоуренс очнулся после восхода луны. На звездном небе чернела голова Отчаянного — тот смотрел куда-то на север.

— Случилось что-нибудь? — До Лоуренса донесся странный высокий звук.

— По-моему, это Лили. — Отчаянный встопорщил свою манишку.

Лоуренс тут же соскользнул с его лапы.

— Побудь здесь, я скоро, — сказал он. Отчаянный кивнул, глядя в ту же сторону. Дорожки почти не освещались. Все легкие драконы были в разведке, авиаторы, даже самые рьяные, ушли

в дом от ночного холода. Три дня назад начались заморозки, и сапоги Лоуренса гулко стучали по мерзлой земле.

Он вышел на лужайку Лили, где не было ни одного человека. Вдали светились окна казармы. Сама Лили лежала, устремив в пространство взгляд желтых, обведенных красным глаз, и копала когтями землю.

Послышались чьи-то тихие голоса, потом плач. Лоуренсу подумалось, что он пришел в неподходящее время, но Лили явно была расстроена, и он громко позвал:

— Харкорт, вы тут?

— Ни шагу дальше, — тихо и резко произнес голос Шуазеля.

Лоуренс обошел вокруг головы Лили, и картина, которую он там увидел, поразила его. Шуазель крепко держал Харкорт за локоть, и по его лицу было видно, что он готов на крайние меры.

— Молчите, Лоуренс. — В другой руке он держал шпагу, позади него лежал ничком молодой мичман с кровавым пятном на спине. — Ни звука.

— Бога ради, что вы такое делаете? Харкорт, вы целы?

— Он убил Уилпойса, — ответила она хрипло. При колеблющемся свете факела Лоуренс разгля-

дел большой синяк у нее на лбу. — Лоуренс, не думайте обо мне, ступайте за помощью. Он хочет причинить зло Лили.

— Неправда, — заявил Шуазель. — Клянусь, что ничего не сделаю ни ей, ни вам, Кэтрин, пусть только Лоуренс не вмешивается. — Он поднес окровавленную шпагу к шее Харкорт, и Лили опять заскулила тонким, режущим слух голосом. Видя зеленоватую бледность Шуазеля, Лоуренс остался на месте.

Убедившись, что он не собирается уходить, Шуазель сказал:

— Сейчас мы все вместе пойдем к Прекурсорису. Ты, Лили, останешься здесь и взлетишь следом за нами. Обещаю, что с Кэтрин не случится ничего, если ты будешь слушаться.

— Предатель, жалкий пес! — произнесла Харкорт. — Ты думаешь, я отправлюсь с тобой во Францию и буду лизать сапоги Бонапарту? Давно ли ты это задумал? — Она попыталась вырваться, но Шуазель так тряхнул ее, что она чуть не упала.

Лили привстала, в ее костяных втулках блеснула темная жидкость.

— Кэтрин! — прошипела она, не разжимая зубов.

— Ну, довольно. — Шуазель заломил руки Харкорт назад, по-прежнему угрожая ей шпагой. — Ты сделаешь то, что я приказываю, Лили. Идемте. Вперед, мсье! — Он взмахнул шпагой, но Лоуренс успел отойти чуть дальше во мрак, и француз, сам того не ведая, подступил к нему слишком близко.

Последовала яростная схватка. Все трое упали наземь, шпага куда-то улетела. Шуазель оказался внизу, но Лоуренс пожертвовал своим преимуществом, чтобы отпихнуть Харкорт в сторону. Француз тут же ударил его в лицо кулаком.

Они покатились по земле, молотя друг друга вслепую и стараясь дотянуться до шпаги. Лоуренс имел большой опыт в рукопашных боях, но Шуазель превосходил его ростом и весом. Лили ревела теперь во всю мочь, в парке слышались голоса. Шуазель, которому отчаяние придало сил, двинул Лоуренса в живот. Тот скрючился от боли, и француз ринулся к своему клинку.

Раздался громовой рев, земля содрогнулась, сверху посыпались сухие листья и сосновые иглы. Старое дерево вывернулось из земли с корнем — это Отчаянный поднялся в воздух, круша все вокруг. С другой стороны грянул ответный рев, и мраморные крылья Прекурсориса забелели

во тьме. Отчаянный, выставив когти, летел навстречу врагу. Лоуренс, через силу поднявшись, обрушился на Шуазеля и повалил его. Капитана продолжало корчить от боли, но Отчаянному грозила беда, и медлить было нельзя.

Француз опять вывернулся, навалился на Лоуренса и согнутой рукой перехватил ему горло. Лоуренс начал уже задыхаться, но француз вдруг обмяк: Харкорт, выдернув железный брусок из сбруи Лили, ударила его по затылку.

От этого усилия она едва не упала в обморок. Лили продиралась к ней сквозь деревья, экипаж наконец прибежал на подмогу, и множество рук помогло Лоуренсу встать.

— Стерегите этого человека, зажгите факелы, — выговорил он, тяжело дыша. — Принесите рупор — да поскорее, черт побери! — Отчаянный и Прекурсорис все так же кружили в небе, держа наготове когти.

Первый лейтенант экипажа Харкорт, мужчина с могучей грудью, в рупоре не нуждался. Разобравшись что к чему, он сложил руки у рта и позвал Прекурсориса. Французский дракон, увидев, что его капитан повержен, сразу понурил голову и вернулся на землю. Отчаянный продолжал парить, бдительно наблюдая за ним.

Максимус размещался неподалеку. Беркли пришел на шум и тут же начал распоряжаться. Одним он велел посадить на цепь Прекурсориса, другим отнести в лазарет Харкорт и Шуазеля, третьим заняться беднягой Уилпойсом.

— Спасибо, я сам. — Лоуренс отстранил тех, кто собирался унести заодно и его. Дыхание у него восстановилось, и он пошел к Отчаянному, севшему рядом с Лили, — успокаивать обоих.

Шуазель очнулся лишь в середине дня. Сначала язык плохо повиновался ему, но на следующее утро он полностью пришел в себя и отказался отвечать на вопросы.

Все драконы запасника окружили Прекурсориса плотным кольцом, однако в повиновении его удерживала только угроза предать Шуазеля смерти. Средство, к которому прибег сам Шуазель, принуждая Лили бежать с ним во Францию, теперь обернулось против него. Прекурсорис, съежившись в своих цепях, ничего не ел и временами испускал тихие стоны.

— Харкорт, — сказал Лентон, придя в столовую, где собрались все офицеры, — мне чертовски жаль обращаться к вам с такой просьбой, однако… Больше ни с кем он говорить не желает, но вам, если у него осталась хоть капля чести,

должен дать объяснения. Вы согласны его допросить?

Она, кивнув, допила свой бокал, но при этом так побледнела, что Лоуренс тихо предложил:

— Хотите, я пойду с вами?

— Да, прошу вас, — благодарно ответила она, и они вместе направились в темную камеру Шуазеля.

Шуазель не мог смотреть Харкорт в глаза. Он тряс головой, содрогался, а когда она приступила к нему с вопросами, даже заплакал.

— Да будьте вы прокляты! — наконец вскричала она. — Как у вас только духу хватило? Все, что вы говорили мне, было ложью. Не вы ли подстроили нам засаду на пути в Дувр? Отвечайте!

Француз отнял руки от лица и взмолился, глядя на Лоуренса:

— Бога ради, заставьте ее уйти. Вам я скажу все, только пусть она выйдет.

Лоуренс не имел ни малейшего желания вести допрос, но к чему длить напрасные страдания Харкорт? По его просьбе она тут же выбежала из камеры, оставим мужчин вдвоем. Лоуренсу тяжело было задавать вопросы и еще тяжелее слышать, что Шуазель задумал измену, как только покинул Австрию.

— Я знаю, что вы обо мне думаете, — сказал француз, видя отвращение на лице Лоуренса. — Вы правы, но у меня попросту не было выбора.

Раньше Лоуренс сдерживался, но эта жалкая попытка оправдаться разожгла его гнев.

— Вы могли избрать честный путь, — бросил он, — и выполнять свой долг там, где вас приютили.

— Вот как? — невесело рассмеялся Шуазель. — А что сделал бы со мной Бонапарт, который будет в Лондоне не позднее грядущего Рождества? Не нужно так на меня смотреть. Я в этом уверен. Если бы я мог хоть как-то предотвратить подобный исход, то непременно предотвратил бы.

— Вместо этого вы стали предателем дважды и помогли ему, в то время как первую вашу измену могла оправдать только верность принципам. — Уверенность Шуазеля невольно встревожила Лоуренса, но он ничем не выдал себя.

— Принципы, принципы… — Вся бравада Шуазеля куда-то исчезла, оставив за собой только усталость и покорность судьбе. — Франция не испытывает такого недостатка в драконах, как вы. Бонапарт и раньше их казнил за измену. Что мне до принципов, когда на Прекурсорисе лежит тень гильотины? Куда мне с ним укрыться? В

Россию? Он переживет меня лет на двести, а вы должны знать, как обращаются там с драконами. До Америки нам без корабля не добраться. Вся моя надежда — на прощение, и Бонапарт предложил мне его — но не даром.

— В обмен на Лили, — холодно уточнил Лоуренс.

— Нет, — ответил, к его удивлению, Шуазель. — В обмен на вашего. Вернее, на яйцо, подарок китайского императора. Его он и требовал вернуть, не зная, что Отчаянный уже вылупился. — Шуазель развел руками: — Быть может, императора следовало убить…

Лоуренс ударил его по лицу с такой силой, что узник повалился на каменный пол камеры, с грохотом опрокинув стул. В дверь заглянул часовой.

— Все в порядке, сэр? — Он смотрел только на Лоуренса, благополучие Шуазеля его мало трогало.

— Да, можете идти. — Лоуренс вытер руку платком. Раньше бы ему даже в голову не пришло бить заключенного, но сейчас он не испытывал никакого стыда. Сердце стучало, не унимаясь.

Шуазель, потрогав разбитую губу, поставил стул на место и сел.

— Извините. Я думал об этом, но заставить себя

не смог и решил, что вместо этого… — Он умолк, видя, как лицо Лоуренса снова налилось кровью: капитан весь кипел при мысли, что лишь остатки совести Шуазеля спасли Отчаянного от грозившего ему столько месяцев зла.

— Вместо этого, — произнес он с гадливостью, — вы решили соблазнить девушку, вчерашнюю школьницу, и похитить ее.

Шуазель молчал, не находя, видимо, никаких доводов в свое оправдание.

— На честь вы больше не можете претендовать, — снова заговорил Лоуренс. — Расскажите мне, что задумал Бонапарт, и Лентон, возможно, отошлет Прекурсориса в Ньюфаундлендский питомник. Если вы, конечно, действительно печетесь о нем, а не о собственной шкуре.

Шуазель побледнел.

— Я готов рассказать то немногое, что мне известно, если адмирал даст мне слово.

— Нет. Вы можете надеяться лишь на милосердие, которого не заслуживаете. Сделок с вами я заключать не стану.

Сломленный Шуазель заговорил так тихо, что Лоуренс едва слышал его.

— Я не знаю в точности планов Бонапарта, но мне было поручено ослабить здешнюю оборону.

В частности, постараться, чтобы на Средиземное море отправили как можно больше драконов.

Лоуренсу стало не по себе. Что ж, эту задачу шпион выполнил с блеском.

— Располагает ли его флот какими-то средствами, чтобы прорвать блокаду и покинуть Кадис? Есть ли у Бонапарта основания полагать, что флот доберется сюда без столкновения с Нельсоном?

— По-вашему, он стал бы со мной советоваться? — пробормотал, не поднимая головы, Шуазель. — Для него я такой же предатель. Мне дали задание и ни во что больше не посвящали.

Поспрашивав еще, Лоуренс убедился, что Шуазель действительно рассказал все, что знал. В сильной тревоге и с нехорошим осадком на душе капитан направился прямиком к Лентону.

Последние новости тяжким гнетом легли на запасник. Капитанов не посвятили в подробности, но все до последнего кадета и грума знали, что дела плохи. Шуазель удачно рассчитал время: почтовый курьер ожидался теперь только через шесть дней, и лишь через две недели после него можно было надеяться на возвращение какой-то части их воздушного гарнизона. Ополчению и нескольким армейским подразделениям уже послали предупреждение. Они должны были под-

тянуться через несколько дней, чтобы укрепить артиллерийскую оборону берега.

Лоуренс, у которого имелись дополнительные причины для беспокойства, просил Грэнби и Холлина смотреть за Отчаянным особенно бдительно. Бонапарт, задавшись целью отнять у противника столь ценный трофей, мог заслать к ним и другого агента, способного убить дракона без зазрения совести.

— Обещай мне соблюдать осторожность, — твердил капитан самому Отчаянному. — Не ешь ничего, если кого-то из нас нет рядом, а если к тебе захочет подойти незнакомец, не подпускай его ни под каким видом. Перелети на другой луг, если придется.

— Я буду осторожен, Лоуренс, обещаю. Не понимаю только, зачем французскому императору нужно меня убивать. Ему-то какая польза? Лучше попросил бы у китайцев другое яйцо.

— Вряд ли они дадут ему другое, голубчик, раз он первого не сумел уберечь. Одно то, что ему сделали такой подарок, немало меня удивляет. Французский посланник при китайском дворе должен быть весьма талантливым дипломатом. Кроме того, тут может быть затронута гордость. Подумать только — какой-то ничтож-

ный британский моряк перехватил дракона, предназначенного самому императору!

— Уверен, он бы мне ни чуточки не понравился, — презрительно фыркнул Отчаянный, — даже если бы я вылупился во Франции. О нем рассказывают одни только неприятные вещи.

— Не знаю, право. Часто приходится слышать о его непомерной гордыне, но нельзя отрицать, что он великий человек, хотя и тиран. — Лоуренс говорил это с неохотой. Он много бы дал за то, чтобы убедить самого себя в глупости Бонапарта.

Лентон распорядился посылать в патруль только половину звена. Вторая половина в это время проходила ускоренную боевую подготовку. Из запасников Эдинбурга и Инвернесса к ним под покровом ночи тайно прибыли еще несколько драконов, в том числе и Викториатус — парнасиец, которого они спасли, как теперь казалось, давным-давно. Его капитан Ричард Кларк первым делом пришел поздороваться с Лоуренсом и Отчаянным.

— Надеюсь, вы мне простите, что я так запоздал со своей благодарностью. В Лэггане, признаться, я думал только о том, чтобы он пришел в себя, и отправили нас оттуда без всякого предупреждения, как, полагаю, и вас.

— Не беспокойтесь по пустякам, — сердечно ответил Лоуренс. — Надеюсь, теперь он совсем выздоровел?

— Да, благодарение небу — и как раз вовремя, — сумрачно молвил Кларк. — Нападения, насколько я понял, можно ждать в любую минуту.

Томительные дни тянулись, а враг все не появлялся. Разведчики, которым придали еще трех винчестеров, докладывали, что вражеский берег в любое время суток усиленно охраняется с воздуха, и нет никакой возможности проникнуть чуть глубже и добыть какие-то сведения.

Левитас тоже летал в разведку, но с Ренкином Лоуренс, по счастью, встречался не слишком часто. Он старался не замечать того, что не мог исправить. Если бы он продолжал навещать винчестера, это привело бы к ссоре, крайне нежелательной для всего запасника. Однако он пошел на сделку с совестью и промолчал, увидев виноватого Холлина в ранний час с полным ведром грязной протирочной ветоши.

В ночь на воскресенье всех охватило уныние. Миновала первая неделя ожидания, но Волатилус так и не прилетел. Погода стояла ясная, и непонятно было, что могло его задержать. Не прибыл

он и в последующие три дня. Лоуренс старался не смотреть на небо и не замечать таких же стараний своего экипажа. Вечером он обнаружил в парке Эмили, которая спряталась там, чтобы поплакать.

Девочке было стыдно, что ее поймали за этим, и она притворялась, будто ей что-то попало в глаз. Лоуренс привел ее к себе, напоил какао.

— Я был на два года старше вас, когда ушел в море, — сказал он, — и всю первую неделю ревел по ночам. — Ее взгляд, откровенно скептический, вызвал у него смех. — Не думайте, что я сочинил это ради вас. Когда вы будете капитаном и застанете одного из ваших кадетов в сходных обстоятельствах, вы, может быть, расскажете ему то же самое, что я сегодня рассказал вам.

— Я не то что боюсь, — пробормотала она, сонная от усталости и какао. — Я знаю, Эксидиум не позволит, чтобы с мамой случилось плохое, а он самый лучший дракон в Европе. — Тут она вздрогнула, поняв свою оплошность, и поспешно добавила: — Отчаянный, конечно, почти такой же хороший.

— Отчаянный гораздо моложе, — серьезно кивнул Лоуренс. — Возможно, набравшись опыта, он станет вровень с Эксидиумом.

— Да-да, — с облегчением согласилась она.

Капитан спрятал улыбку. Через пять минут Эмили крепко уснула. Он уложил ее на кровать и пошел спать к Отчаянному.

— Лоуренс, Лоуренс! — Отчаянный тыкал его носом, хотя до рассвета было еще далеко. Вдали слышались голоса, трещали ружейные выстрелы. Лоуренс вскочил. Никого из экипажа на лугу не было. Отчаянный поднялся на ноги, расправил крылья. — Что это, Лоуренс? Может, на нас напали? Но ни одного дракона в небе не видно.

— Сэр, сэр! — К нему мчался Морган, едва не падая в спешке. — Прилетел Волли. Произошло большое сражение, Наполеон убит!

— Значит, войне конец? — разочарованно пробурчал Отчаянный. — Так я и не побывал в настоящей битве.

— Возможно, эту новость немного преувеличили. Я буду очень удивлен, если Бонапарт в самом деле погиб. — Но голоса звучали радостно — вести явно были хорошие, пусть и не такого калибра. — Ступайте разбудите мистера Холлина, Морган, и всех его людей тоже. Извинитесь от моего имени и попросите их подать завтрак Отчаянному. Я пойду все разузнаю, голубчик, а потом расскажу тебе.

— Да, только приходи скорее. — Отчаянный встал на задние лапы, пытаясь разглядеть что-то за деревьями.

Здание штаба сияло огнями. Волли, сидя на плацу перед домом, пожирал барашка, пара механиков из почтовой службы сдерживала валящую из казармы толпу. Армейские офицеры и ополченцы палили из ружей. Лоуренс с трудом пробрался к парадной двери.

Дверь в кабинет Лентона была закрыта, но в офицерском клубе сидел Джеймс, поглощая пищу немногим умеренней своего дракона.

— Нельсон велел мне ждать. Сказал, что они выйдут из порта раньше, чем я успею обернуться туда и обратно, — говорил он с набитым ртом, а Саттон делал на бумаге наброски. — Я не очень-то в это верил, но воскресным утром они действительно вышли, и в понедельник мы встретили их у мыса Трафальгар.

Он залпом осушил чашку кофе, отодвинул тарелку и забрал у Саттона лист с набросками.

— Дайте-ка мне. — Он принялся рисовать кружки, обозначавшие корабли. — Двадцать семь кораблей и двенадцать драконов с нашей стороны, тридцать три и десять с французской.

— Две колонны и двойной прорыв линии? — Ло-

уренс смотрел на чертеж с одобрением. Именно такую стратегию применил бы он сам, чтобы рассеять французов — вряд ли их плохо обученные команды смогли оправиться после такого удара.

— Что? А, корабли, ну да. Эксидиум и Летификат шли над наветренной колонной, Мортиферус над подветренной. Во главе дивизионов, доложу я вам, было жарко. Я еле различал с высоты верхушки мачт, такой там стоял дым. Однажды мне показалось, что «Виктория» взлетела на воздух: один чертов испанец, флеча-дель-фузгос,[12] проскочил мимо наших стрелков и поджег на ней все паруса, но Летификат обратила его в бегство.

— Каковы же наши потери? — тихо спросил Уоррен, нарушив общее ликование.

— Там была настоящая кровавая баня, не сомневайтесь. Думаю, мы потеряли убитыми тысячу человек. Бедняга Нельсон сам был на волосок от гибели: пылающий парус упал прямо на квартердек, где стоял он. Какие-то шустрые ребята залили адмирала из питьевого бака, но все его медали, говорят, прикипели к телу. Теперь он будет их носить, не снимая.

— Тысяча человек! Упокой, господи, их души, —

---

[12] Примечания: 12
огненная стрела (исп.)

промолвил Уоррен.

Все притихли, но постепенно радость снова возобладала над чувствами, которые, вероятно, больше приличествовали минуте.

— Прошу меня извинить, джентльмены. — Лоуренс почти кричал из-за возобновившегося шума. Узнать что-то еще нечего было и думать. — Я обещал Отчаянному, что скоро вернусь. Бонапарт, полагаю, жив, Джеймс?

— Да, как ни жаль, если его только удар не хватил от таких новостей. — Раскат хохота, последовавший за словами Джеймса, перешел в песню «Стальные сердца», которая проводила Лоуренса через весь парк.

К восходу солнца запасник наполовину опустел. Спать никто уже не ложился, и всеобщее возбуждение дошло чуть ли не до истерики — нервы, натянутые до предела, с трудом переносили нежданную радость. Лентон даже не пытался призвать подчиненных к порядку и притворился близоруким, когда они хлынули в город — поделиться вестью с мирными жителями.

— Какой бы план вторжения ни выдумал Бонапарт, теперь о нем можно забыть, — заявил Чинери вечером. Капитаны стояли на балконе, а внизу толпились вернувшиеся из города. Все

пьяные в дым, но слишком счастливые, чтобы затевать ссоры. Наверх долетали обрывки песен. — Хотел бы я видеть его лицо.

— Мы, видимо, были о нем слишком высокого мнения. — Лентон, хорошо угостившийся портвейном, был румян и доволен собой. Его решение отправить Эксидиума в Кадис оказалось верным и послужило немалым вкладом в победу. — Ясно, что на море он воюет хуже, чем на земле или в воздухе. Непосвященному человеку трудно понять, как могли тридцать три корабля так легко уступить двадцати семи.

— Но почему же его воздушное подкрепление так запоздало? — с недоумением спросила Харкорт. — Всего десять драконов, и половина из них, как говорит Джеймс, испанские. В Австрии у него вдесятеро больше. Неужели он так и не отправил никого с Рейна?

— Я слышал, что перелет через Пиренеи чертовски труден, хотя сам ни разу не пробовал, — сказал Чинери. — Однако причина, мне думается, не в этом. Он просто счел, что Вильнёву помощь не требуется, и оставил драконов отъедаться в запасниках. Думал, что Вильнёв пройдет сквозь Нельсона, потеряв разве что парочку кораблей. Ждал свой флот со дня на день, недоумевая, куда

же тот подевался, а мы все это время попусту грызли ногти.

— Теперь ему не на чем перевезти свою армию, — добавила Харкорт.

— Сошлюсь на слова лорда Сен-Винсента: «Я не говорю, что вторжение невозможно, я говорю лишь, что они не могут вторгнуться с моря», — с усмешкой процитировал Чинери. — А если Бонапарт задумал взять Британию с сорока драконами, милости просим. Не зря же ребята из ополчения понатыкали столько пушек. Жаль будет, если их труды пропадут впустую.

— Я бы, признаться, не отказался от случая преподать этому негодяю еще один хороший урок, — сказал Лентон. — Но он не настолько глуп. Удовлетворимся тем, что честно выполнили свой долг, и предоставим австрийцам утереть ему нос. Все его надежды на вторжение рухнули. — Адмирал допил свой портвейн и добавил: — Боюсь, однако, что нам придется принять решение относительно Шуазеля. Он нам больше не нужен, и тянуть незачем.

Наступило молчание. Харкорт издала звук, напоминающий всхлип, но не сказала ни слова против и лишь спросила на удивление ровным голосом:

— Вы уже решили, как поступить с Прекурсорисом?

— Отправим его на Ньюфаундленд, если он согласится. Им там нужен производитель, а характер у него как будто не злобный. Во всем виноват один Шуазель. Чертовски жаль, конечно, и наших зверей это очень расстроит, но делать нечего. Лучше не откладывать и покончить с этим завтра же утром.

Шуазелю дали краткое свидание с Прекурсорисом. Большого дракона, опутанного цепями, с двух сторон охраняли Максимус и Отчаянный. Лоуренс чувствовал, как дрожит его дракон, вынужденный присутствовать при этой сцене. Прекурсорис горестно мотал головой, пока Шуазель убеждал его принять предложение Лентона. Но в конце концов затих, изобразив что-то вроде кивка, и Шуазель прижался щекой к его носу.

Конвоиры вышли вперед. Прекурсорис попытался рвануть их когтями, но цепи удержали его. Когда Шуазеля повели прочь, дракон испустил душераздирающий крик. Отчаянный с тихим стоном припал к земле, а Лоуренс — к его шее.

— Не смотри, голубчик, — сдавленным голосом уговаривал капитан. — Еще миг, и все будет кончено.

Прекурсорис вновь закричал и тяжело рухнул наземь, как будто вся жизнь ушла из его тела. Лентон жестом отпустил стражу.

— Летим, — сказал Лоуренс, и Отчаянный, взмыв над виселицей, понесся в сторону моря.

— Лоуренс, можно мне перевести сюда Максимуса и Лили? — спросил со своей обычной резкостью Беркли, явившись без предупреждения к ним на луг. — Места у вас достаточно.

Лоуренс посмотрел на него, не понимая. Отчаянный лежал все такой же несчастный, спрятав голову под крыло. Они несколько часов летали вдвоем над океаном. В конце концов Лоуренс, опасаясь, что Отчаянный совсем выбьется из сил, попросил его повернуть назад. Сам он чувствовал жар и ломоту во всем теле, точно его лихорадило. Ему уже доводилось видеть, как вешают осужденных — такова суровая действительность флотской жизни, — и Шуазель заслужил свою участь больше, чем многие моряки. Лоуренс не знал, почему именно эта казнь подействовала на него так тяжело.

— Как хотите, — сказал он вяло и снова уронил голову.

Вверху зашумели крылья, и Максимус, ненадолго заслонив солнце, хлопнулся рядом с

Отчаянным. За ним последовала Лили. Все трое образовали тесную кучку. Отчаянный, немного разжавшись, свился с обоими, а Лили окутала всю компанию своими большими крыльями.

Беркли привел Харкорт и усадил ее, безвольную, рядом с Лоуренсом. Потом сам грузно опустился на траву и молча передал по кругу бутылку. Неразбавленный ром сразу ударил в голову Лоуренсу, который весь день ничего не ел, успокоительно притупив все мысли и ощущения.

Немного погодя Харкорт расплакалась. Лоуренс, стиснув ее плечо, в ужасе заметил, что у него самого мокрые щеки.

— Он был предатель, лживый предатель, — лепетала она, утирая слезы рукой. — Мне его ни капли не жалко. — Видно было, что она говорит это больше для собственного утешения.

Беркли снова сунул ей в руки бутылку.

— Дело не в нем. Чертов мерзавец получил по заслугам. Вы жалеете дракона, и они тоже. Страна и король для них не очень-то много значат. Прекурсорис никогда не задумывался над этим — он летел, куда ему говорил Шуазель.

— А что, Бонапарт в самом деле мог казнить Прекурсориса за измену? — спросил Лоуренс.

— Весьма вероятно. На континенте это изредка делают. Главное здесь не наказание виновных, а устрашение их опекунов.

Лоуренс пожалел, что задал вопрос. В этом по крайней мере Шуазель не солгал.

— Корпус, безусловно, дал бы ему убежище в колониях, если бы он попросил, — сказал он сердито. — Это не оправдание. Он рисковал Прекурсорисом, чтобы вернуть себе положение на родине, вот и вся правда. Ведь и мы с тем же успехом могли предать смерти его дракона.

— Он знал, что мы при нашей бедности на такое не пойдем, — возразил Беркли. — Это я не к тому, чтобы его извинить — я того же мнения на его счет, как и вы. Он думал, что Бонапарт нас побьет, а жизнь в колониях его не устраивала. Скверно только, что из-за него страдает дракон, который ничего дурного не сделал.

— Нет, сделал! — неожиданно произнес Отчаянный. Люди уставились на него, драконы тоже подняли головы. — Шуазель не заставил бы его улететь из Франции или вредить нам, если бы он сам не хотел. Думаю, что он виновен ничуть не меньше.

— Вряд ли он понимал, в чем туг дело, — предположила Харкорт.

— Он должен был разобраться, прежде чем дать согласие, — не уступал Отчаянный. — Он не так прост, как Волли. Если бы он отказался, жизнь и честь его опекуна были бы спасены. Будь я виноват так же, как он, я счел бы позором, что моего опекуна казнили, а меня нет. Да я бы и не дал никому казнить Лоуренса, — добавил он, свирепо мотнув хвостом. — Пусть бы попробовали.

Максимус и Лили согласно зарокотали.

— Я не позволил бы Беркли стать изменником, — заявил Максимус, — но если бы он все-таки стал, я раздавил бы любого, кто попытался его повесить.

— А я бы просто взяла Кэтрин и улетела, — сказала Лили. — Думаю, что и Прекурсорис хотел сделать нечто подобное. Просто цепи не смог разорвать — он ведь меньше вас обоих и кислотой тоже плевать не умеет. Притом он был один, и его охраняли. Не знаю, что бы я сделала, если бы не смогла убежать.

Драконы сплелись в новом приступе горя.

— Вот что, — решительно молвил Отчаянный через некоторое время. — Если тебе когда-нибудь понадобится спасать Кэтрин, а тебе, Максимус, Беркли, я вам помогу. А вы в случае чего поможете мне. Тогда нам можно будет не беспокоиться.

Нас троих вряд ли кто остановит — убежать, во всяком случае, успеем.

Двух других этот замечательный план несказанно обрадовал. Лоуренс начинал раскаиваться в том, что глотнул столько рому. Аргументы никак не желали формироваться в уме — а возразить требовалось, и срочно.

— Ну, хватит, — выручил его Беркли. — Договоритесь до того, что нас в самом деле повесят. Есть хотите? Мы сами не пойдем в столовую, пока вас не накормим, так что для начала можете нас спасти от голодной смерти.

— Не думаю, что тебе грозит умереть с голоду, — заметил Максимус. — Две недели назад врач говорил, что ты слишком толстый.

— Ах ты черт! — вознегодовал Беркли, а Максимус зафыркал, радуясь, что сумел его раздразнить. Вскоре драконы согласились, что поесть действительно не мешает, и Лили с Максимусом улетели на свои лужайки кормиться.

— А все-таки мне жаль Прекурсориса, хотя он нехорошо поступал, — сказал вдруг Отчаянный, разделавшись со своей порцией. — Почему Шуазеля не отпустили в колонии вместе с ним?

— За такие вещи необходимо наказывать, иначе люди будут чаще совершать плохие поступки.

Уж он-то сполна заслужил наказание. — После еды и крепкого кофе в голове у Лоуренса слегка прояснилось. — Шуазель хотел, чтобы Лили страдала так же, как теперь Прекурсорис. Представь, что было бы, если бы француз взял меня в плен и заставил тебя воевать против прежних твоих друзей, чтобы спасти мою жизнь.

— Да, понимаю, — сказал не до конца удовлетворенный дракон. — Но мне все-таки кажется, что его могли наказать по-другому. Разве не лучше было оставить его в заключении и заставить Прекурсориса воевать за нас?

— Ты рассуждаешь очень разумно, но измена всегда карается смертной казнью. Это слишком тяжкое преступление, чтобы обойтись такой мягкой мерой, как заключение.

— Значит, Прекурсориса не казнили только потому, что это было бы расточительством? Потому что им нужен производитель?

Лоуренс не сразу нашел, что на это ответить.

— Честно говоря, нам как авиаторам претит самая мысль о казни дракона. Поэтому мы нашли предлог оставить его в живых. Кроме того, наши законы писаны для людей, и было бы не совсем порядочно применять их к дракону.

— Вот с этим я полностью согласен, — сказал

Отчаянный. — Я слышал о некоторых законах, и смысла в них очень мало. Не знаю, стал бы я их соблюдать, если бы не боялся навредить тебе. Если вы, люди, хотите, чтобы мы подчинялись законам, было бы только разумно обсудить их сначала с нами. Ты читал мне про парламент, но я не помню, чтобы туда приглашали драконов.

— Этак ты скоро начнешь выступать против обложения налогом без представительства и выкинешь в гавань целый груз чая. В душе ты истинный якобинец, и от этого тебя, пожалуй, уже не излечить. Мне остается лишь умыть руки и снять с себя всякую ответственность.

Глава двенадцатая

Утром следующего дня Прекурсориса посадили на транспорт, идущий из Портсмута в маленький Новошотландский запасник. Оттуда его должны были препроводить на Ньюфаундленд, где совсем недавно основали питомник. Лоуренс не хотел больше видеть убитого горем дракона и намеренно засиделся с Отчаянным допоздна, чтобы тот проспал миг отплытия.

Лентон распорядился мудро. Все продолжали праздновать победу при Трафальгаре, и на этом фоне чье-то личное горе казалось не столь заметным. В тот же вечер в устье Темзы устроили фейерверк, о котором оповещали расклеенные повсюду афиши. Туда-то по приказу адмирала и отправили самых молодых и впечатлительных драконов запасника — Лили, Отчаянного и Максимуса.

Лоуренс испытал глубокую благодарность, когда в небе затрещали огненные соцветия, и музыка с барж поплыла по воде. Отчаянный смотрел во все глаза на цветные огни, отражавшиеся в его чешуе и зрачках, и вертел головой, стараясь не упустить ничего. На обратном пути он только

и говорил, что о музыке и фейерверке.

— Это и есть концерт? В Дувре дают такие же? Нельзя ли будет слетать туда еще раз и сесть чуть поближе, Лоуренс? Я бы вел себя очень тихо и никого не побеспокоил.

— Такие фейерверки, голубчик, устраиваются только в особых случаях, а концерт — это просто музыка. — Лоуренс уклонился от прямого ответа, предугадывая, что произойдет с горожанами, когда дракон явится на концерт.

Отчаянного, впрочем, это не слишком обескуражило.

— Я и музыку послушал бы с удовольствием, — сказал он. — Сегодня ее было не очень хорошо слышно.

— Не знаю, можно ли это устроить в городе, — начал Лоуренс, и тут его осенило. — Но я постараюсь пригласить музыкантов в запасник, чтобы они сыграли тебе. Это будет гораздо удобнее во всех отношениях.

— Да, это было бы просто великолепно! — воскликнул Отчаянный. Он поделился задумкой с Лили и Максимусом, как только те приземлились, и оба отнеслись к ней с таким же живым интересом.

— Черт вас возьми, Лоуренс, научитесь же

наконец говорить «нет», — проворчал Беркли. — Вечно вы нас втравливаете в какую-нибудь нелепицу. Да музыкантов никакими деньгами сюда не заманишь.

— Никакими? Думаю, что за недельное жалованье и хороший ужин они согласились бы играть хоть в Бедламе.

— А мне это по сердцу, — сказала Харкорт. — Я бы сама охотно послушала. В последний раз я была на концерте в шестнадцать лет. Пришлось надевать платье, а сидевший рядом субъект шептал мне разные пошлости, пока я не перевернула кофе ему на колени. После этого он сразу ушел, но успел испортить мне удовольствие.

— Боже правый, Харкорт! Когда мне вздумается приударить за вами, надо будет посмотреть, нет ли у вас под рукой чего-то горячего, — сказал Беркли.

Лоуренс в равной степени ужасался и назойливости ее кавалера, и избранному ею способу защиты.

— Я могла бы его ударить, но для этого мне пришлось бы вставать. Вы себе не представляете, как долго надо пристраивать юбки, когда садишься — в первый раз это заняло у меня минут пять. Не хотелось повторять это заново, — объяснила

Харкорт. — Мимо как раз шел лакей, и я решила, что так будет проще и приличнее для девицы.

Лоуренс, все еще порядком напуганный, пожелал обоим спокойной ночи, Отчаянный, на его взгляд, уже оправился от горя, но капитан все-таки устроился на ночь у него под боком, в палатке. Утром, едва рассвело, к нему заглянул большой глаз: Отчаянный интересовался, не хочет ли Лоуренс отправиться в Дувр и договориться насчет концерта прямо сегодня.

— Я бы хотел выспаться, но раз этому сбыться не суждено, пойду отпрашиваться у Лентона. — Лоуренс вылез наружу. — Только позавтракаю сначала, с твоего позволения.

— Да, конечно, — великодушно разрешил Отчаянный.

Лоуренс, все еще ворча, натянул мундир. По дороге в штаб он чуть не столкнулся с бегущим во всю прыть Морганом.

— Сэр, адмирал Лентон хочет вас видеть! — пыхтя от волнения, сообщил мальчуган, — Он говорит, что на Отчаянного нужно надеть боевую сбрую.

— Хорошо. — Лоуренс скрыл удивление. — Скажите об этом лейтенанту Грэнби и мистеру Холлину, а затем исполняйте то, что прикажет

лейтенант Грэнби. Никому больше ни слова.

— Есть, сэр. — Мальчик припустил к казарме, Лоуренс прибавил шагу.

— Входите, Лоуренс, — сказал адмирал, как только он постучался.

Все другие капитаны запасника, похоже, уже собрались. Ренкин, к изумлению Лоуренса, тоже был тут и сидел рядом с адмиральским столом. С тех пор как Ренкина перевели сюда из Лох-Лэггана, они, словно по молчаливому уговору, старались разговаривать друг с другом как можно меньше. Лоуренс не знал, чем занимаются Ренкин и Левитас, однако их служба, видимо, была сопряжена с немалой опасностью. Сквозь бинт на ноге у Ренкина проступила кровь, бледное лицо кривилось от боли.

Лентон заговорил, как только подтянулись все опоздавшие.

— Вы, должно быть, уже знаете, джентльмены, что мы рановато начали праздновать. Капитан Ренкин, совершая облет побережья, сумел проникнуть вглубь и узнать, что там делает корсиканец. Извольте посмотреть сами.

Он подвинул к ним по столу большой лист бумаги. Сквозь следы крови и грязи четко проступал изящно выполненный рисунок. Лоуренс

нахмурился, стараясь разгадать, что изображает чертеж. Сооружение напоминало линейный корабль, но без фальшборта на верхней палубе и без мачт. С носа и кормы выступали странные толстые бимсы, орудийные порты отсутствовали.

— Для чего это нужно? — Чинери перевернул чертеж вверх ногами. — Разве у них и без того мало лодок?

— Возможно, я проясню дело, сказав, что драконы носят эти штуки по воздуху, — произнес Ренкин. Вот для чего нужны бимсы, понял Лоуренс: через них лодка крепится к сбруе дракона. Наполеон задумал переправить свою армию по воздуху, над пушками местной эскадры, пока основные воздушные силы Британии сосредоточены на Средиземном море.

— Не совсем ясно, сколько человек помещается в каждой… — начал Лентон.

— Прошу прощения, сэр, — перебил его Лоуренс, — могу я узнать, какой длины эти лодки? И насколько верен масштаб?

— Полагаю, довольно верен, — сказал Ренкин. — Я видел, как ее несли с одной стороны два жнеца, и место еще оставалось. Футов двести, я думаю.

— Значит, внутри это как трехпалубник, —

угрюмо проронил Лоуренс. — Если подвесить гамаки и не брать провизию, за один короткий рейс можно перенести две тысячи человек.

По комнате прокатился тревожный ропот.

— Меньше двух часов в один конец, даже если лететь из Шербура, — заметил Лентон, — а драконов у него больше шестидесяти.

— Пятьдесят тысяч солдат за утро. О Боже, — промолвил незнакомый Лоуренсу капитан из новоприбывших.

Все остальные тоже успели сделать в уме этот нехитрый расчет. В комнате между тем находилось не более двадцати человек, четверть которых составляли разведчики и курьеры, мало пригодные для боевых действий.

— Но для воздуха эти устройства кажутся мне чересчур неуклюжими, — сказал Саттон, изучая чертеж. — И смогут ли драконы нести такой вес?

— Скорее всего они строятся из легкого дерева и рассчитаны на один раз. Делать их водонепроницаемыми нет нужды, — ответил Лоуренс. — Для переправы им нужен только восточный ветер. Суда узкие, и сопротивление у них небольшое, но в воздухе они уязвимы. Надеюсь, Эксидиум и Мортиферус уже вылетели обратно?

— До нас им в лучшем случае еще дня четы-

ре, — сказал Лентон. — И Бонапарту, думаю, это известно не хуже, чем нам. Он пожертвовал почти всем своим флотом и испанским в придачу, чтобы от них избавиться. Такого случая он не упустит. — Невеселое молчание подтвердило правдивость слов адмирала. Лентон, не поднимая глаз, встал из-за стола. Вопреки обыкновению это получилось у него очень медленно, и Лоуренс впервые заметил, какие седые и редкие у Лентона волосы. — Джентльмены, — произнес он, — ветер сегодня северный, так что он, на наше счастье, может воздержаться от переправы. Все наши разведчики будут посменно летать к Шербуру, чтобы предупредить нас хотя бы за час до начала. Нет нужды говорить вам, насколько их численность больше нашей. Будем делать что можем. Если мы не в силах сорвать эту вылазку, постараемся всемерно ей помешать.

Все молчали, и адмирал миг спустя добавил:

— Все тяжеловесы и средневесы сражаются самостоятельно. Цель — уничтожение вражеских транспортных средств. Вас, Чинери и Уоррен, назначаю фланговыми при Лили; двое разведчиков пойдут верхним эшелоном в ее звене. Некоторых драконов Бонапарт, безусловно, выделит для обороны, и ваша задача, капитан Харкорт, —

сдерживать их до последней возможности.

— Да, сэр, — сказала она. Остальные ограничились кивками.

Адмирал с глубоким вздохом провел рукой по липу.

— Это все, джентльмены. Готовьтесь.

* * *

Утаивать что-то от экипажа не было смысла. Французы, чуть не перехватившие Ренкина на обратном пути, уже знали, что их тайна раскрыта. Лоуренс рассказал обо всем своим лейтенантам и стал наблюдать, как новость распространяется среди остальных. Лица твердели, обычная утренняя болтовня прерывалась. Даже самые младшие, как отмечал он с гордостью, принимали неизбежное с большим мужеством и сразу брались за работу.

Отчаянного впервые, если не считать тренировок, облачали в тяжелую боевую сбрую. Для патрулирования использовалась гораздо более легкая, а свой единственный бой они выиграли в дорожной сбруе. Дракон стоял не шевелясь, повернув назад голову, и с волнением следил за процессом. К плотным ремням с тройными рядами заклепок крепились доспехи — полотнища

стальной сетки.

Лоуренс, инспектируя снаряжение, вдруг заметил, что Холлина нигде нет. Не веря себе, он трижды обвел взглядом луг и окликнул бронемастера Пратта, занятого крепежом нагрудных и плечевых лат.

— Где мистер Холлин?

— Не помню, чтобы видел его нынче утром, сэр. А вечером был, это точно.

— Хорошо. Роланд, Дайер, Морган, поищите мистера Холлина и попросите его безотлагательно явиться сюда.

— Есть, сэр, — ответили они в унисон, посовещались и разбежались в разные стороны.

Лоуренс хмуро вернулся к наблюдению за работами. Он никогда не понимал людей, пренебрегающих своими обязанностями, а в таких обстоятельствах этому и вовсе не было оправдания. Быть может, Холлин заболел? Но в таком случае он должен был предупредить кого-нибудь из рабочих.

Час спустя, когда Отчаянного оснастили полностью, и экипаж под бдительным оком лейтенанта Грэнби отрабатывал маневр «все на борт», Роланд, запыхавшаяся и несчастная, наконец прибежала назад.

— Сэр, мистер Холлин с Левитасом, не сердитесь, пожалуйста, — выпалила она на одном дыхании.

— Вот как. — Лоуренс испытал легкое смущение. Он, естественно, не говорил Роланд, что смотрит сквозь пальцы на визиты Холлина к винчестеру, и теперь девочка чувствовала себя неловко в роли доносчицы. — Ему придется за это ответить, но не сейчас. Скажите ему, что он срочно нужен здесь.

— Я сказала, сэр, а он говорит, что не может оставить Левитаса. Велел мне бежать к вам и просить, чтобы вы тоже пришли, если можете. — Девочка нервничала, не зная, как посмотрит капитан на такое нарушение субординации.

Лоуренс ничего не понимал, но он хорошо знал Холлина, и это решило дело.

— Мистер Грэнби, — окликнул он, — я отлучусь ненадолго. Оставляю вас за себя. Будьте здесь, Роланд, и в случае чего сразу бегите за мной.

Раздражение боролось в нем с беспокойством. Ему очень не хотелось давать Ренкину новый повод для жалоб, особенно в таких обстоятельствах. Никто не мог отрицать, что Ренкин храбро исполнил свой долг, и оскорблять его именно сейчас было недопустимо — но Лоуренс злился на него

ничуть не меньше, чем прежде. Роланд объяснила ему, как найти Левитаса. Тот помещался на маленькой лужайке, совсем рядом со штабным зданием. Ренкин по обыкновению заботился больше о собственных удобствах, чем о драконе. Участки здесь были сильно запущены. Подойдя ближе, Лоуренс увидел, что Левитас лежит на голом песке, положив голову на колени Холлину.

— В чем, собственно, дело, мистер Холлин? — Задав этот резкий вопрос, Лоуренс заметил, что живот Левитаса забинтован, увидел сочащуюся сквозь повязку темную кровь и воскликнул: — О Боже!

Левитас, услышав его голос, с надеждой приоткрыл потускневшие от боли глаза. В них забрезжило узнавание, и винчестер, вздохнув, снова опустил веки.

— Прошу меня извинить, сэр, — сказал Холлин. — Не мог я его бросить. Врач ушел. Сказал, что больше ничего сделать нельзя и что ему недолго осталось. А при нем никого, воды принести и то некому. Ну не мог я его бросить, и все тут.

Лоуренс опустился на колени и положил руку на голову Левитаса — совсем легонько, опасаясь причинить ему лишнюю боль.

— Да, — сказал он. — Я вас понимаю. — Теперь он даже порадовался, что Левитас размещен так близко от штаба. У входа судачили механики, которых Лоуренс тут же послал на помощь Холлину, а Ренкина он нашел в офицерском клубе. Тот пил вино, отчего его цвет лица немного улучшился, и успел сменить окровавленную одежду на свежую. Лентон и двое капитанов-разведчиков обсуждали с ним позиции, которые следовало занять вдоль побережья.

Лоуренс, подойдя к нему, сказал тихо:

— Если можете идти, то вставайте. Если нет, я вас понесу.

— Простите? — Ренкин смерил его холодным взглядом, поставив бокал. — Я вижу, вы снова вмешиваетесь не в свое…

Лоуренс молча наклонил его стул, схватил Ренкина, соскользнувшего на пол, за шиворот и рывком поднял на ноги. Тот вскрикнул от боли.

— Лоуренс, ради всего святого! — изумленно воскликнул Лентон.

— Левитас умирает, и капитан Ренкин хочет проститься с ним. Он просит его извинить. — Лоуренс смотрел адмиралу прямо в глаза, придерживая Ренкина за шиворот и за локоть.

Другие капитаны глядели на них в полнейшем

недоумении.

— Разумеется, — произнес с ударением Лентон после небольшой паузы и протянул руку к бутылке.

Капитаны, посмотрев на него, успокоились.

Ренкин даже не пытался освободиться. Он весь как-то скукожился и ковылял, стараясь не отставать от тащившего его Лоуренса. У самой лужайки Лоуренс повернулся к нему лицом.

— Вы будете добры с ним, понятно? Скажете ему все хорошие слова, которые он заработал сполна и ни разу от вас не слышал. Скажете, что он был храбрым и преданным и что вы не заслуживали такого партнера, как он.

Ренкин смотрел на него, как на опасного сумасшедшего. Лоуренс тряхнул его как следует и добавил:

— Богом клянусь, вы скажете все это и еще больше. Опасайтесь меня разочаровать.

Холлин по-прежнему держал голову Левитаса на коленях. Ему принесли воды, и Холлин, макая чистую тряпицу в ведро, выжимал ее в рот дракону. Взглянув на Ренкина с нескрываемым презрением, он нагнулся к умирающему.

— Левитас, посмотри, кто пришел!

Дракон открыл подернутые молочной пленкой

глаза.

— Мой капитан? — неуверенно проговорил он.

Лоуренс не слишком бережно пихнул Ренкина вперед, бросив его на колени.

Тот ахнул и схватился за раненое бедро.

— Да, это я. — Ренкин посмотрел на Лоуренса, сглотнул и промямлил: — Ты вел себя очень храбро.

Это вышло у него крайне неестественно, но Левитасу немного было нужно для счастья.

— Ты пришел, — выдохнул он. Кровь по-прежнему сочилась у него из-под бинтов — густая, блестящая, почти черная.

Чулки и бриджи Ренкина намокали, но рядом грозно высился Лоуренс, и он даже не пробовал отодвинуться. Левитас вздохнул еще раз, и бока у него опали. Мозолистая рука Холлина закрыла ему глаза.

Лоуренс отпустил ворот Ренкина. Его ярость прошла, сменившись брезгливостью.

— Идите. Нам он в отличие от вас был не безразличен, мы и позаботимся обо всем. — Даже не посмотрев на уходящего Ренкина, он тихо сказал Холлину: — Я не могу остаться. Справитесь без меня?

— Да, — ответил механик, гладя голову умер-

шего. — Тут, конечно, не до церемоний, когда такие дела, но я пригляжу, чтобы его похоронили как следует. Спасибо вам, сэр. Для него это много значило.

— Больше, чем следовало. — Постояв еще немного над телом, Лоуренс вернулся в штаб и отыскал Лентона.

— Итак? — сердито вымолвил адмирал, когда Лоуренс вошел к нему в кабинет.

— Приношу извинения за свое поведение, сэр, и готов понести любое наказание, которое вы сочтете нужным назначить.

— О чем это вы? Я спрашиваю, что с Левитасом.

— Левитас умер, — помолчав, сказал Лоуренс. — Он очень страдал, но под конец ему стало легче.

— Чертовски жаль, — покачал головой Лентон, наливая бренди себе и Лоуренсу. Свой стакан он осушил в два глотка и тяжко вздохнул. — Да и Ренкин остался бездраконным очень невовремя. В Четеме со дня на день должен вылупиться винчестер. Я с ног сбился, подыскивая подходящего парня, а тут освобождается Ренкин, который к тому же теперь и герой. Если я не отдам драконыша Ренкину и он останется неприрученным, вся чертова знатная семейка подымет скандал.

Еще и в парламент запрос сделают, попомните мое слово.

— Лучше бы этот винчестер умер, чем достался ему. — Лоуренс со стуком поставил стакан. — Если вы ищете человека, которому можно довериться, сэр, пошлите туда мистера Холлина. Я головой за него ручаюсь.

— Начальника вашей наземной команды? — недовольно промолвил Лентон, однако задумался. — Что ж, это мысль, если вы находите его годным. Он-то не сочтет, что это губит его карьеру. Не джентльмен, я полагаю?

— Смотря что считать отличительным признаком джентльмена, сэр, — происхождение или чувство чести.

— Мы не столь напыщенны, чтобы слишком с этим носиться, — фыркнул Лентон. — Думаю, мы нашли выход, а о последствиях беспокоиться незачем. Когда этот детеныш вылезет из яйца, нас всех могут уже перебить или взять в плен.

Холлин ушам своим не поверил, когда Лоуренс освободил его от обязанностей старшего механика.

— Собственный дракон? — Он отвернулся, пряча лицо. Лоуренс сделал вид, что ничего не заметил. — Не знаю, как и благодарить вас, сэр, —

проговорил Холлин сдавленным шепотом.

— Я обещал, что вы справитесь, смотрите же, не подведите меня. — Лоуренс пожал ему руку. — Отправляйтесь немедленно, винчестера ждут со дня на день. Карета, которая доставит вас в Четем, уже готова.

Ошеломленный Холлин взял дорожную сумку, которую наскоро собрали для него товарищи по команде, и Роланд повела его к запряженной карете. Сияющие механики обступили его, чтобы попрощаться, и конца этому не было видно. Лоуренс счел, что пора вмешаться.

— Джентльмены, ветер все еще дует с севера. Давайте снимем с Отчаянного часть брони на ночь, — сказал он и увел всех с собой.

Отчаянный, расставшись с Холлином, слегка загрустил.

— Я очень рад, что опекуном нового дракона будет он, а не Ренкин, но лучше бы его еще раньше назначили капитаном Левитаса. Может, Холлин не дал бы ему умереть.

— Нам не дано знать, что могло бы случиться, — сказал Лоуренс. — И я не уверен, что такая замена сделала бы Левитаса счастливым. Даже умирая, он хотел видеть одного только Ренкина, как ни странно это для нас.

Ночевал он снова рядом с Отчаянным, закутавшись в несколько одеял по случаю заморозков. Проснувшись на рассвете, он увидел, что голые верхушки деревьев гнутся на запад. Ветер задул со стороны Франции.

— Отчаянный, — тихо позвал Лоуренс. Дракон тут же поднял голову и понюхал воздух.

— Ветер переменился, — сказал он и уткнулся Лоуренсу в плечо.

Капитан позволил себе полежать еще пять минут, поглаживая нежную чешую драконьего носа.

— Ты ведь никогда не страдал по моей вине, правда?

— Никогда, Лоуренс, — очень тихо ответил Отчаянный.

Наземная команда прибежала сразу, как только Лоуренс позвонил в колокол. Снятую броню сложили здесь же на лугу, под брезентом, боевую сбрую оставили на Отчаянном. Пока его облачали в доспехи, Грэнби проверял портупеи у всего экипажа. Лоуренс, пройдя инспекцию наравне со всеми, перезарядил пистолеты и пристегнул шпагу.

По холодному белому небу скользили серые тучи. Приказа от командующего пока еще не

было. Отчаянный по просьбе Лоуренса посадил его на плечо и встал на задние лапы. За деревьями виднелась темная полоса океана, в гавани покачивались суда. Холодный соленый ветер бил прямо в лицо.

— Спасибо, Отчаянный, — сказал капитан, и дракон опустил его вниз. — Будем поднимать экипаж на борт, мистер Грэнби.

Когда Отчаянный поднялся в воздух, наземная команда издала мощный клич, больше похожий на рев. По всему запаснику прокатилось эхо — это взлетали другие драконы. Максимус затмевал всех остальных своими гигантскими размерами и красно-золотым колером, Викториатус и Лили тоже выделялись среди желтых жнецов.

Флаг Лентона развевался на Обверсарии, золотой углокрылке. Чуть крупнее жнеца, Обверсария заняла место во главе эскадрильи. В скорости и грации движений она лишь ненамного уступала Отчаянному. Всем крупным драконам предписывалось действовать самостоятельно, и Отчаянный не должен был подстраиваться к общему ритму. Он выбрал себе позицию ближе к ведущей.

Встречный ветер уносил прочь все звуки. Лишь крылья Отчаянного хлопали, подобно тугим

парусам, да поскрипывала тяжелая сбруя. Среди экипажа царило напряженное, неестественное молчание. Враг уже показался. Французские драконы на таком расстоянии выглядели как птичья стая — не то чайки, не то воробьи.

Шли они на большой высоте, примерно в девятистах футах над уровнем моря, куда не доставали даже самые длинные стволы перечниц. Внизу белели паруса в облаках дыма: эскадра Английского канала безуспешно палила в небо. Большинство кораблей разместилось у самого берега, хотя подходить к нему так близко с подветренной стороны было очень опасно. Если бы французам пришлось садиться у прибрежных утесов, они могли еще, пусть ненадолго, попасть под обстрел.

Мортиферус и Эксидиум со своими звеньями, летевшие от Трафальгара на бешеной скорости, все же никак не успевали домой до конца этой недели, и каждый авиатор в точности знал, какими силами располагает противник. Простые подсчеты с самого начала показывали, что на победу нечего и надеяться.

Видеть эти силы воочию было, однако, еще страшней. По воздуху двигалось двенадцать легких деревянных гондол, таких же, как на чертеже

Ренкина. Каждую несли четыре дракона и четверо же охраняли. Лоуренс никогда не слышал о таком громадном воздушном войске — разве что в эпоху крестовых походов, когда драконы были мельче и добывать для них корм было легче.

Этой мыслью Лоуренс поделился с Грэнби — достаточно громко, чтобы экипаж его слышал:

— Долго такую кучу драконов не прокормить. Вряд ли он сможет предпринять вторую попытку.

Грэнби слегка оторопел, но не замедлил с ответом:

— Полностью с вами согласен. Не устроить ли нам небольшую разминку? До встречи, я думаю, осталось не менее получаса.

— Прекрасно. — Лоуренс поднялся на ноги. Надежная портупея, несмотря на ветер, позволила ему повернуться кругом. Авиаторы избегали его взгляда, но определенный эффект был налицо: спины распрямлялись, шепотки прекращались. Никто не хотел показывать своего страха при капитане.

— Мистер Джонс, будьте добры поменяться местами, — сказал Грэнби в рупор. Верховые и низовые, продрогшие на ветру, пришли в движение и немного согрелись. Идя в строю, они не могли

провести настоящие стрельбы, но лейтенант Риггс проявил похвальную смекалку и приказал своей команде дать несколько холостых залпов. Пальцы Данна побелели от холода. Перезаряжая ружье, он выронил рожок с порохом, и Коллинс, перегнувшись далеко вниз, едва успел поймать пропажу за шнур.

Когда загремели выстрелы, Отчаянный оглянулся назад, но тут же без всяких напоминаний повернулся обратно. Он летел без усилий — такой темп он мог выдерживать чуть ли не целый день — и дышал почти не чаще обычного. Единственной помехой для него был избыток боевого задора: приближаясь к противнику, он сделал рывок, но одного прикосновения Лоуренса хватило, чтобы вернуть его в строй.

Французские защитники прикрывали транспорты движущейся стеной — крупные драконы вверху, более мелкие сплошной массой внизу. Лоуренс предполагал, что прорыв этой оборонительной линии даст англичанам некоторую надежду. Носильщики, в основном средневесы пещеры-райе, работали на пределе сил и вряд ли могли оказать серьезное сопротивление.

Но у британцев было всего двадцать три дракона против сорока с лишним французских бойцов,

и четверть этого числа составляли сизари и винчестеры. Прорыв обороны представлялся делом почти невозможным, и любой дракон, пробившийся на ту сторону, был бы оторван от своих и вынужден действовать на свой страх и риск.

Лентон на Обверсарии поднял сигнал ближнего боя. Сердце Лоуренса забилось сильней — он знал, что это пройдет лишь после начала битвы.

— Выбери себе цель, Отчаянный, — сказал он в рупор. — Постарайся прорваться к любому из транспортов. — В этом драконьем скопище он доверял инстинкту Отчаянного больше, чем своему. Лоуренс был уверен, что Отчаянный разглядит малейшую брешь во французском строю, как только она появится.

Вместо ответа дракон пошел, как таран, на одну из крайних гондол. Трое французских защитников сомкнулись у него на пути, но он внезапно сложил крылья и ушел вниз. Французы устремились за ним. Отчаянный притормозил, пропустив их мимо себя, сделал несколько мощных взмахов и поднялся прямо к незащищенному брюху левого передового носильщика. Лоуренс видел, что этот дракон, мелкий пешер-райе, тащит свой груз через силу, хотя крыльями пока машет ровно.

— Бомбы готовь! — крикнул капитан.

Отчаянный пронесся мимо пешера-райе, разодрав ему бок, и бомбисты метнули свои снаряды на палубу транспорта. С пешера ответили ружейным огнем. Кто-то вскрикнул позади Лоуренса, и Коллинс обмяк в своей портупее. Его ружье упало в море, а миг спустя за ружьем последовало и тело: другой стрелок перерезал ремни убитого Коллинса.

На самом транспорте стрелков не имелось, но палуба у него была покатая, словно крыша. Три бомбы скатились с нее, извергая дым и не причинив никакого ущерба, две взорвались. Пешер от сотрясения сбился с ритма. Бледное, покрытое копотью, искаженное ужасом лицо глянуло на Лоуренса сквозь дыру в деревянной обшивке — и Отчаянный, заложив вираж, ушел прочь.

Откуда-то снизу падали черные капли крови. Лоуренс перегнулся посмотреть, но не обнаружил никакого ранения. Отчаянный тоже не жаловался.

— Грэнби, — позвал капитан, показывая на кровь.

— Это с когтей, чужая, — отозвался лейтенант.

Сделать второй заход возможности не было: два француза шли прямо на них. Отчаянный стал набирать высоту, французы тоже. Они уже

видели, как он умеет финтить, и старались не разгоняться, чтобы опять не проскочить мимо.

— Двойной оборот, пике и атака, — скомандовал Лоуренс Отчаянному.

— Прицел держать! — крикнул Риггс.

Отчаянный, сделав глубокий вдох, перекувырнулся и, увлекаемый силой тяжести, с бешеным ревом рухнул на врага. Лоуренсу показалось, что все его кости сдвинулись с места. Ведущий дракон шарахнулся в сторону, опутав крыльями голову ведомого.

Отчаянный пролетел между ними сквозь едкий дым вражеских выстрелов. Его стрелки дали ответный залп. С драконов сбрасывали убитых. Отчаянный зацепил когтями одного из противников, и горячая кровь брызнула Лоуренсу на бриджи.

Раненый летел зигзагом, громко крича от боли. Лоуренс, оглянувшись, увидел, как тот поворачивает к родному берегу. Французские авиаторы, пользуясь численным преимуществом, не принуждали раненых драконов оставаться в строю.

— Ты настоящий герой! — Лоуренс не сдерживал гордости и ликования при всей абсурдности этих чувств в разгар почти безнадежного боя.

Позади кричали «ура»: второй французский

дракон улетал, не смея сразиться с Отчаянным в одиночку. Отчаянный, не получивший пока ни единой царапины, с торжеством помчался к подбитому транспорту.

Туда уже подоспела Мессория из их старого звена. Они с Саттоном, умудренные тридцатилетним опытом, тоже сумели прорвать вражеский фронт и атаковали пешера, которого подранил Отчаянный. Его защищали двое маленьких пу-де-сьель;[13] вдвоем они весили больше Мессории, но она лучше владела маневром. На палубе гондолы прибавилось дыма: экипаж Саттона умудрился, как видно, бросить туда еще пару бомб.

«Лево руля!» — просигналил Саттон. Мессория отвлекла защитников на себя, а Отчаянный ринулся вперед и налетел на пешера сбоку. Его когти с жутким скрежетом порвали кольчугу, и кровь полилась струей. Пешер, инстинктивно защищаясь, отнял лапу от бимса гондолы. Транспорт, прикрепленный к нему множеством тяжелых цепей, дал сильный крен вниз. Изнутри доносились крики.

Отчаянный, проделав не слишком изящный прыжок, избежал ответного удара, снова рванул

---

[13] Примечания: 13
небесный малыш *(фр.)*

кольчугу и нанес пешеру еще одну рану. Стрелки по команде Риггса обрушили залп на спину пешера. Увидев французского офицера, взявшего на прицел голову Отчаянного, Лоуренс разрядил в него свои пистолеты и ранил в ногу.

— Прикажите на абордаж, сэр! — крикнул Грэнби. На спине пешера не осталось почти никого — лучшей возможности и желать было нечего. Грэнби и еще дюжина человек стояли со шпагами наголо, готовясь отстегнуть свои карабины.

Лоуренс, больше всего боявшийся именно этого, неохотно велел Отчаянному поравняться с французом и скомандовал:

— На абордаж! — Его ужасал воздушный прыжок, который предстояло совершить экипажу, в то время как сам он оставался на месте.

Рядом раздался страшный заливистый крик: Лили только что нанесла лобовой удар другому вражескому дракону, окатив его кислотой. Противник, обезумев от боли, хватался когтями за морду и метался из стороны в сторону. Отчаянный и пешер оба дрогнули от жалости к раненому. Лоуренс поморщился, не в силах больше выносить этот крик, но внезапно звук оборвался. Французский капитан прополз по шее и пустил пулю в голову собственному дракону, из-

бавив его от мук. Экипаж перескакивал на других драконов и даже на Лили, но капитан пренебрег спасением и вместе с драконом упал в океан.

Лоуренс с трудом оторвался от жуткого зрелища. Его люди успешно сражались на спине у пешера; двое мичманов уже возились с цепями, связывавшими дракона с гондолой. Но бедственное положение пешера не ушло от внимания французов. На помощь ему мчался еще один бойцовый дракон, а смельчаки, вылезшие из продырявленного транспорта, пытались добраться до него по цепям. Двое на глазах у Лоуренса свалились вниз, не удержавшись на палубе, но удальцов было больше дюжины, и они представляли немалую угрозу для Грэнби с его отрядом.

Мессория издала долгий пронзительный вопль.

— Уходим! — закричал Саттон.

Из длинного пореза на груди жницы струилась кровь. Другую рану, на боку, уже заткнули тампонами. Мессория снизилась и полетела прочь, освободив двух пу-де-сьель, с которыми вела бой. Они были намного меньше Отчаянного, но он не мог драться одновременно с пешером и с ними. Требовалось либо отозвать абордажников, либо предоставить им завершать битву самим (они

могли взять пешера в плен, захватив живым его капитана).

— Грэнби! — позвал во весь голос Лоуренс.

Тот обернулся, вытирая кровь с лица, оценил обстановку и махнул рукой, отпуская их.

Лоуренс потеребил за плечо Отчаянного. Дракон напоследок полоснул пешера, разодрав ему бок до кости, и для полного обзора поднялся чуть выше. Два пу-де-сьель парили рядом с пешером, но не смели подойти вплотную, чтобы высадить на него людей: Отчаянный в такой позиции быстро бы с ними разделался.

Безопасность самого Отчаянного тоже оставляла желать лучшего. Стрелки и половина низовых ушли с абордажной командой. Дело того стоило, поскольку захват пешера сильно затруднил бы дальнейшее продвижение транспорта. Даже если гондола удержится в воздухе, оставшимся трем носильщикам придется скорее всего повернуть назад. Но на борту осталось слишком мало людей, а снятие абордажников с пешера было сопряжено с большим риском.

Отряд Грэнби одолевал последних авиаторов на пешере, намного опередив солдат с транспорта. Один пу-де-сьель все-таки отважился стать с пешером бок о бок.

— Займись им, — сказал Лоуренс.

Отчаянный немедленно пошел на снижение, и мелкий дракон при виде его зубов и когтей поспешно ретировался. Это лишило французов последнего шанса. Пешер тревожно кричал, оглядываясь назад: Грэнби, стоя на его шее, приставил пистолет к виску капитана.

Цепи по приказу Грэнби отстегнули, пленного дракона развернули в сторону Дувра. Он полетел неохотно и медленно, то и дело оборачиваясь и глядя на своего капитана. Три дракона с трудом удерживали перекосившийся транспорт.

Лоуренсу, однако, было не до триумфа. На них спикировали два свежих дракона: пти-шевалье[14] (крупнее Отчаянного, хотя и называвшийся «маленьким») и средневес пешер-куронне. Последний подхватил бимс гондолы, оставшийся без носильщика. Солдаты на палубе бросили болтающиеся цепи его экипажу, транспорт выровнялся и двинулся дальше.

Два пу-де-сьель опять приближались с противоположных сторон, пти-шевалье заходил сзади.

— Уходим, Отчаянный! — крикнул Лоуренс. Он отдавал этот приказ с большой неохотой, но что

---

[14] Примечания: 14
маленький рыцарь *(фр.)*

было делать?

Отчаянный мгновенно повиновался, но вражеские драконы не отставали, а он заметно устал после получасового сражения.

Пу-де-сьель то и дело шмыгали у него перед носом, облегчая погоню пти-шевалье. Тот сделал внезапный рывок, и на Отчаянного перескочило несколько человек.

— Берегись, абордажники! — хриплым баритоном заорал лейтенант Джонс.

Страх придал Отчаянному сил. Он оторвался от шевалье, ударил когтями одного пу-де-сьель, и погоня отстала.

Восемь французов, однако, уже лезли по сбруе. Лоуренс зарядил пистолеты, сунул их за пояс, удлинил пристяжные лямки и встал. Пятеро верховых во главе с Джонсом пытались остановить врага посередине спины, и он пробирался к ним со всей быстротой, на которую у него хватало отваги. Первый его выстрел не попал в цель, но второй угодил прямо в грудь французу. Тот упал, кашляя кровью, и скатился вниз.

Отчаянный несся вперед, а на спине у него кипел рукопашный бой. Французский лейтенант, видя золотые нашивки Лоуренса, навел на него пистолет и начал говорить что-то. Лоуренс, не

слушая, вышиб у француза оружие и ударил его в висок рукоятью пистолета. Лейтенант упал, на его месте вырос другой француз — но ему помешал сильный противный ветер, и удар его шпаги лишь скользнул по кожану Лоуренса.

Лоуренс рассек противнику ремни портупеи, сапогом скинул его в море и оглянулся, ища новых врагов, но все французы были уже убиты либо обезоружены. Англичане потеряли двоих — Челлонера и Райта. Лейтенант Джонс болтался на сбруе с тяжелой огнестрельной раной в груди. Когда его начали перевязывать, он тоже испустил дух.

Лоуренс закрыл ему глаза и вдел свою шпагу в ножны.

— Мистер Мартин, наверху за лейтенанта командовать будете вы. Уберите трупы.

— Да, сэр, — пропыхтел Мартин. На щеке у него остался порез, кровь обрызгала желтые волосы. — Что с вашей рукой?

Лоуренс посмотрел. Сквозь прореху в кожане проступила кровь, но рукой он двигал свободно и не чувствовал слабости.

— Царапина. Сейчас завяжу.

Он перелез через чье-то тело на свой капитанский пост, пристегнулся, перевязал рану

галстуком.

— Абордаж отражен! — крикнул он, и напряженные плечи Отчаянного расслабились. Во время вражеский высадки дракон, как и полагалось, удалился от поля сражения, но сейчас повернул обратно. Лоуренс, глядя вверх, видел всю картину военных действий, частично заслоненную дымом и драконьими крыльями.

Все вражеские транспорты, кроме трех, оставались в полной неприкосновенности: французские драконы-защитники свирепо отражали атаки британцев. При Лили удержался один Нитидус, других драконов звена Лоуренс нигде не видел. Максимус дрался со своим старым врагом граншевалье; за минувшие два месяца он почти дорос до француза, и они терзали друг друга так, что страшно было смотреть.

Шум битвы на таком расстоянии был приглушен, но звук, идущий снизу, тревожил ничуть не меньше: это волны бились о белые меловые утесы. Британцев оттеснили к самому берегу, и Лоуренс видел на суше красные с белым мундиры солдат. День не дошел еще и до середины.

Шестеро драконов-тяжеловесов внезапно отделились от французского строя и с ревом понеслись вниз, к земле. С них густо метали бом-

бы. Красные ряды заколебались, как рожь под ветром. Ополченцы, стоявшие в центре, падали на колени, прикрывали руками головы, хотя ущерб от бомбардировки был совсем невелик. С земли невпопад загремели ружейные выстрелы. Головной транспорт французов приближался неумолимо, и Лоуренс в страхе сознавал, что высадка пройдет почти без помех.

Четверо носильщиков летели кучно, держась над самой гондолой. Вот ее киль пропахал борозду в почве, и облако взрыхленной земли накрыло ряды изготовившихся к стрельбе англичан. Еще миг — и больше половины стрелков первого ряда пали мертвыми. Передняя стенка транспорта откинулась на петлях, и оттуда грянул ружейный залп.

В клубах порохового дыма французы, крича «Vive l'Empereur!»,[15] повалили наружу. Их было больше тысячи, и они везли за собой два восемнадцатифунтовых орудия. Пехота прикрывала пушки, артиллеристы подтаскивали снаряды. Красные мундиры дали ответный залп, ополчение их поддержало. Французы, закаленные в боях ветераны, падали десятками, но тут же смыкали

---

[15] Примечания: 15
«Да здравствует император!» *(фр.)*

ряды и не уступали ни шага. Четверо дракононосильщиков тем временем сбросили цепи и вступили в воздушный бой. Под усиленной защитой с воздуха приготовился к высадке второй транспорт, чьи носильщики грозили усугубить ситуацию.

Максимус прервал бой с гран-шевалье и без всяких изысков ринулся на снижающуюся гондолу. Два мелких дракона попытались преградить ему путь, но он разметал их, невзирая на укусы и удары когтей. Один просто отлетел в сторону, другой, красно-синий оннер-дор,[16] упал на скалы и переломил крыло. Он цеплялся за утес, пытаясь взобраться наверх, из-под его когтей сыпался мел.

Легкий фрегат с двадцатью четырьмя орудиями и мелкой осадкой, отважно дрейфовавший у самого берега, не упустил случая и дал по дракону полный бортовой залп. Оннер-дор с предсмертным криком сорвался в море, где безжалостный прибой разбил его о скалы вместе с остатками экипажа.

Максимус, опустившись на второй транспорт, рвал цепи-постромки. Его вес тянул носильщи-

---

[16] Примечания: 16
золотая честь *(фр.)*

ков вниз, но они не сдались и сбросили гондолу на берег в тот самый миг, когда Максимус окончательно разорвал цепи. Деревянная скорлупа, рухнув с высоты двадцати футов, треснула и раскидала свой груз, но многие солдаты поднимались и строились в ряды за своими товарищами с первого транспорта.

Максимус тяжело сел позади английских рядов. От него валил пар, из многочисленных ран текла кровь, крылья поникли. Он попытался расправить их и взлететь, но не смог и снова присел, содрогаясь всем телом.

Три-четыре тысячи человек и пять орудий уже закрепились на берегу. Из двадцати тысяч английских солдат большинство составляли ополченцы, которые откровенно боялись драконов и могли вот-вот обратиться в бегство. Здравый смысл подсказывал, что французский военачальник, дождавшись еще примерно трех транспортов, начнет наступать. Французы займут батареи, откроют огонь по британским драконам и окончательно расчистят подходы к берегу.

— Лоуренс, — сказал Отчаянный, повернув назад голову, — вон еще две посудины готовятся к высадке.

— Да, — тихо ответил Лоуренс. — Мы должны

попытаться остановить их. Если они сядут, битву на суше можно считать проигранной.

Отчаянный поменял курс так, чтобы оказаться впереди летящего к берегу транспорта, и только тогда спросил:

— Мы ведь не сможем им помешать, правда, Лоуренс?

Передние наблюдатели слышали их разговор, и Лоуренс ответил не только Отчаянному, но и двум юным крыльманам:

— Полная победа вряд ли возможна, но кое-какую помощь Англии мы окажем. Если они будут высаживаться порознь и на менее выгодных позициях, ополчение, быть может, сумеет продержаться какое-то время.

Отчаянный кивнул, и Лоуренсу показалось, что тот разгадал не высказанную до конца правду. Битва проиграна, и эта их попытка имеет скорее символический смысл.

— И еще мы не должны бросать наших друзей, — сказал дракон. — Я думаю, именно это ты всегда называл долгом. Такой долг я могу понять.

— Да, — выговорил Лоуренс с пересохшим горлом. Они обогнали транспорты и оказались над сушей. Ополченцы внизу казались размытым

красным пятном. Отчаянный развернулся, чтобы встретить первый транспорт лоб в лоб, и Лоуренс еще успел похлопать его по шее в знак молчаливого понимания.

Французские драконы, завидев впереди землю, воодушевились и прибавили скорости. Передними носильщиками были два пешера, примерно одинаковые по величине и совершенно целехонькие. Лоуренс предоставил Отчаянному решать, на которого напасть первым, и заново зарядил пистолеты.

Отчаянный висел в воздухе, растопырив крылья, точно хотел преградить пешерам дорогу. Тонкая серая паутинка его жабо встопорщилась и просвечивала на солнце. Он сделал вдох, и по всему его телу прошла медленная глубокая дрожь. Бока раздулись, грудная клетка, и без того массивная, выпятилась. Кожа натянулась так, что Лоуренс забеспокоился. Под ним, в могучих легких Отчаянного, перемещался и резонировал воздух.

Рокот нарастал, напоминая барабанную дробь. — «Отчаянный», — одними губами произнес Лоуренс, не в силах вымолвить что-то вслух. Отчаянный исторгал наружу накопленное дыхание. Он раскрыл пасть, и оттуда вырвался рев

— не столько звук, сколько сокрушительная сила, от которой самый воздух перед ним поплыл и заколебался.

Когда дымка разошлась, Лоуренс не сразу понял то, что ему открылось. Транспорт разламывался, точно от бортового залпа, легкое дерево крошилось, люди и пушки горохом сыпались в прибой у подножья скал. Уши и челюсти болели, как от сильного удара по голове.

— Лоуренс, по-моему, у меня получилось. — Отчаянный, которого все еще сотрясала дрожь, был скорее поражен, чем обрадован.

Лоуренсу, разделявшему его чувства, до сих пор не повиновался язык.

Четверо драконов так и остались привязанными к разбитому транспорту. У левого переднего текла кровь из ноздрей, он задыхался и вскрикивал. Экипаж, спасая его, спешно отомкнул цепи. Пешер протянул еще четверть мили и сел позади французских рядов. Капитан и весь экипаж тут же спрыгнули наземь, раненый дракон свернулся клубком и принялся тереть морду лапами.

За спиной Лоуренса слышалось громовое «Ура!» британцев и пушечная пальба — это французы вели огонь по Отчаянному.

— Он могут достать нас, сэр, — спешно доложил

Мартин.

Отчаянный, услышав это, ушел из-под обстрела и снова замер, паря над морем. Высадка приостановилась. Бойцовые драконы крутились на месте, не смея приблизиться, растерянные не меньше, чем Отчаянный с Лоуренсом. Но французские капитаны могли вскоре опомниться, предпринять совместную атаку против Отчаянного и сбить его. Брать их врасплох следовало прямо сейчас.

— Отчаянный, — сказал капитан, — спускайся и попробуй атаковать их снизу, на уровне скал. Мистер Тернер, предупредите наши корабли внизу выстрелом и дайте им сигнал «ближний бой». Думаю, они нас поймут.

— Ладно, попробую. — Отчаянный снизился и снова стал надуваться. Свой оглушительный выдох он послал в днище висящего над водой транспорта. Дистанция была больше, чем в прошлый раз, поэтому он разнес гондолу не до конца — но по корпусу побежали широкие трещины, и драконы-носильщики засуетились, боясь, что гондола развалится.

Прямо на них летел боевой клин — около шести тяжеловесов с гран-шевалье во главе. Отчаянный вильнул в сторону и по знаку Лоуренса снизился к самой воде, где ждали с полдюжины фрегатов

и три линкора. Как только он пронесся мимо, грянули корабельные пушки, и французы заметались, уворачиваясь от картечи и ядер.

— Теперь быстро переходи к следующему, — скомандовал Лоуренс, но Отчаянный и без приказа знал, что нужно делать. Очередной транспорт, самый крупный из всех, несли четыре тяжелых дракона, на палубе реяли вымпелы с золотыми орлами.

— Это ведь его флаги, правда? — крикнул назад Отчаянный. — У них на борту Бонапарт?

— Скорее кто-то из его маршалов! — прокричал Лоуренс против ветра, хотя и его охватило волнение.

Защитники перестраивались в верхнем эшелоне, снова готовясь атаковать, но Отчаянный, опережая их, уже мчался к цели. Большой транспорт, построенный из более прочного дерева, тоже устоял и лишь треснул со звуком пистолетного выстрела. Щепки летели от него во все стороны.

Когда Отчаянный сделал второй заход, с двух сторон от него возникли внезапно Обверсария и Лили.

— Бейте их, бейте! Прочую сволочь оставьте нам! — проревел в рупор Лентон, и обе дракони-

цы ринулись навстречу боевому звену.

На подбитом транспорте подняли новый сигнал. Несшие его драконы развернулись и полетели прочь. Все гондолы, сколько еще оставалось в воздухе, проделали тот же маневр и потянулись обратно, во Францию.

Эпилог

— Лоуренс, будьте милым, принесите вина. — Роланд упала на стул рядом с ним, ничуть не заботясь о сохранности своих юбок. — Двух танцев для меня более чем достаточно, больше я с места не поднимусь.

— Не хотите ли уйти прямо сейчас? Я с удовольствием провожу вас.

— По-вашему, я так неуклюжа, что в платье не в состоянии пройти и четверти мили? Скажите прямо, и я стукну вас по голове этим очаровательным ридикюлем, — засмеялась она. — Я не для того наряжалась, чтобы убегать в столь ранний час. Мы с Эксидиумом возвращаемся в Дувр через неделю, и одному Богу известно, когда мне еще доведется побывать на балу, к тому же устроенном в нашу честь.

— Я с вами, Лоуренс, — вызвался Чинери. — Раз тут кормят одними французскими финтифлюшками, надо хоть запасти их побольше.

— Слушайте, слушайте! — возгласил Беркли. — Тащите целое блюдо!

У столов их разделила толпа. Народу все прибы-

вало: лондонское общество не уставало ликовать по поводу побед при Трафальгаре и Дувре, и авиаторы, дотоле презираемые, вдруг сделались героями дня. Все с улыбками расступались перед нашивками Лоуренса. Без особых трудов разжившись бокалом вина, он с сожалением отказался от мысли прихватить еще и сигару: было бы верхом невежливости наслаждаться ею при Роланд и Харкорт, лишенных такой возможности. Вместо сигары он взял второй бокал, полагая, что в желающих недостатка не будет.

Услышав свое имя, он вполне оправданно ограничился легким поклоном — ведь обе руки у него были заняты.

— Капитан Лоуренс! — Мисс Монтегю улыбалась ему гораздо приветливее, чем в доме его родителей, и была явно разочарована тем, что не может подать ему руку. — Очень рада видеть вас снова. Так много времени прошло с нашей встречи в Воллатон-холле! Как поживает наш славный Отчаянный? У меня чуть сердце не остановилось, когда я услышала о сражении. Я предчувствовала, что вы окажетесь в самой гуще — так и случилось.

— У него все хорошо, благодарю вас. — Лоуренс едва сдерживался: «наш славный Отчаянный»

было явным перебором с ее стороны, но он не хотел быть грубым с дамой, которую встретил в родительском доме. Отец не поддался всеобщему поветрию любви к авиаторам: обидеть мисс Монтегю значило усугубить их размолвку и, возможно, еще больше осложнить положение матери.

— Могу я представить вас лорду Уинсдейлу? — Она повернулась к своему спутнику и очень тихо произнесла: — Это капитан Лоуренс — помните, сын лорда Эллендейла?

— Как же, как же! — Свой легкий кивок Уинсдейл, видимо, расценивал как величайшую милость. — Молодцом, Лоуренс. Достойны всемерных похвал. Мы все должны почитать себя счастливыми оттого, что вы сумели добыть для Англии такое животное.

— Вы слишком добры, Уинсдейл, — тем же тоном ответил Лоуренс. — Прошу меня извинить — не хочу, чтобы вино согрелось больше, чем следует.

Мисс Монтегю, кажется, рассердилась, но тут же прощебетала:

— О, разумеется. Быть может, вы увидитесь с мисс Гелмен и передадите ей привет от меня? Ах, я снова все перепутала. Она теперь миссис Уолви,

и в Лондоне ее нет, ведь правда?

Эта злючка умудрилась что-то разнюхать, подумал Лоуренс.

— Да, сейчас они с мужем, кажется, путешествуют по озерному краю, — ответил он и поклонился, очень довольный, что новость не застала его врасплох.

Мать написала ему о помолвке Эдит вскоре после сражения, и он получил письмо еще в Дувре. «Надеюсь, это не слишком тебя огорчит, — говорилось в письме. — Я знаю, ты всегда восхищался ею, и сама находила ее очаровательной, но не могу одобрить решение, которое она приняла».

Лоуренс к этому времени уже оправился от удара, который получил прошедшей зимой. Он знал, что Эдит когда-нибудь станет женой другого, и мог с чистой совестью успокоить мать. Эдит, по чести, было не за что упрекнуть: их брак обернулся бы катастрофой для обеих сторон. Последние девять месяцев он не нашел бы времени даже подумать о ней. Лоуренс не видел причин, по которым Уолви не мог бы стать для Эдит превосходным мужем, и при встрече искренне пожелал бы ей счастья.

Но шпилька, которую подпустила мисс Монтегю, видимо, не прошла даром.

— Как вы долго, — сказала Роланд, взяв у него бокалы. — Вам кто-нибудь докучал? Не обращайте внимания, лучше прогуляйтесь и взгляните, как там Отчаянный. Это исправит вам настроение.

Ее идея пришлась по душе Лоуренсу.

— Так я, пожалуй, и сделаю, если вы меня извините.

— Проведайте заодно и Максимуса — вдруг он хочет добавки, — попросил Беркли.

— И Лили! — воскликнула Харкорт, но тут же спохватилась, боясь, что ее услышат за соседними столиками. Общество не могло знать, что сопровождающие авиаторов женщины — такие же капитаны, как и мужчины. Предполагалось, что это жены. Роланд со своим шрамом вызывала, правда, некоторое замешательство, но ей это было глубоко безразлично.

Лоуренс покинул своих веселых сотрапезников и вышел наружу. Старый запасник близ Лондона давно уже вошел в черту города. Теперь им пользовались только курьеры, но по случаю празднества на его северной окраине воздвигли большой павильон.

Музыкантов по просьбе авиаторов посадили в самом торце, чтобы и драконы могли послушать.

Поначалу музыканты побаивались, но драконы оказались столь благодарной публикой, что их беспокойство совершенно прошло. Первая скрипка вовсе покинула зал и просвещала крылатых слушателей, исполняя отрывки из разных произведений.

Максимус и Лили внимали как зачарованные и задавали скрипачу множество вопросов, но Отчаянный, к удивлению Лоуренса, свернулся клубком отдельно от всех остальных и беседовал с кем-то, кого капитану не было видно.

Лоуренс подошел поближе и тихо окликнул Отчаянного. Человек обернулся, и Лоуренс с радостью узнал в нем сэра Эдварда Хоу.

— Счастлив вас видеть, сэр! — воскликнул он, пожимая руку ученому. — Я не слышал, что вы возвратились в Лондон, хотя специально наводил справки сразу, как мы прилетели.

— Новости застигли меня в Ирландии, я только-только приехал. — Лоуренс, услышав это, заметил, что сэр Эдвард одет по-дорожному и сапоги у него в пыли. — Надеюсь, вы не поставите мне в вину, что я, полагаясь на наше знакомство, не стал дожидаться формального приглашения. Мне хотелось поговорить с вами незамедлительно, но внутри такая давка, что я решил не

разыскивать вас, а побыть с Отчаянным, пока вы не появитесь.

— Мне совестно, что мы доставили вам столько хлопот. Я сам стремился поговорить с вами с тех самых пор, как Отчаянный проявил такие способности. Думаю, известие о них и привело вас сюда. Он говорит, что всякий раз, издавая рев, испытывает такие же ощущения — вот и все. Мы не можем понять, как простой звук может произвести подобное действие, и никто из нас ни о чем похожем не слышал.

— Вы и не могли слышать. — Сэр Эдвард посмотрел на толпу драконов у павильона. — Быть может, поищем более уединенное место?

— Можно перелететь на мою лужайку, — предложил Отчаянный. — Я с удовольствием перенесу вас обоих. Минута — и мы там.

— Это пожалуй, будет лучше всего, если вы не против, — сказал сэр Эдвард. Отчаянный бережно обхватил их когтями и мгновение спустя поставил на пустую лужайку. — Извините, что порчу вам такой вечер, — добавил ученый.

— Уверяю вас, я только счастлив улизнуть оттуда на время.

Лоуренсу не терпелось услышать, что скажет сэр Эдвард. Опасения, что Наполеон подошлет

своего агента к Отчаянному, после победы только усилились.

— Хорошо. Не буду больше держать вас в неведении. Я не претендую на то, будто мне понятна механика действий Отчаянного, но в литературе такие случаи упоминаются. У китайцев и японцев это явление называется «божественный ветер». Боюсь, это ничего не добавит к тому, что вы уже знаете, но важно другое. Таким свойством обладает только одна порода, а именно селестиалы.

Воцарилось молчание. Лоуренс не знал, что и думать, Отчаянный переводил взгляд с капитана на сэра Эдварда.

— Разве они так сильно отличаются от империалов? — спросил он наконец. — Ведь обе эти породы китайские?

— Разница очень велика, — заверил его сэр Эдвард. — Империалы тоже встречаются достаточно редко, но селестиалами владеют только императоры или их ближайшие родственники.

— Императоры, — медленно, начиная понимать, повторил Лоуренс. — Незадолго до сражения, сэр, в Дуврском запаснике разоблачили французского шпиона. И он сказал, что яйцо с будущим Отчаянным было подарено не Франции, а лично самому Бонапарту.

— Это меня не удивляет, — кивнул сэр Эдвард. — Сенат вручил Бонапарту корону в мае прошлого года. Время вашей встречи с французским фрегатом показывает, что китайцы послали яйцо ему в дар, как только узнали об этом. Не могу понять, что побудило их сделать столь щедрый подарок. Никаких других попыток заключить союз с Францией они не предпринимали, но совпадение во времени не допускает иных толкований.

— И если они хотя бы приблизительно знали, когда должен вылупиться дракон, мне понятно, почему они выбрали такой транспорт, — подхватил Лоуренс. — Пройти за семь месяцев из Китая во Францию вокруг мыса Горн может только быстроходный фрегат, вот они и рискнули.

— Лоуренс, — сокрушенно промолвил сэр Эдвард, — я ввел вас в заблуждение и покорнейше прошу меня простить. Хотел бы сослаться на незнание, но и этого не могу. Я читал описания селестиалов, видел их на рисунках. Мне попросту в голову не пришло, что жабо и усики отрастают у них только с наступлением зрелости. По строению тела и крыльев они очень схожи с империалами.

— Прошу вас, не огорчайтесь так, сэр. Ни о какой вашей вине даже речи быть не может. Эта

маленькая неточность вряд ли могла повредить его обучению, и свой талант он в любом случае проявил как нельзя более вовремя. — Лоуренс улыбнулся Отчаянному и погладил его стройную переднюю ногу, а дракон весло зафырчал, соглашаясь. — Стало быть, ты селестиал, голубчик, и если подумать, то удивляться тут нечему. Понятно теперь, почему Бонапарт пришел в такой раж, потеряв тебя.

— Думаю, он не скоро еще перестанет гневаться, — заметил сэр Эдвард. — Хуже того, он натравит на нас китайцев. Те весьма щекотливы во всем, что касается императорской фамилии, и будут, несомненно, сильно задеты, что их сокровище досталось простому британскому офицеру.

— Не вижу, как это может затрагивать их или Наполеона, — возмутился Отчаянный. — Из яйца я давно вышел, и мне все равно, император Лоуренс или нет. Наполеон вот император, а мы его победили и обратили в бегство. Не понимаю, что такого хорошего в этом титуле.

— Не волнуйся, голубчик, им не к чему будет придраться. Мы взяли тебя не с китайского судна, а с французского военного корабля. Китай сам решил отдать яйцо нашим врагам, и ты вполне законный военный трофей.

— Рад это слышать, — сказал сэр Эдвард, хотя сомнение еще звучало в его голосе. — Но они все-таки могут затеять ссору. Законы других государств их мало заботят и вовсе утрачивают значение, когда идут вразрез с их собственными понятиями. Вы не знаете, как они сейчас настроены по отношению к нам?

— Шум они, пожалуй, поднять могут, — призадумался Лоуренс. — Военного флота у них практически нет, зато драконы славятся по всему миру. Расскажу обо всем адмиралу Лентону — он понимает в политических разногласиях больше меня.

Над головой зашумели крылья, земля содрогнулась — это Максимус сел на свою лужайку неподалеку от них. За деревьями мелькала его красная с золотом шкура. Другие драконы тоже разлетались на отдых. Бал, видимо, подходил к концу, и Лоуренс видел по догорающим фонарям, что час уже поздний.

— Вы, должно быть, устали с дороги, — сказал он сэру Эдварду. — Своим рассказом, сэр, вы снова оказали мне великое одолжение. Могу ли я просить еще об одном — отобедать завтра со мной? Не хочу держать вас на холоде, но вопросов у меня, признаться, изрядное множество. Очень

хочется узнать о селестиалах побольше.

— С большим удовольствием. — Сэр Эдвард поклонился им обоим. — Нет, благодарю, я и сам прекрасно найду дорогу, — сказал он, когда Лоуренс собрался его проводить. — Я вырос в Лондоне и мальчишкой часто сюда забегал. Это место, смею сказать, мне знакомо лучше, чем вам.

Они условились о встрече и простились до завтра.

Лоуренс предполагал остановиться на ночь в соседней гостинице, где сняла комнату Роланд, но ощутил вдруг нежелание расставаться с Отчаянным. Он отыскал на конюшне одеяла, которыми пользовалась наземная команда, и свил себе довольно пыльное гнездо в драконьих объятиях, приспособив вместо подушки парадный мундир. «Извинюсь утром, — решил он. — Роланд меня поймет».

— Лоуренс, а какой он, Китай? — спросил Отчаянный, укрывшись крыльями от зимнего холода.

— Я бывал только в Индии, голубчик, а там нет. Но думаю, это страна чудес. Китай — древнейшее государство мира, древнее Рима. И драконы там, конечно, самые лучшие, — с улыбкой добавил Лоуренс, зная, что Отчаянному это будет приятно.

— Ну что ж, мы ведь можем слетать туда, когда

победим в этой войне. Я хотел бы познакомиться с другими селестиалами. А что до отправки меня Наполеону, так это вздор. Я никому не позволю нас разлучить.

— Я тоже не позволю, голубчик. — Лоуренс улыбался, хотя и понимал, что вмешательство Китая может сильно осложнить их судьбу. Разделяя в глубине души простые взгляды Отчаянного, он уснул под мерное драконье дыхание, так напоминавшее непрестанный шум моря.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ КНИГИ СЭРА ЭДВАРДА ХОУ

Сэр Эдвард ХОУ, член Королевского Общества

Заметки об отряде драконов в Европе с описани ем некоторых восточных пород

Издано в Лондоне Джоном Мюрреем, Элбмарл-стрит, 1796

По поводу измерения веса драконов Предисловие автора

Предвижу недоверие читателя, когда он увидит помещенные ниже цифры — ведь приводимые мной величины расходятся с теми, что публиковались ранее. Даже десять тонн, принятые как средний вес взрослого медного регала, поражают наше воображение — что же сказать о полученной мной средней величине, которую я помещаю ближе к тридцати тоннам? А наиболее крупные экземпляры, как я утверждаю, могут весить и все пятьдесят!

В качестве объяснения отсылаю читателя к последнему труду г-на Кювье. В своем новейшем исследовании воздушных мешков, дающих дракону способность летать, г-н Кювье, в свою очередь, ссылается на м-ра Кэвендиша, выделившего компоненты газовой, легче воздуха, смеси, наполняющей эти мешки, и предлагает новую систему измерения веса. Она основана на измерении объема воздушных мешков и позволяет более точно соотнести вес драконов с весом крупных наземных животных, у которых упомянутый орган отсутствует.

Те, кто никогда не видел дракона воочию — особенно же дракона крупных пород, где вышеназванное расхождение наиболее заметно, — отнесутся к моим словам скептически. Но если вам, подобно мне, довелось наблюдать медного регала рядом с крупнейшим из индийских слонов, который сам весил около шести тонн, вы, надеюсь, согласитесь с преимуществами новой системы. Ведь смешно полагать, будто дракон, способный съесть такого слона за один присест, весит всего в полтора раза больше.

Сэр Эдвард Хоу. Декабрь 1795 г.

Глава V

Драконы Британских островов. — Породы, распространенные повсеместно. — Континентальные породы. — Влияние современной диеты на габариты дракона. — Родословная медного регала. — Ядовитые разновидности.

…следует также вспомнить, что желтые жнецы, зачастую незаслуженно презираемые, распространены столь широко именно благодаря своим ценным свойствам. Они выносливы, неприхотливы в пище, стойко переносят жару и холод. По характеру, как правило, это добрые создания. Почти во всех британских родословных отмечено их присутствие. Эти драконы занимают прочное место в ряду средневесов, хотя между собой, что свойственно именно этой породе, разнятся от десяти тонн до наблюдаемых в последнее время семнадцати. Обычный их вес составляет двенадцать — пятнадцать тонн, средняя длина пятьдесят футов, размах безупречно пропорциональных крыльев — восемьдесят футов. Малахитовые жнецы отличаются от своих более привычных сородичей окрасом. Желтые жнецы, как и следует ожидать, желты, иногда

с белыми тигровыми полосами на боках и на крыльях; малахитовые имеют более тусклую желто-коричневую масть с бледно-зеленым узором. Они считаются результатом случайного скрещивания между желтыми жнецами и скандинавскими линдормами, произошедшим в эпоху англосаксонских завоеваний. Предпочитая более холодный климат, они обитают большей частью в северо-восточной Шотландии.

Охотничьи летописи и собрания костей говорят нам, что серые душегубы некогда были распространены почти не менее широко, чем жнецы, хотя ныне они встречаются редко. Эти драконы убивали домашний скот и потому сами были истреблены почти полностью, но диких особей и сейчас можно найти в отдаленных горных местах Шотландии. Некоторых удалось заманить в питомники, благодаря чему сохранились основные черты породы. Душегубы невелики, агрессивны по натуре, их вес редко превышает восемь тонн. Серый с пятнами окрас служит идеальной маскировкой во время полета. Путем их скрещивания с более мирными винчестерами были выведены сизари.

Самые распространенные французские породы, пешер-куронне и пешер-райе, по природе

своей ближе к душегубам, нежели к жнецам. Об этом можно судить по строению крыльев и грудной кости, килеобразной и сплавленной воедино с ключицей у обеих пород. Из-за этой анатомической особенности те и другие драконы рекомендуются более для скрещивания с легкими боевыми и курьерскими породами, чем с тяжелыми боевыми…

Именно от скрещивания с континентальными видами происходят все нынешние тяжелые породы Британии. Аборигенов среди них нет. Это скорее всего следствие климата. Более тяжелые драконы предпочитают в основном теплые края, где их воздушные мешки легче справляются со значительным весом. Ранее предполагалось, что Британские острова просто не могли поставлять корм в нужном для крупных драконов количестве, но наблюдения, показывающие, что драконам далеко не всегда требуются большие порции мяса, опровергают это предположение.

Дикие драконы, как известно, едят лишь раз в две недели — особенно летом, когда они много спят, а их добыча жиреет на подножных кормах. Неудивительно, что они никогда не дорастают до своих прирученных сородичей, которых кормят ежедневно, причем самое обильное кормление

приходится на первые, ключевые для роста, годы.

Стоит лишь вспомнить, что пустынная Альмерия на юго-востоке Испании, где пасутся тощие стада коз, — родина свирепых каучадоров-реаль, отдаленных предков наших медных регалов. В ручном состоянии эти драконы достигают веса в двадцать пять тонн, в диком же почти не превышают десяти-двенадцати…

Медные регалы — самая крупная из всех известных ныне пород: в зрелом возрасте их вес достигает пятидесяти тонн, а длина ста двадцати футов. Их окрас, очень красивый, представляет всю гамму оттенков от красного до желтого. Самцы в среднем несколько меньше самок, и к зрелости у них на лбу отрастают рожки. Спинной хребет у обоих полов имеет вид высокого костистого гребня, отчего взять медного регала на абордаж бывает весьма затруднительно.

Эти огромные животные являют собой величайший триумф британского драконоводства. Труд десяти поколений показывает, сколь неожиданные плоды может принести спаривание не самых ценных, казалось бы, особей. Роджер Бэкон первым предложил скрестить мелких самок породы медников с Конкистадором, входившим

в приданое Элеоноры Кастильской. Хотя это предложение и основывалось на ошибочных представлениях того времени, когда яркий окрас считался проявлением неких стихийных сил и оранжевую расцветку обеих пород принимали за признак скрытого родства, скрещивание оказалось успешным. Отпрыски были еще крупнее производителя и лучше выдерживали перелеты на дальние расстояния.

М-р Джозия Колхаун из Глазго предполагает, что успех этот основан на непропорционально больших воздушных мешках драконов-медников, и медные регалы в самом деле сохранили это свойство своих прародительниц. Анатомические же исследования г-на Кювье говорят о том, что без объемных мешков мышечная масса буквально выжимала бы воздух из легких регала, ибо костяк у него на удивление хрупок.

Огнедышащие виды в Британии не встречаются, несмотря на многолетние попытки вывести у наших драконов это ценнейшее качество. Хорошо известно, какой ущерб наносили нашему флоту французские пирогены флам-де-глуар или испанские флеча-дель-фуэго. Имеется, однако, местная порода черноплюев, которая вырабатывает парализующий добычу яд. Для боевых целей

черноплюи слишком малы и не могут летать высоко, но их скрещивание с крупными французами оннер-дор и русскими железнокрылами, тоже ядовитыми, дало потомство среднего веса с улучшенными летными качествами и более мощным ядом.

Вследствие браков между этими потомками с частыми вкраплениями родительских пород появился на свет первый длиннокрыл. Случилось это в царствование Генриха VII. Яд у этой породы имеет консистенцию кислоты и способен поражать не только вражеских драконов, но и наземные цели. В этом с длиннокрылами могут сравниться только копасати страны инков и японские кариу.

К сожалению, длиннокрылое легко заметить на поле боя и невозможно замаскировать. В этом повинна та самая особенность, из-за которой они получили свое название. В то время как длина их тела редко превышает шестьдесят футов, размах крыльев зачастую равен ста двадцати. Крылья, кроме того, делает заметными яркая оранжево-синяя окраска с черно-белой каймой по краям. От предков-черноплюев длиннокрылам достались необычайно зоркие желто-оранжевые глаза. В свое время черноплюев сочли не подлежащими

приручению и едва не истребили, поскольку оставлять их на воле было опасно, но благодаря новым методам приручения, изобретенным при Елизавете, порода уцелела и сыграла важнейшую роль в поражении Непобедимой Армады.

Глава XVII

Сравнительные свойства западных и восточных пород. — Древнейшие породы Китайской и Японской империй. — Империалы. — Селестиалы.

…секреты выведения имперских пород, будучи государственным достоянием, охраняются с большой тщательностью; они передаются из уст в уста или записываются особым шифром. Потому на Западе — или вернее сказать за пределами столицы Поднебесной — очень мало что известно об этих драконах.

Наблюдения путешественников дают нам лишь неполные сведения. Мы знаем, что империалов и селестиалов можно опознать по количеству когтей: их пять на каждой лапе, в то время как почти у всех остальных драконов только четыре. В крыльях у них шесть фаланг, а не пять, как у большинства азиатских пород. На Востоке верят, что имперские породы намного

разумнее всех остальных и сохраняют в зрелости то, что другие драконы обычно утрачивают в молодом возрасте: хорошую память и способности к языкам.

Верность этих постулатов подтверждает только один, зато надежный свидетель. Граф де Лаперуз встретился с драконом-империалом при корейском дворе, который нередко получает от дружественного Китая яйца этой драгоценной породы. Графа — первого из французов, посетивших в наши дни Корею, — попросили обучить дракона французскому языку, и тот, будучи наполовину взрослым, через месяц, к отъезду путешественника, уже говорил свободно. Недурное достижение для любого лингвиста!

...То, что селестиал — близкий родственник империала, можно заключить по немногим попавшим на Запад рисункам, но в остальном мы о них почти ничего не знаем. «Божественный ветер», наиболее загадочный из талантов этой породы, известен нам только понаслышке. Если верить слухам, селестиал способен вызвать бурю, землетрясение и сровнять с землей целый город. Это, разумеется, сильно преувеличено, но боязливое уважение, с которым к селестиалам относятся на Востоке, не позволяет считать этот

их дар чистым вымыслом…

Благодарю в первую очередь группу бета-читателей, которые следили за Отчаянным от первой главы до последней и не только поощряли меня сочинять дальше, но и помогали советом. Спасибо Холли Бентон, Дане Дюпон, Дорис Иген, Диане Фокс, Лоре Кейнис, Шелли Митчелл, Л. Салом, Миколь Садберг, Ребекке Ташнет — и Франческе Коппа, которая, собственно, и уговорила меня взяться за это. Спасибо также Саре Розенбаум, всему онлайновому журналу, помогавшему придумывать названия, и Тане Браун, вылавливавшей мои американизмы.

Мне посчастливилось пользоваться услугами замечательного литагента, моего друга Синтии Мэнсон, и советами превосходных редакторов: Бетси Митчелл в «Дель Рей», Джейн Джонсон и Эммы Гуд в британском издательстве «Харпер-Коллинз». Великое множество других друзей и читателей подсказывали мне интересные термины и помогали исключить анахронизмы. Я хотела бы перечислить их всех, но ограничусь общим сердечным «спасибо». Не щадя сил, участвовали в моих изысканиях Сьюзен Палмер (Музей Соуна, Лондон); Фиона Мюррей и ее добровольные помощники (Георгианский дом, Эдинбург); Хелен

Рош (Меррион-отель, Дублин).

Приношу дань любви и благодарности моим родителям и Соне. Последним в списке, но не по значению стоит мой муж Чарльз, которому посвящается эта книга. Он подарил мне столько всего, что и не пересказать, но первый и главный из этих подарков — радость.